

ЛИТЕРАТУРНАЯ СЕНСАЦИЯ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ,
УЖЕ ЗАРАБОТАВШИЙ МИЛЛИОНЫ ПОКЛОННИКОВ. THE VILLAGE

ЖОЭЛЬ ДИККЕР

ПРАВДА О ДЕЛЕ

CoRpus

ГАРРИ КВЕБЕРТА

Маркус Гольдман

Жоэль Диккер

Правда о деле Гарри Квеберта

«Corpus (АСТ)»

2012

УДК 821.133.1-312.4

ББК 84(4Шва)-44

Диккер Ж.

Правда о деле Гарри Квеберта / Ж. Диккер — «Corpus (АСТ)»,
2012 — (Маркус Гольдман)

ISBN 978-5-17-086262-7

“Правда о деле Гарри Квеберта” вышла в 2012 году и сразу стала бестселлером. Едва появившись на прилавках, книга в одной только Франции разошлась огромным тиражом и была переведена на тридцать языков, а ее автор, двадцатисемилетний швейцарец Жоэль Диккер, получил Гран-при Французской академии за лучший роман и Гонкуровскую премию лицеистов. Действие этой истории с головокружительным сюжетом и неожиданным концом происходит в США. Молодой успешный романист Маркус Гольдман мается от отсутствия вдохновения и отправляется за помощью к своему учителю, знаменитому писателю Гарри Квеберту. Однако внезапно выясняется, что помощь требуется самому Гарри, обвиненному в убийстве, которое произошло в тихом американском городке 33 года назад. Чтобы спасти Гарри от электрического стула, Маркус берется за собственное расследование и пытается распутать сложнейший клубок лжи, давно похороненных тайн и роковых случайностей. И получает тридцать один совет, как написать бестселлер.

УДК 821.133.1-312.4

ББК 84(4Шва)-44

ISBN 978-5-17-086262-7

© Диккер Ж., 2012
© Corpus (АСТ), 2012

Содержание

Исчезновение	7
Пролог	8
Часть первая	9
31. В глубинах памяти	9
30. Великолепный	21
29. Можно ли влюбиться в пятнадцатилетнюю девочку?	33
28. Как важно уметь падать	44
27. Там, где сажали гортензии	55
26. Н-О-Л-А	70
25. О Ноле	76
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Жоэль Диккер

Правда о деле Гарри Квеберта

Cover photo © Gregory Crewdson. Courtesy Gagosian Gallery

© Éditions de Fallois / L'Âge d'Homme, Paris, 2012

© И. Стаф, перевод на русский язык, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Издательство CORPUS®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Моим родителям

Исчезновение

(суббота, 30 августа 1975 года)

- Единый диспетчерский центр полиции. Что случилось?
- Алло! Меня зовут Дебора Купер, я живу на Сайд-Криклейн. По-моему, я только что видела, как какой-то мужчина гонится в лесу за девушкой.
- Опишите точно, что произошло.
- Я не знаю! Я стояла у окна, смотрела в сторону леса и увидела там эту девушку, она бежала между деревьями... И ее преследовал мужчина... По-моему, она пыталась от него спастись.
- Где они сейчас?
- Я... Я их больше не вижу. Они в лесу.
- Немедленно высылаю к вам группу, мэм.

Именно с этого звонка начались события, всколыхнувшие весь город Аврора, что в штате Нью-Гэмпшир. В тот день бесследно исчезла Нола Келлерган, местная девушка пятнадцати лет. И больше ее никто никогда не видел.

Пролог

Октябрь 2008 года

(спустя 33 года после исчезновения)

О книге говорили все. Я больше не мог спокойно бродить по улицам Нью-Йорка, я больше не мог совершать обычную пробежку по аллеям Центрального парка – гуляющие встречали меня возгласами: “Э, да это Гольдман! Тот самый писатель!” Бывало, кто-нибудь даже пробежал несколько шагов, чтобы догнать меня и задать терзавшие его вопросы: “Так это правда, то, про что написано в вашей книжке? Гарри Квеберт действительно это сделал?” В моем любимом кафе в Уэст-Виллидж некоторые посетители, недолго думая, усаживались за мой столик и заводили разговор: “Я сейчас читаю вашу книгу, мистер Гольдман, буквально не могу оторваться! Первая тоже была хороша, но эта! Вам правда отвалили миллион долларов, чтобы вы ее написали? А лет вам сколько? Только что исполнилось тридцать? Тридцать лет! И у вас уже такая куча деньжищ!” Даже привратник в моем доме, чье продвижение к концу книги я наблюдал каждый раз, когда он открывал мне двери, наконец, закончив чтение, надолго зажал меня у лифта, чтобы излить душу: “Так вот что случилось с Нолой Келлерган? Какой кошмар! Но как же человек может до такого докатиться, а, мистер Гольдман? Как такое может быть?”

Весь Нью-Йорк гонялся за моей книгой; она вышла всего две недели назад и уже обещала стать лидером продаж года на всем американском континенте. Всем хотелось знать, что произошло в Авроре в 1975 году. Об этом говорили везде: на телевидении, на радио, в газетах. Мне только что исполнилось тридцать, и эта книга, всего лишь вторая в моей карьере, сделала из меня самого популярного писателя Америки.

Громкое дело, которое взбудоражило всю страну и из которого я почерпнул сюжет для своего рассказа, случилось несколькими месяцами раньше, в начале лета, когда были обнаружены останки девушки, исчезнувшей тридцать три года назад. Так было положено начало событиям в Нью-Гэмпшире, о которых здесь пойдет речь. И не будь их, о существовании городка Аврора в остальной Америке наверняка никто бы и не подозревал.

Часть первая

Болезнь писателей

Страх чистого листа

(за 8 месяцев до выхода книги)

31. В глубинах памяти

– Самое главное, Маркус, это первая глава. Если она читателям не понравится, остальное они читать не будут. С чего вы думаете начать свою книгу?

– Не знаю, Гарри. Думаете, у меня когда-нибудь получится?

– Что?

– Написать книгу.

– Я в этом уверен.

В начале 2008 года, то есть примерно через полтора года после того, как благодаря своему первому роману я сделался новым идиолом американской литературы, на меня напал жестокий страх чистого листа – похоже, довольно обычный синдром среди писателей, переживших внезапный и громкий успех. Болезнь проявилась не сразу, она угнездилась во мне постепенно. Такое ощущение, что она поразила мозг и он постепенно оцепенел. На первые симптомы я не обращал внимания: я говорил себе, что вдохновение вернется завтра или послезавтра, а может, послепослезавтра. Но шли дни, недели, месяцы, а вдохновение не возвращалось.

Мое нисхождение в ад поделилось на три этапа. Первым, без которого никаких головокружительных падений просто не может быть, стал стремительный взлет: первый роман, распроданный в количестве двух миллионов экземпляров, возвел меня в ранг популярного писателя. Стояла осень 2006 года, и за несколько недель мое имя превратилось в Имя: я был везде – на телевидении, в газетах, на обложках журналов. Мое лицо глядело с гигантских рекламных плакатов на каждой станции метро. Самые суровые критики крупнейших ежедневных газет Восточного побережья в один голос утверждали, что молодой Маркус Гольдман обещает стать великим писателем.

Одна-единственная книга – и передо мной уже открыты врата новой жизни: жизни юных звезд-миллионеров. Я съехал из дома своих родителей в Монклере, штат Нью-Джерси, и обосновался в дорогой квартире в Гринвич-Виллидж, я сменил свой весьма потрепанный “форд” на новенький черный “рейнджровер” с тонированными стеклами, я сделался завсегдатаем фешенебельных ресторанов, я прибегнул к услугам литературного агента, который ведал моим времяпрепровождением и приходил в мой новый дом смотреть бейсбол на гигантской плазменной панели. Я снял офис в двух шагах от Центрального парка, где слегка влюбленная секретарша по имени Дениза разбирала мою почту, варила мне кофе и сортировала мои важные бумаги.

Первые полгода после выхода книги я лишь наслаждался своим новым приятным существованием. По утрам я заходил в офис, при случае просматривал статьи о себе и читал десятки писем от поклонников, которые приходили ежедневно и которые Дениза затем убирала в большие папки. Потом, довольный собой, я решил, что поработал достаточно, и шел бродить по улицам Манхэттена, провожаемый шушуканьем прохожих. Остаток дня я пользовался новыми правами, приобретенными вместе с известностью: правом покупать все, что захочется, правом на VIP-ложу в Мэдисон-сквер-гарден на матчах “Рейнджеров”, правом шагать по красным

дорожкам вместе с музыкальными звездами, чьи диски я собирал в ранней юности, правом появляться в свете вместе с Лидией Глур, героиней последнего телесериала, которую буквально рвали на части. Я был знаменитый писатель; мне казалось, что это самая прекрасная профессия. Уверенный, что успех будет длиться вечно, я не придал значения первым предупреждениям своего агента и издателя, которые торопили меня и усаживали за работу – писать новый роман.

За следующие полгода я обнаружил, что ветер изменился: писем от поклонников приходило все меньше, а на улице ко мне подходили все реже. Вскоре те из прохожих, кто меня еще узнавал, стали задавать один и тот же вопрос: “А о чем будет ваша следующая книга, мистер Гольдман? И когда она выйдет?” Я понял, что пора браться за дело, и взялся за дело: записал на листочках некоторые идеи и набросал на компьютере несколько синопсисов. Но ничего хорошего не вышло. Тогда я стал придумывать другие идеи и набросал новые синопсисы. С тем же успехом. В конце концов я купил новый компьютер – в надежде приобрести в комплекте отличные идеи и отменные синопсисы. Все напрасно. Потом я попытался сменить метод: призвав на помощь Денизу, я до глубокой ночи диктовал ей опорные фразы, остроумные шутки и великолепные подступы к роману. Но наутро шутки казались мне плоскими, фразы – банальными, а пресловутые подступы – перекрытыми. Я вступал во второй этап своей болезни.

Осенью 2007-го исполнился год с момента выхода моей первой книги, а я не написал еще ни единой строчки. Когда письма в папках иссякли, в общественных местах меня перестали узнавать, а из больших книжных магазинов на Бродвее исчезли афиши с моим лицом, я понял, что слава мимолетна. Что эта вечно голодная горгона быстро покидает тех, кто ее не кормит: популярные политики, старлетка из последнего реалити-шоу и нашумевшая рок-группа забрали себе внимание, предназначавшееся мне. А ведь после выхода моей книги прошел всего год, всего лишь годик, до смешного короткий в моих глазах, но с точки зрения человечества равнозначный вечности. За этот самый год в одной только Америке родился миллион детей, еще миллион человек умерли, добрых тысяч десять были застрелены, полмиллиона пристрадались к наркотикам, еще миллион стали миллионерами, семнадцать миллионов сменили мобильный телефон, пятьдесят тысяч погибли в автокатастрофах, а еще два миллиона при тех же обстоятельствах получили более или менее серьезные травмы. А я написал всего одну книгу.

“Шмид и Хансон”, влиятельное нью-йоркское издательство, заплатившее мне кругленькую сумму за право напечатать мою книгу и возлагавшее на меня большие надежды, насадало на моего агента Дугласа Кларена, а тот, в свою очередь, тербил меня. Он говорил, что время поджимает, что мне непременно надо представить новую рукопись, а я, пытаясь его успокоить, чтобы успокоить самого себя, уверял, что мой второй роман движется полным ходом и ему не о чем волноваться. Но я часами просиживал взаперти в кабинете и так и не написал ни строчки: вдохновение внезапно ушло и больше не возвращалось. А по вечерам, лежа без сна в постели, я представлял себе, что скоро, еще до своего тридцатого дня рождения, великий Маркус Гольдман перестанет существовать. Эта мысль навела на меня такой ужас, что я решил слегка встряхнуться и уехать в отпуск: провести месяц на вилле в Майами, так сказать, ради новых впечатлений – и в тайной уверенности, что, расслабившись под пальмами, полностью восстановлю контроль над своим творческим гением. Но Флорида, естественно, оказалась всего лишь пышной попыткой бегства, а эту тягостную ситуацию за две тысячи лет до меня уже опробовал на себе философ Сенека: куда бы вы ни бежали, ваши проблемы залезают к вам в багаж и следуют за вами повсюду. Вот так сразу по приезде в Майами меня догнал у выхода из аэропорта симпатичный носильщик-кубинец и спросил:

- Вы мистер Гольдман?
- Да.
- Тогда это ваше.

И протянул мне пакет с пачкой бумаги.

– Это мои чистые листы?

– Да, мистер Гольдман. Вы же не можете без них ехать.

Так что месяц во Флориде я провел в одиночестве, запершись в люксе со своими демонами, раздосадованный и жалкий. Мой компьютер был включен день и ночь, но документ, озаглавленный “новый роман. doc”, оставался безнадежно пустым. То, что я подцепил болезнь, весьма распространенную в творческой среде, я понял однажды вечером, предложив коктейль “Маргарита” пианисту в гостиничном баре. Пересев за стойку, он поведал мне, что за всю жизнь написал одну-единственную песню, но эта песня оказалась оглушительным суперхитом. Он имел такой успех, что так и не смог написать ничего другого и теперь, несчастный, без гроша в кармане, зарабатывал на хлеб, наигрывая для гостиничных постояльцев чужие хиты. “Я тогда мотался в адские туры по самым большим залам страны, – говорил он, держа меня за отворот рубашки. – Десять тысяч человек орали мое имя, одни телки падали в обморок, другие швыряли мне на сцену трусики. Это было нечто”. И, слизав, как собачка, соль с края стакана, добавил: “Клянусь, это правда”. И что хуже всего – я знал, что это правда.

Третий этап моих бедствий начался сразу после возвращения в Нью-Йорк. По дороге из Майами я прочел в самолете статью о некоем молодом писателе, только что выпустившем роман, который критика превозносила до небес, а по прибытии в аэропорт Ла-Гуардиа я увидел в зале получения багажа его лицо, смотревшее на меня с огромных плакатов. Жизнь издевалась надо мной: меня не только забыли, но, что еще хуже, заменили другим. Дуглас, встречавший меня в аэропорту, был вне себя: “Шмид и Хансон”, потеряв терпение, требует доказательств того, что роман продвигается и вскоре я смогу принести им законченную новую рукопись.

– Дело дрянь, – сказал он мне в машине, пока мы ехали в Манхэттен. – Ну скажи мне, что во Флориде ты набрался сил и твоя книжка почти готова! Еще этот тип, про которого все говорят... Его книга будет иметь большой успех на Рождество. А ты, Маркус? Что у тебя есть на Рождество?

– Я сейчас за нее засяду! – в панике вскричал я. – Я успею! Устроим большую рекламную кампанию, и все получится! Людям понравилась первая книга, понравится и вторая!

– Марк, ты не понимаешь: все это можно было бы сделать еще несколько месяцев назад. В том и состояла стратегия: оседлать волну успеха, накормить публику, дать ей то, чего она хочет. Публика хотела Маркуса Гольдмана, но поскольку Маркус Гольдман тихо слинял во Флориду, читатели пошли и купили книжку кого-то другого. Ты экономику учил хоть немножко, Марк? Книжки стали взаимозаменяемым продуктом: люди хотят, чтобы роман им нравился, они хотят расслабиться и развлечься. Если этого не дашь им ты, значит, даст твой сосед, а ты отправишься прямиком в корзину.

Перепуганный пророчествами Дугласа, я засел за работу как одержимый: я начинал писать в шесть утра и заканчивал не раньше девяти-десяти вечера. Целыми днями я сидел в кабинете, писал без передышки, набрасывал слова, начинал фразы, придумывал все новые идеи романа. Но, к величайшему моему разочарованию, ничего стоящего не получалось. Со своей стороны, Дениза целыми днями беспокоилась о моем состоянии. Делать ей больше было нечего, диктовки кончились, почту разбирать было не нужно, кофе варить не нужно, и она вышагивала взад-вперед по коридору. А когда силы ее иссякали, начинала барабанить в дверь.

– Маркус, умоляю, откройте! – стонала она. – Выйдите из кабинета, погуляйте в парке! Вы же сегодня ничего не ели!

В ответ я орал:

– Не хочу есть! Не хочу есть! Нет книжки – нет еды!

Она почти рыдала.

– Не говорите таких ужасов, Маркус! Я сбегаю в закусочную на углу, принесу вам сэндвичи с ростбифом, ваши любимые. Я мигом! Я мигом!

Я слышал, как она хватается сумку, бежит к входной двери и устремляется вниз по лестнице, как будто ее поспешность может что-то изменить в моем положении. Ибо я наконец постиг размеры поразившего меня бедствия: когда я был никем, написать книгу казалось мне делом очень легким, но теперь, когда я достиг вершины, теперь, когда нужно взвалить на плечи свой талант и повторить изнурительный поход за успехом, то есть написать хороший роман, я чувствовал, что больше на это не способен. Меня убивал страх чистого листа, и помочь мне не мог никто: все, с кем я говорил, твердили, что это совершеннейшие пустяки, самое обычное дело, и если я не напишу свою книгу сегодня, то конечно же напишу завтра. Два дня я пытался работать в моей прежней комнате в Монтклере, у родителей, той самой, где нашел вдохновение для первого романа. Но эта попытка закончилась самым жалким провалом, которому отчасти, возможно, поспособствовала моя мать, в частности потому, что она оба дня просидела рядом со мной, вглядываясь в экран моего ноутбука и повторяя: “Очень хорошо, Марки”.

– Мама, я не написал ни строчки, – в конце концов произнес я.

– Но я же чувствую, что это будет очень хорошо.

– Мама, пожалуйста, дай мне побыть одному...

– Почему одному? У тебя живот болит? Тебе нужно попукать? Ты можешь пукать при мне, дорогой. Я твоя мать.

– Нет, мама, мне не нужно попукать.

– Так ты голоден? Хочешь оладушек? Или вафель? Чего-нибудь соленького? А может, яишенку?

– Нет, я не голоден.

– Тогда почему ты хочешь, чтобы я ушла? Или ты пытаешься сказать, что тебе мешает присутствие женщины, которая дала тебе жизнь?

– Нет, ты мне не мешаешь, но...

– Но что?

– Ничего, мама.

– Тебе нужна подружка, Марки. Думаешь, я не знаю, что ты разошелся с этой телеактрисой? Как бишь ее там?

– Лидия Глур. В любом случае мы по-настоящему и не были вместе, мама. Я хочу сказать: это точно была история просто так.

– История просто так, история просто так! Вот что нынешние молодые-то делают: заводят *истории просто так*, а в пятьдесят лет остаются с лысиной и без семьи!

– При чем тут лысина, мама?

– Ни при чем. Но, по-твоему, это нормально, если я узнаю, что ты живешь с этой девицей, из журнала? Какой сын так обращается с матерью, а? Вообрази себе, как раз накануне твоего отъезда во Флориду прихожу я к Шнайгетцу – парикмахеру, не мяснику, – а там все на меня как-то странно смотрят. Я спрашиваю, в чем дело, и тут миссис Берг, сидя под сушкой, показывает мне журнал, который она читает, а там твое фото вместе с этой Лидией Глур, на улице, а в заголовке статьи написано, что вы расстались. Вся парикмахерская знала, что вы разошлись, а я даже не знала, что ты встречаешься с этой девицей! Конечно, мне не хотелось выглядеть круглой душой: я сказала, что она очаровательная женщина и часто приходила к нам на обед.

– Мама, я тебе ничего не говорил, потому что это было несерьезно. Понимаешь, она не та.

– Но у тебя вечно не те! Тебе не попадается никто приличный, Марки! Вот в чем проблема. Думаешь, эти телеактрисы умеют вести хозяйство? Представь, вчера я встретила в супермаркете миссис Эмерсон: ее дочь тоже не замужем. Она тебе отлично подойдет. К тому же у нее прекрасные зубы. Хочешь, я им скажу, чтобы они к нам зашли?

– Нет, мама. Я пытаюсь работать.

В этот момент в дверь позвонили.

– Думаю, это они, – сказала моя мать.

– То есть какие такие *они*?

– Миссис Эмерсон с дочерью. Я их позвала на чай в четыре часа. Сейчас ровно четыре. Хорошая женщина – это женщина, которая приходит вовремя. Не правда ли, она тебе уже нравится?

– Ты пригласила их на чай? Гони их вон, мама! Я не хочу их видеть! Мне книгу надо писать, черт возьми! Я здесь не затем, чтобы чаи распивать, я должен написать роман!

– О, Марки, но тебе правда нужна подружка. Подружка, с которой ты обручишься и на которой ты женишься. Ты слишком много думаешь о книгах и слишком мало о женитьбе...

Никто не понимал всей серьезности положения: новая книга была мне абсолютно необходима, хотя бы для того, чтобы соблюсти условия договора с издательством. В январе 2008 года Рой Барнаски, всесильный директор издательства “Шмид и Хансон”, пригласил меня в свой кабинет на 51-м этаже башни на Лексингтон-авеню, чтобы по всей строгости призвать к порядку. “Ну, Гольдман, и когда я получу вашу новую рукопись? – рявкнул он. – Мы заключили договор на пять книг: пора браться за дело, да поживее! Нужен результат, нужны цифры! Вы не укладываетесь в сроки! Вы вообще ни во что не укладываетесь! Видели того типа, что выпустил свою книжку перед Рождеством? Теперь публика читает его, а не вас! Его агент говорит, что у него почти готов следующий роман. А вы? Из-за вас мы теряем деньги! Так что встряхнитесь и выправляйте ситуацию. Нанесите решительный удар, напишите мне хорошую книжку и спасите свою шкуру. Даю вам полгода, последний срок – июнь”. Полгода на книгу, когда я почти полтора года в ступоре. Это было невозможно. Хуже того, Барнаски, назначив свой срок, не поставил меня в известность о последствиях, которые меня ждут, если я не выполню обязательства. Эту миссию взял на себя Дуглас две недели спустя, во время энного по счету разговора у меня дома. “Надо писать, старина, нельзя больше отлынивать, – сказал он. – Ты подписался на пять книг! На пять! Барнаски в бешенстве, он больше не хочет ждать... Он мне сказал, что дал тебе сроку до июня. А знаешь, что будет, если ты сядешь в лужу? Они расторгнут договор, подадут на тебя в суд и пустят по миру. Они отнимут у тебя все бабло, и прости-прощай твоя красивая жизнь, твоя красивая квартира, твои понтовые штиблеты, твоя большая тачка: у тебя не останется ни гроша. Они тебя зарежут”. Ну вот, год назад меня считали новой звездой в литературе этой страны, а теперь я стал великим разочарованием, главным лохом североамериканского книгоиздания. Урок номер два: слава не только мимолетна, слава чревата последствиями. Вечером, на следующий день после предостережений Дугласа, я снял трубку и набрал номер телефона единственного человека, который, как мне казалось, мог меня выручить: Гарри Квеберта, моего бывшего университетского преподавателя, а главное, одного из самых читаемых и почитаемых писателей Америки, с которым мы близко сошлись лет десять назад, когда я был его студентом в Университете Берроуза, в Массачусетсе.

К тому времени я не видел его больше года и почти столько же не говорил с ним по телефону. Я позвонил ему домой, в Аврору, штат Нью-Гэмпшир. Услышав мой голос, он насмешливо произнес:

– О, Маркус! Неужто это вы мне звоните? Невероятно. С тех пор как вы стали звездой, вы не подаете признаков жизни. Я пытался вам звонить с месяц назад, но попал на вашу секретаршу, которая заявила, что вас ни для кого нет.

Я ответил без обиняков:

– Гарри, дело плохо. По-моему, я больше не писатель.

Он сразу посерьезнел:

– Что за вздор вы несете, Маркус?

– Я не знаю, что писать, мне конец. Чистый лист. И так месяцами. Может, даже уже целый год.

Он расхохотался – тепло, успокаивающе.

– Ступор в мозгах, Маркус, вот это что такое! Все эти чистые листы – такая же глупость, как сексуальные неудачи, когда нужен результат: это паника гения, та самая, из-за которой ваш маленький дружок повисает тряпочкой, когда вы собрались покувыркаться с поклонницей и думаете только о том, как бы довести ее до оргазма, измеримого по шкале Рихтера. Забудьте о гениальности, просто складывайте вместе слова. Гениальность придет сама собой.

– Вы думаете?

– Уверен. Только надо слегка отвлечься от светских раутов и тарталеток. Писать – дело серьезное. Мне казалось, я вам это внушил.

– Но я работаю как проклятый! Только этим и занимаюсь! И все равно ничего не получается.

– Значит, обстановка неподходящая. Нью-Йорк – это очень мило, но там чересчур шумно. Почему бы вам не приехать сюда, ко мне, как во времена, когда вы у меня учились?

Уехать из Нью-Йорка, переменить обстановку. Никогда еще призыв удалиться в изгнание не казался мне таким разумным. Отправиться за вдохновением для новой книги в американскую глушь, к своему старому учителю: это было как раз то, что нужно. Так что неделю спустя, в середине февраля 2008 года, я перебрался в Аврору, штат Нью-Гэмпшир. Это случилось за несколько месяцев до тех драматических событий, о которых я собираюсь вам рассказать.

* * *

Пока летом 2008 года не разразился скандал, всколыхнувший всю Америку, про Аврору вообще никто не слышал. Это городок на берегу океана, в пятнадцати минутах езды от границы Массачусетса. На главной улице находится кинотеатр – репертуар которого перманентно отстаёт от остальной страны, – несколько магазинов, почта, полицейский участок и горстка ресторанов, в частности “Кларк”, историческая городская забегаловка, *diner*. Кругом – мирные кварталы дощатых крашенных домов с приветливыми полотняными маркизами, шиферными крышами и садиками с безупречно ухоженными газонами. Это Америка в Америке, где никто не запирает дверь на ключ; одно из тех местечек, что существуют только в Новой Англии, настолько спокойное, словно все беды обходят его стороной.

Я хорошо знал Аврору, потому что часто приезжал навестить Гарри, пока был его студентом. Он жил за городом, возле федерального шоссе номер 1, на выезде в сторону Мэна, в роскошном доме из камня и сосны, на берегу залива, обозначенного на картах как Гусиная бухта. То был настоящий дом писателя, высящийся над океаном, с террасой для погожих дней, откуда лестница вела прямо на пляж. Вокруг царил покой дикой природы: прибрежный лесок, груды валунов и гигантских камней, влажные заросли папоротника и мхов, несколько прогулочных тропинок вдоль песчаного берега. Если забыть, что находишься всего в нескольких милях от цивилизации, временами можно почувствовать себя на краю света. И легко было представить себе, как старый писатель, сидя на террасе, создает свои шедевры, черпая вдохновение в приливах и закатах.

10 февраля 2008 года я покинул Нью-Йорк на пике кризиса чистого листа. Страна уже бурлила в преддверии президентских выборов: несколькими днями раньше, в “Супервторник” (который в виде исключения пришелся на февраль, а не на март, что предвещало необычный год), мандат от республиканцев получил сенатор Маккейн, тогда как у демократов еще продолжались ожесточенные бои между Хилари Клинтон и Бараком Обамой. Я домчался на машине до Авроры без единой остановки. Зима была снежная, и в проносившихся за окном пейзажах преобладал белый цвет. Я любил Нью-Гэмпшир: любил его спокойствие, его бескрайние леса, его заросшие кувшинками пруды, где летом можно купаться, а зимой кататься на коньках, любил думать о том, что здесь не платят ни подоходного налога, ни налога с продаж. Я считал его либертарианским штатом, а его девиз “Жить свободным или умереть”, выби-

тый на номерах машин, обгонявших меня на шоссе, прекрасно выражал то могучее чувство свободы, какое охватывало меня в каждый мой приезд в Аврору. Помню, впрочем, что в тот холодный, туманный вечер, приехав к Гарри, я сразу ощутил внутренний покой. Он ждал меня на крыльце, укутанный в огромную зимнюю куртку. Я вышел из машины, он пошел навстречу, положил руки мне на плечи и улыбнулся широкой ободряющей улыбкой:

– Что с вами, Маркус?

– Не знаю, Гарри...

– Ну ладно, ладно. Вы всегда были слишком впечатлительным юношей.

Прежде чем я разложил свои вещи, мы посидели в гостиной и поговорили. Он сварил кофе. В очаге потрескивал огонь; в доме было тепло и уютно, а снаружи, за огромным панорамным окном, ледяной ветер трепал океан и мокрый снег падал на скалы.

– Я и забыл, до чего здесь красиво, – прошептал я.

Он кивнул:

– Вот увидите, мой милый Маркус, я вами займусь. Вы нам снесете не роман, а бомбу! Не переживайте, все хорошие писатели проходят через подобные трудности.

Он выглядел все таким же безмятежным и уверенным, каким я его знал всегда. Казалось, этот человек не ведал сомнений: харизматичный, знающий себе цену, он одним своим присутствием естественно подчинял себе окружающих. Ему шел шестьдесят седьмой год, он был статен, с безупречно пышной седой шевелюрой, широкими плечами и мощным торсом – свидетельством длительных занятий боксом. Он был боксер; именно на почве этого вида спорта, которым я сам усердно занимался, между нами и зародилась симпатия в Университете Берроуза.

С Гарри меня связывали очень глубокие связи, о которых я расскажу чуть ниже. Он вошел в мою жизнь в 1998 году, когда я поступил в Университет Берроуза, в Массачусетсе. В то время ему было пятьдесят семь, и он уже лет пятнадцать благоденствовал на кафедре литературы этого скромного провинциального университета с его мирной атмосферой и симпатичными, вежливыми студентами. Прежде я, как и все, знал по имени Гарри-Квеберта-Великого-Писателя; в Берроузе я встретил Просто-Гарри, того, кто, несмотря на разницу в возрасте, вскоре станет одним из ближайших моих друзей и научит меня, как стать писателем. Сам он получил признание в середине 70-х, когда вторая его книга, “Истоки зла”, распроданная тиражом пятнадцать миллионов экземпляров, принесла ему *National Literary Award* и *National Book Award*, две самые престижные литературные премии страны. С тех пор он регулярно печатался и вел весьма популярную ежемесячную колонку в *Boston Globe*. То был один из великих представителей американской интеллигенции; он выступал с многочисленными лекциями, его часто звали на главные культурные мероприятия, к его мнению по политическим вопросам прислушивались. Его очень уважали, он был гордостью страны, тем лучшим, что могла породить Америка. Приехав к нему на несколько недель, я надеялся, что он сумеет вновь превратить меня в писателя, научит, как преодолеть пропасть чистого листа. Приходилось, однако, признать, что Гарри хотя и считал мое положение безусловно затруднительным, но отнюдь не видел в нем ничего ненормального. “У всех писателей иногда случаются осечки, это часть профессиональных рисков, – объяснил он. – Принимайтесь за работу, все само рассосется, вот увидите”. Он устроил меня в своем кабинете на первом этаже, том самом, где написал все свои книги, в том числе “Истоки зла”. Я сидел там часами, тоже пытался писать, но в основном смотрел как замороженный на океан и снег за окном. Он приносил мне кофе или чего-нибудь поесть и, глядя на мою унылую физиономию, пытался поднять мне настроение. Наконец однажды утром он сказал:

– Не сидите с таким видом, Маркус, можно подумать, вы умираете.

– Вроде того...

– Знаете, волнуйтесь из-за судеб мира, из-за войны в Ираке, но уж не из-за каких-то несчастных книжек... Вам еще рановато. Честное слово, вы меня огорчаете: развели канитель, а всего-то не можете собраться и написать три строчки. Взгляните на вещи здраво: вы написали потрясающую книгу, стали богатым и знаменитым, а вторая книга слегка застряла у вас в голове. Ничего странного или тревожного в этой ситуации нет...

– А вы?.. У вас никогда не бывало такой проблемы?

Он звонко расхохотался.

– Страх чистого листа? Вы шутите? Мой бедный друг, бывало, и куда чаще, чем вы можете себе представить!

– Мой издатель говорит, что если я сейчас не напишу новую книгу, мне конец.

– А вы знаете, кто такой издатель? Писатель-неудачник с богатеньким папашей, на чьи деньги он может присваивать себе чужие таланты. Вот увидите, Маркус, все очень скоро образуется. Перед вами чертовски завидная карьера. Первая ваша книга была замечательная, а вторая будет еще лучше. Не берите в голову, я помогу вам снова обрести вдохновение.

Не могу сказать, что поездка в Аврору вернула мне вдохновение, но она, безусловно, пошла мне на пользу. И Гарри тоже: он жил холостяком, без особых развлечений, и, я это знал, нередко чувствовал себя одиноким. То были счастливые дни. Кстати, последние наши счастливые дни, проведенные вместе. Мы подолгу бродили вдоль океана, слушали великую оперную классику, бегали на лыжах, вкушали от местных культурных радостей и совершали вылазки в окрестные супермаркеты в поисках маленьких коктейльных сосисок, доход от которых шел в пользу ветеранов американской армии. Гарри их обожал и считал, что они сами по себе – достаточное оправдание военного вторжения в Ирак. Еще мы часто ходили обедать в “Кларкс”, вечерами напролет пили там кофе и рассуждали о жизни, как во времена, когда я был его студентом. В Авроре все знали и уважали Гарри, а с недавнего времени знали и меня тоже. Ближе всего я сошелся с хозяйкой “Кларкса” Дженни Доун и с Эрни Пинкасом, местным библиотекарем-волонтером, добрым приятелем Гарри, иногда заезжавшим под вечер в Гусиную бухту выпить виски. Сам я каждое утро ходил в библиотеку читать *New York Times*. В первый же день я заметил, что Эрни Пинкас выставил на рекламной стойке экземпляр моей книги, причем на самом видном месте. Он гордо указал на него со словами:

– Видишь, Маркус, твоя книжка на первом месте. Самая спрашиваемая книга, уже год. Когда следующая?

– Честно говоря, мне трудновато ее начать. Потому-то я и здесь.

– Не волнуйся. Уверен, ты найдешь гениальную идею. Что-нибудь захватывающее.

– Например?

– Откуда я знаю, это ты писатель. Но надо найти тему, которая бы увлекла толпы.

Последние тридцать лет Гарри всегда сидел в “Кларксе” за одним и тем же столиком, номер 17; Дженни привинтила к нему металлическую табличку с надписью:

За этим столиком летом 1975 года

писатель Гарри Квеберт сочинил

свой знаменитый роман “Истоки зла”.

Я знал эту табличку всегда, но никогда толком не обращал на нее внимания. И только в этот приезд стал проявлять к ней пристальный интерес, подолгу рассматривать ее. Вскоре эти

слова, выгравированные на металле, превратились для меня в наваждение: сидя за этим жалким деревянным столом, липким от грязи и кленового сиропа, в этой забегаловке в маленьком городишке в Нью-Гэмпшире, Гарри написал свой колоссальный шедевр, превративший его в легенду литературы. Откуда к нему пришло вдохновение подобной силы? Мне тоже хотелось усестыся за этот стол и писать и пережить приступ гениальности. Впрочем, я просидел за ним два вечера кряду, с бумагой и ручками, но безрезультатно. В конце концов я спросил у Дженни:

– И что, он садился за этот стол и писал?

Она кивнула:

– Целый день, Маркус. Целый день, как отдать. Без остановки. Я прекрасно помню, это было летом 1975-го.

– А сколько лет ему было в 1975-м?

– Как тебе. Около тридцати. Может, на пару лет побольше.

Я чувствовал, как во мне закипает что-то вроде ярости: я тоже хотел создать шедевр, я тоже хотел написать книгу, которая станет образцом для всех. Гарри это понял, когда почти через месяц моего пребывания в Авроре обнаружил, что я по-прежнему не написал ни строчки. Случилось это в начале марта в кабинете его дома в Гусиной бухте, где я ожидал Божественного Откровения и куда он, опоясанный женским фартуком, принес мне свежее испеченные оладьи.

– Двигается? – спросил он.

– Пишу нечто сногшибательное, – ответил я, протянув ему пачку бумаги, которую три месяца назад передал мне носильщик-кубинец.

Поставив поднос, он жадно всмотрелся в них – и понял, что это всего лишь чистые листы.

– Вы ничего не написали? За три недели, что вы здесь живете, вы ничего не написали?

Я взорвался:

– Да, ничего! Ничего! Ничего стоящего! Одни идеи для скверного романа!

– Бог ты мой, Маркус, а что же вы хотите написать, разве не роман?

Я не думал ни секунды:

– Шедевр! Я хочу написать шедевр!

– Шедевр?

– Да. Я хочу написать великий роман, с великими идеями! Я хочу написать книгу, которая оставит след в умах.

Гарри с минуту смотрел на меня, а потом расхохотался:

– Маркус, ваше запредельное тщеславие мне осточертело. Вы будете очень большим писателем, я это знаю, я в этом уверен с тех пор, как познакомился с вами. Но, если хотите знать, ваша проблема в том, что вы слишком спешите! Вам лет сколько?

– Тридцать.

– Тридцать лет, а вы уже хотите быть Солом Беллоу и Артуром Миллером в одном флаконе? Слава придет, не торопитесь. Мне вот шестьдесят семь, и я в ужасе: время, знаете ли, летит быстро, и с каждым прошедшим годом их остается все меньше, и ни одного не вернешь. Вы что думаете, Маркус? Что возьмете и родите вторую книжку просто так? Карьера строится постепенно, старина. А чтобы написать великий роман, великих идей не нужно: просто будьте самим собой, и все у вас получится, тут я спокоен. Я двадцать пять лет преподаю литературу, целых двадцать пять лет, и человека более талантливого до сих пор не встречал.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности, это чистая правда. Только нечего тут лить крокодиловы слезы, что вы еще до сих пор не нобелевский лауреат, черт возьми... Тридцать лет... Фу-ты ну-ты, и тоже туда же, великие романы... Нобелевской премии по кретинизму – вот чего вы заслуживаете.

– Но как у вас получилось, Гарри? Ваша книга 1976 года, “Истоки зла”, – это же шедевр! А это была всего лишь вторая ваша книга... Что вы такое сделали? Как пишут шедевры?

Он грустно улыбнулся:

– Маркус, шедевры не пишутся. Они существуют сами по себе. И потом, знаете, для многих я так в итоге и остался автором одной-единственной книги... В смысле, что ни одна из следующих не имела такого же успеха. Когда говорят обо мне, сразу вспоминают “Истоки зла”, и почти всегда только их. А это грустно; думаю, если бы мне в тридцать лет сказали, что я достиг вершины своей карьеры, я бы точно утопился в океане. Не надо слишком спешить.

– Вы сожалеете об этой книге?

– Может быть... Немного... Не знаю... Не люблю сожалений: они означают, что мы не принимаем себя такими, какими мы были.

– Ну а мне что теперь делать?

– То, что у вас всегда выходило лучше всего – писать. И если позволите, Маркус, я дам вам совет: не делайте, как я. Знаете, мы с вами невероятно похожи, так вот заклинаю вас: не повторяйте моих ошибок.

– Каких ошибок?

– Я тоже, когда приехал сюда летом семьдесят пятого, непременно хотел написать великий роман, я был одержим этой идеей и желанием стать великим писателем.

– И вы им стали...

– Вы не понимаете; конечно, сегодня я, как вы говорите, *великий писатель*, но в этом громадном доме я живу один. Моя жизнь пуста, Маркус. Не делайте, как я... Не давайте тщеславию вас пожать. Иначе ваше сердце будет одиноким, а перо печальным. Почему у вас нет подружки?

– У меня нет подружки, потому что мне никто не нравится по-настоящему.

– А по-моему, дело в том, что вы и трахаетесь, как пишете: либо восторг и экстаз, либо ничего. Найдите себе кого-нибудь достойного и дайте ей шанс. И с книгой так же: дайте шанс себе самому. Дайте шанс своей жизни! Знаете, какое мое главное занятие? Кормить чаек. Видели, у меня на кухне стоит железная коробочка с надписью “На память о Рокленде, Мэн”? Я туда складываю засохший хлеб и кидаю его чайкам. Вы не должны все время писать...

Несмотря на советы, которыми пытался меня снабдить Гарри, я был весь поглощен мыслью о том, каким образом он в моем возрасте пережил ту вспышку, то гениальное озарение, что позволило ему написать “Истоки зла”. Вопрос этот неотступно преследовал меня, а поскольку Гарри отдал мне свой кабинет, я позволил себе слегка там порыться. Мне и в голову не могло прийти, что я найду. Все началось с того, что в поисках ручки я открыл один из ящичков стола и обнаружил тетрадь и несколько отдельных листков с записями – черновики Гарри. Я пришел в необычайное возбуждение: мне неожиданно представлялся случай понять, как Гарри работал, много ли зачеркиваний было в его тетрадях, или его гений изливался сам собой. Не довольствуясь находкой, я стал обшаривать его библиотеку в поисках других тетрадей. Для полной свободы действий приходилось дожидаться, чтобы Гарри отлучился из дому; между тем по четвергам он преподавал в Берроузе, уезжал рано утром и возвращался обычно совсем поздно. Вот так под вечер четверга 6 марта 2008 года и произошло событие, которое я решил немедленно забыть: я обнаружил, что Гарри в возрасте тридцати четырех лет состоял в любовной связи с пятнадцатилетней девочкой. Дело было в 1975 году.

Я проник в его тайну, исступленно и бесцеремонно роюсь на полках в его кабинете; за книгами мне попала большая деревянная лакированная шкатулка с крышкой на шарнирах. Предвкушая крупную добычу, быть может рукопись “Истоков зла”, я схватил шкатулку, но, к великому моему смятению, внутри оказалась не рукопись, а всего лишь несколько фотографий и вырезок из газет. На фото был запечатлен Гарри в молодости, в расцвете своих тридцати лет, изящный, гордый, а рядом с ним – юная девушка. Там было четыре или пять снимков, она присутствовала на всех. На одном из фото Гарри на пляже, с обнаженным торсом, загорелый, мускулистый, прижимал к себе улыбающуюся девушку, с солнечными очками в

длинных светлых волосах, а она целовала его в щеку. На обороте значилось: “Мы с Нолой, Мартас-Виньярд, конец июля 1975 года”. С головой уйдя в свое открытие, я не заметил, что Гарри гораздо раньше обычного вернулся из университета; не услышал ни скрипа покрышек его “шевроле-корвета” на гравийной дорожке Гусиной бухты, ни его голоса, когда он вошел в дом. Я ничего не слышал, потому что нашел в шкатулке, под фотографиями, письмо без даты. На красивом листочке детским почерком было написано:

Не волнуйтесь, Гарри, не волнуйтесь из-за меня, я найду способ приехать туда к Вам. Ждите меня в номере 8, мне нравится эта цифра, она моя любимая. Ждите меня в этом номере в семь вечера. Потом мы уедем отсюда навсегда.

Я Вас так люблю.

Нежно-нежно.

Нола.

Кто же такая была эта Нола? С бьющимся сердцем я стал просматривать газетные вырезки: во всех статьях говорилось о загадочном исчезновении некоей Нолы Келлерган, имевшем место августовским вечером 1975 года; Нола с газетных снимков была та же, что на фото Гарри. Именно в эту минуту Гарри толкнул ногой дверь и вошел в кабинет, неся поднос с кофейными чашками и тарелкой печенья; обнаружив, что я сижу на ковре, а передо мной рассыпано содержимое его тайной шкатулки, он выронил поднос из рук.

– Но... что это вы делаете? – вскричал он. – Вы... Маркус, вы шарите у меня в кабинете? Я вас приглашаю к себе, а вы роетесь в моих вещах? И это называется друг?

Я промямлил какие-то невнятные объяснения:

– Я не нарочно, Гарри. Я ее случайно нашел, эту шкатулку. Я не должен был ее открывать... Мне так неловко...

– Да уж, не должны были, это точно! По какому праву! По какому праву, черт вас раздери?

Он выхватил фотографии у меня из рук, торопливо собрал все статьи и, засунув все вперемешку обратно в шкатулку, унес ее в свою комнату и заперся на ключ. Я никогда не видел его в таком состоянии, непонятно было, что это – паника или ярость. Стоя под дверью, я рассыпался в извинениях, говорил, что не хотел его задеть, что нашел шкатулку случайно, но ничто не помогало. Он вышел лишь через два часа и, спустившись напрямиком в гостиную, налил себе подряд несколько стаканов виски. Когда мне показалось, что он немного успокоился, я присоединился к нему.

– Гарри... Кто эта девушка? – тихо спросил я.

Он опустил глаза:

– Нола.

– Кто такая Нола?

– Не спрашивайте, кто такая Нола. Пожалуйста.

– Гарри, кто такая Нола? – повторил я.

Он опустил голову:

– Я любил ее, Маркус. Я так ее любил.

– Почему вы мне никогда о ней не рассказывали?

– Это сложно...

– Для друзей нет ничего сложного.

Гарри пожал плечами:

– Раз уж вы нашли эти фото, я вам скажу, так и быть... В 1975-м, приехав в Аврору, я влюбился в эту девушку; ей было всего пятнадцать. Ее звали Нола, и она стала женщиной моей жизни.

Мы немного помолчали, а потом я с замиранием сердца спросил:

– Что случилось с Нолой?

– Скверная история, Маркус. Она пропала. Однажды вечером, в конце августа семьдесят пятого, она исчезла; до этого местная жительница видела ее всю в крови. Вы же открыли шкатулку, вы наверняка видели все эти статьи. Ее так и не нашли, никто не знает, что с ней случилось.

– Какой ужас, – вздохнул я.

Он надолго повесил голову.

– Знаете, – наконец сказал он, – Нола изменила всю мою жизнь. И мне было бы совершенно наплевать, стану ли я великим Гарри Квебертом, гениальным писателем. Мне было бы совершенно наплевать на славу, на деньги, на мою великую судьбу, если бы я смог сохранить Нолу. Ничто из того, что я совершил после, не наполнило мою жизнь таким смыслом, как лето, проведенное с ней.

За все время нашего знакомства я впервые видел Гарри в подобном волнении. Он с минуту смотрел на меня, потом добавил:

– Маркус, об этой истории не знала ни одна живая душа. Теперь знаете вы, первый. И вы должны хранить тайну.

– Конечно.

– Обещайте мне!

– Обещаю, Гарри. Это будет наша тайна.

– Если кто-нибудь в Авроре узнает, что у меня был роман с Нолой Келлерган, это может меня погубить...

– Можете положиться на меня, Гарри.

Вот и все, что я узнал о Ноле Келлерган. Мы ни разу больше не заговаривали ни о ней, ни о шкатулке, и я решил навсегда похоронить этот эпизод в недрах своей памяти, нимало не подозревая, что через несколько месяцев силой обстоятельств призрак Нолы вновь возникнет в нашей жизни.

Я вернулся в Нью-Йорк в конце марта; полтора месяца, проведенных в Авроре, так и не сумели дать начало моему будущему великому роману. До срока, поставленного Барнаски, оставалось три месяца, и я знал, что спасти карьеру мне не удастся. Я покрыл себя позором, моя звезда закатилась, я был самым несчастным и самым бесплодным из ведущих нью-йоркских писателей. Недели шли за неделями; большую часть времени я усердно готовился к моменту краха. Нашел новое место Денизе, связался с адвокатами, которые могли быть мне полезны на случай, если издательство решит потащить меня в суд, и составил список самых дорогих мне предметов, чтобы спрятать их у родителей, прежде чем в мою дверь постучат судебные исполнители. С началом рокового месяца июня, месяца моей казни, я принялся считать дни, оставшиеся до моей литературной смерти: вот еще тридцать деньков, а потом вызов в кабинет Барнаски – и расправа. Обратный отсчет начался. Мне и в голову не приходило, что одно драматическое событие вскоре изменит весь расклад.

30. Великолепный

- Вторая глава очень важна, Маркус. Она должна быть резкой, ударной.
- Как что, Гарри?
- Как в боксе. Вы правша, но в боевой стойке левый кулак у вас всегда впереди: первым прямым ударом вы оглушаете противника, а затем мощным ударом правой укладываете его на месте. Вот такая и должна быть ваша вторая глава: прямой удар в челюсть читателю.

Это случилось 12 июня 2008 года. Все утро я сидел дома, читал в гостиной. На улице было жарко, но сыро: уже третий день в Нью-Йорке моросил противный теплый дождик. Около часа дня зазвонил телефон. Я снял трубку, но сперва мне показалось, что на проводе никого нет. Потом до меня донеслись сдавленные рыдания.

- Алло! Алло! Кто это? – спросил я.
- Она... она умерла.
- Голос был едва слышен, но я узнал его сразу.
- Гарри? Гарри, это вы?
- Она умерла, Маркус.
- Умерла? Кто умерла?
- Нола.
- Что? То есть как?
- Она умерла, и все из-за меня. Маркус... Что я наделал... Боже, что я наделал?! Он плакал.
- Гарри, о чем вы? Что вы хотите сказать?

Короткие гудки. Я сразу перезвонил ему домой – никто не отвечал. На мобильный – безуспешно. Я звонил снова и снова, оставил несколько сообщений на автоответчике. Ничего. Я очень беспокоился. В тот момент я еще не знал, что Гарри звонил из Главного управления полиции штата, из Конкорда. Я не понимал, что происходит, пока около четырех мне не позвонил Дуглас.

- Твою мать, Марк, ты в курсе? – не своим голосом заорал он.
- В курсе чего?
- Да включи ты телевизор, блин! Тут про Гарри Квеберта! Это Квеберт!
- Квеберт? Что Квеберт?
- Черт, включай телевизор!

Я немедленно переключился на новостной канал. И в полном изумлении увидел на экране изображение дома в Гусиной бухте и услышал пояснения диктора:

Здесь, в своем доме в Авроре, штат Нью-Гэмпшир, сегодня был задержан писатель Гарри Квеберт, во владениях которого полиция обнаружила человеческие останки. По предварительным данным, речь может идти о теле Нолы Келлерган, местной девушки, ушедшей из дому в августе 1975 года, в возрасте пятнадцати лет; о дальнейшей ее судьбе до сих пор ничего не было известно...

Все закружилось вокруг меня; в полном одурении я рухнул на тахту, не слыша ничего, ни телевизора, ни Дугласа, вопившего в трубку: “Маркус? Ты здесь? Алло! Он убил девчонку? Он убил девчонку?” У меня в голове все смешалось, как в дурном сне.

Так, вместе со всей потрясенной Америкой, я узнал, что произошло несколькими часами раньше. Ранним утром по вызову Гарри в Гусиную бухту приехала некая фирма по озеленению, чтобы устроить возле дома цветники с гортензиями. Перекапывая землю, садовники нашли на

метровой глубине человеческие кости и немедленно известили полицию. Вскоре на свет был извлечен скелет целиком, и Гарри арестовали.

На телевидении все развивалось очень быстро. Прямые включения из Авроры, с места преступления, чередовались с кадрами из Конкорда, столицы Нью-Гэмпшира, расположенной в шестидесяти милях к северо-востоку: здесь, в камере предварительного заключения уголовной полиции штата, теперь содержался Гарри. Примчавшиеся на место бригады журналистов уже пристально следили за ходом расследования. Судя по всему, вместе с телом была обнаружена улика, позволяющая всерьез предполагать, что речь идет об останках Нолы Келлерган. Ответственный полицейский чин уже успел заявить, что если информация подтвердится, на Гарри Квеберта падет подозрение в убийстве некоей Деборы Купер, последнего человека, видевшего Нолу 30 августа 1975 года; в тот же день после звонка в полицию она была найдена мертвой. От всего этого голова шла кругом. Слух разбухал, разрастался по экспоненте; благодаря телевидению, радио, интернету, социальным сетям информация в реальном времени разлеталась по всей стране: Гарри Квеберт, шестидесяти семи лет, один из величайших писателей второй половины века, оказался гнусным убийцей маленькой девочки.

Я долго не мог осознать, что происходит, наверно, несколько часов. В восемь вечера, когда встревоженный Дуглас заявился ко мне домой убедиться, что со мной все в порядке, я по-прежнему не сомневался, что это какая-то ошибка.

– Да как же они могут обвинять его в двойном убийстве, если даже не доказано, что тело действительно этой самой Нолы!

– Так или иначе, у него в саду был закопан труп.

– Тогда почему он велел копать в том самом месте, где якобы зарыл тело? Это же бессмыслица! Я должен туда поехать.

– Куда туда?

– В Нью-Гэмпшир. Я должен поехать и защитить Гарри.

Ответ Дугласа был исполнен того весьма прозаического здравого смысла, какой отличает уроженцев Среднего Запада:

– Даже не думай, Марк. Нечего тебе туда ездить. Не лезь в это говно.

– Гарри мне звонил...

– Когда? Сегодня?

– Около часу дня. По-моему, он воспользовался правом на один звонок. Я должен поехать и поддержать его! Это очень важно.

– Важно? Важно – это твоя вторая книжка. Надеюсь, ты не навешал мне лапши на уши и к концу месяца у тебя в самом деле будет рукопись. Барнаски уже готов с тобой порвать. Ты вообще понимаешь, что теперь будет с Гарри? Не лезь в это говно, Марк, ты слишком молод! Не гробь свою карьеру.

Я не ответил. По телевизору помощник прокурора штата давал пресс-конференцию целой толпе журналистов. Он перечислил предъявленные Гарри обвинения: умышленное похищение и двойное умышленное убийство. Гарри официально обвинили в смерти Деборы Купер и Нолы Келлерган. По совокупности преступлений за похищение и оба убийства ему грозила смертная казнь.

Но это было лишь начало падения Гарри. На следующий день всю страну облетели кадры предварительных слушаний по его делу. Все видели, как под прицелом десятков телекамер и в слепящем шквале фотовспышек двое полицейских ввели его, в наручниках, в зал суда. Выглядел он изможденным: мрачный, небритый, всклокоченный, с опухшими глазами и в расстегнутой рубашке. Рядом с ним был Бенджамин Рот, его адвокат. Рота, известного в Конкорде юриста, в прошлом часто консультировавшего Гарри, я немного знал, поскольку несколько раз пересекался с ним в Гусиной бухте.

Благодаря волшебству телевидения вся Америка в прямом эфире следила за этими слушаниями. Гарри утверждал, что не виновен в преступлениях, в которых его обвиняют; судья вынес решение о его предварительном заключении под стражу в мужскую тюрьму штата Нью-Гэмпшир. Но настоящая буря еще не грянула: в тот момент я по простоте душевной еще надеялся на скорое окончание дела, однако через час после окончания слушаний мне позвонил Бенджамин Рот.

– Ваш номер мне дал Гарри, – сказал он. – Он очень просил вам позвонить, он хочет сказать, что невиновен и никого не убивал.

– Я знаю, что он невиновен! – ответил я. – Я в этом не сомневаюсь. Как он?

– Плохо, как вы можете догадаться. Копы на него надавили, он признался, что у него был роман с Нолой тем летом, когда она пропала.

– Про Нолу я был в курсе. Но все остальное?

Рот замялся:

– Он все отрицает. Но...

Он замолчал.

– Но что? – встревожился я.

– Маркус, не скрою, будет трудно. У них туз.

– Что вы хотите сказать, какой такой *туз*? Говорите же, черт возьми! Я должен знать!

– Это должно остаться между нами. Никто не должен знать.

– Я никому не скажу. Вы можете мне верить.

– Вместе с останками девчонки следователи обнаружили рукопись “Истоков зла”.

– Что?

– Что слышали: рукопись этой гребаной книжки была похоронена вместе с ней. Гарри вяпался по уши.

– Он это как-то объяснил?

– Да. Он говорит, что написал эту книгу для нее. Что она вечно рылась в его вещах и иногда брала отдельные листы почитать. Говорит, что за несколько дней до исчезновения унесла всю рукопись.

– Что? – вскричал я. – Он написал эту книжку для нее?

– Да. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы это просочилось. Сами понимаете, какой выйдет скандал, если СМИ узнают, что одна из самых продаваемых книг в Америке за последние полвека – не просто рассказ об истории любви, как все думали, а плод подпольной любовной связи тридцатичетырехлетнего мужика и пятнадцатилетней девочки...

– Как вы думаете, его нельзя выпустить под поручительство?

– Под поручительство? Вы не поняли, насколько все серьезно, Маркус: когда за преступление полагается смертная казнь, под поручительство не выпускают. Гарри грозит смертельный укол. Дней через десять он предстанет перед Большим жури, которое примет решение о привлечении к ответственности и о рассмотрении дела в суде. Обычно это простая формальность, процесс, безусловно, будет. Через полгода, может, через год.

– А до тех пор?

– Он должен сидеть в тюрьме.

– Но если он невиновен?

– Таков закон. Повторяю: положение очень серьезное. Его обвиняют в убийстве двух человек.

Я рухнул на тахту. Мне надо было поговорить с Гарри.

– Скажите ему, чтобы он мне позвонил! – воззвал я к Роту. – Это очень важно!

– Я оставлю ему сообщение...

– Скажите, что мне обязательно надо с ним поговорить и что я жду его звонка!

Повесив трубку, я тут же достал с книжной полки “Истоки зла” с дарственной надписью учителя на титульном листе:

Маркус у, самому блестящему моему ученику, с самыми дружескими чувствами.

Г. Л. Квеберт, май 1999 г.

Я вновь погрузился в чтение книги, которую не открывал уже много лет. Это был роман о любви, повествование в нем чередовалось с эпистолярными фрагментами; история мужчины и женщины, которые любят друг друга, но не имеют права друг друга любить. Значит, он написал ее для этой загадочной девушки, о которой я пока ничего не знал. Глубокой ночью, дочитав книгу до конца, я надолго задумался о ее названии. И в первый раз спросил себя, что оно значит: почему “Истоки зла”? Какое зло имел в виду Гарри?

* * *

Прошло три дня; результаты анализа ДНК и слепок зубов подтвердили: скелет, найденный в Гусиной бухте, действительно принадлежит Ноле Келлерган. Изучение останков позволило установить, что речь идет о ребенке приблизительно пятнадцати лет; таким образом, смерть Нолы примерно совпадала с моментом ее исчезновения. А главное, трещина в затылочной кости позволяла даже по прошествии более чем тридцати лет с уверенностью утверждать, что жертва умерла как минимум от одного нанесенного ей удара: Нола Келлерган была забита до смерти.

Никаких вестей от Гарри не было. Я пытался связаться с ним через полицию штата, через тюрьму и снова через Рота, но безуспешно. Я ходил кругами по квартире, меня терзали тысячи вопросов, мне не давал покоя его загадочный звонок. В воскресенье вечером я не выдержал: мне ничего не оставалось, как поехать в Нью-Гэмпшир и посмотреть, что там происходит.

Ранним утром в понедельник, 16 июня 2008 года, я запихнул чемоданы в багажник своего “рейнджровера” и выехал из Манхэттена по Франклин-Рузвельт-драйв, идущей вдоль Ист-Ривер. Мимо меня проплывал Нью-Йорк – Бронкс, Гарлем; наконец я свернул на шоссе I-95 и поехал на север. И только когда забрался достаточно далеко в глубь штата Нью-Йорк, чтобы уже никто не смог убедить меня отступить и благоразумно вернуться домой, предупредил родителей, что еду в Нью-Гэмпшир. Мать заявила, что я сошел с ума:

- Что ты творишь, Марки? Ты собрался защищать этого варвара и преступника?
- Он не преступник, мама. Он мой друг.
- Хорошенькое дело, твои друзья – преступники! Папа тут рядом, он говорит, что ты убегаешь из Нью-Йорка из-за книжных дел.
- Я не убегаю.
- Значит, ты убегаешь из-за женщины?
- Я же сказал: я не убегаю. У меня сейчас нет подружки.
- Когда наконец у тебя будет подружка? Я все думаю об этой Наталье, которую ты к нам приводил в прошлом году. Очень симпатичная *шикса*. Почему бы тебе ей не позвонить?
- Ты ее терпеть не могла.
- А почему ты больше не пишешь книжек? Когда ты был великим писателем, тебя все любили.
- Я и сейчас писатель.
- Возвращайся домой. Я тебе сделаю отличных хот-догов и горячий яблочный пирог с шариком ванильного мороженого, чтобы ты его на нем растопил.
- Мама, мне тридцать лет, я сам себе могу наделать хот-догов, если захочу.

– Представляешь, твоему отцу больше нельзя хот-догов. Так доктор сказал. (Я услышал, как отец в глубине комнаты заныл, что иногда все-таки можно, а мать несколько раз повторила: “Все, с хот-догоми и всей этой дрянью покончено. Доктор сказал, что ты все себе засорил!”) Марки, дорогой! Папа говорит, тебе надо написать книгу о Квеберте. Тогда ты сможешь начать все заново. Раз все вокруг говорят про Квеберта, все будут говорить про твою книгу. Почему ты больше не приходишь к нам обедать, Марки? Ты так давно у нас не был. Ням-ням, славный яблочный пирог!

Я почти проехал Коннектикут, когда мне в голову пришла не лучшая мысль выключить на время *CD* с оперой и послушать новости по радио; оказалось, что из-за утечки информации в полиции СМИ узнали о рукописи “Истоков зла”, найденной вместе с останками Нолы Келлерган, и о признании Гарри в том, что связь с ней стала для него источником вдохновения. За утро эта новая сенсация уже успела облететь всю страну. На АЗС сразу за Нью-Хейвенем я, залив полный бак, обнаружил, что заправщик прилип к экрану телевизора, где снова и снова повторяли это сообщение. Я уселся с ним рядом и попросил прибавить звук; взглянув на мое убитое лицо, он спросил:

– Вы чего, не в курсе? Все уж сколько часов только об этом и твердят. Вы-то где были? На Марсе?

– В машине.

– Ха, у вас что, радио нет?

– Я слушал оперу. Хотел развлекаться.

Он с минуту разглядывал меня.

– Я вас вроде знаю, нет?

– Нет.

– А по-моему, знаю...

– У меня очень заурядное лицо.

– Нет, я вас точно где-то видел... Вы с телевидения, ага? Актер?

– Нет.

– А чем занимаетесь?

– Я писатель.

– Ах вот оно что! Тут в прошлом году ваша книжка продавалась. И личность ваша на обложке была, прекрасно помню!

Он запетлял между стеллажами в поисках книги, которой там, естественно, больше не было. Наконец он откопал одну на складе и с торжествующим видом вернулся к стойке:

– Вот, это же вы! Глядите, ваша книга. И имя ваше написано, Маркус Гольдман.

– Пускай так.

– Ну? Что новенького, мистер Гольдман?

– Честно говоря, ничего особенного.

– А куда путь держите, позвольте спросить?

– В Нью-Гэмпшир.

– Шикарное местечко. Особенно летом. Вы туда зачем? На рыбалку?

– Да.

– А кого словить хотите? Там кое-где такие черные окуни водятся – охренеть.

– Да, похоже, словлю одну мороку. Я к другу, у него неприятности. Очень крупные неприятности.

– Э, да уж небось не такие крупные, как у Гарри Квеберта!

Он расхохотался, с жаром пожал мне руку – потому что “нечасто тут встретишь знаменитостей” – и угостил кофе на дорожку.

В общественном мнении царило смятение: мало того что наличие рукописи среди останков Нолы означало окончательный приговор Гарри; в первую очередь глубочайшую неловкость

вызвало известие о том, что книга родилась из любовной связи с девочкой пятнадцати лет. И как теперь к этой книге относиться? Неужели вся Америка, возведя Гарри в разряд литературных звезд, оказала поддержку маньяку? В общей атмосфере скандала журналисты, со своей стороны, выдвигали разные гипотезы о том, что могло заставить Гарри убить Нолу Келлерган. Может, она угрожала разоблачить их связь? Или хотела порвать с ним и он потерял голову? Все эти вопросы помимо воли теснились в моем мозгу все время, пока я ехал в Нью-Гэмпшир. Я изо всех сил пытался отвлечься, выключал радио и пускал оперу, но любая мелодия наводила меня на мысли о Гарри, а едва я вспоминал Гарри, я вспоминал и девочку, тридцать лет пролежавшую под землей рядом с домом, где, как мне всегда казалось, я провел прекраснейшие годы своей жизни.

Пять часов спустя я наконец добрался до Гусиной бухты. Ехал я туда, не задумываясь, почему, собственно, туда, а не в Конкорд встретиться с Гарри и Ротом? На обочине шоссе 1 стояли в ряд фургоны спутникового телевидения, а у съезда на гравийную дорожку, ведущую к дому, толклись журналисты, ожидая прямого включения на своих каналах. Не успел я свернуть, как все они ринулись к моей машине и окружили ее, перекрыв проезд, чтобы посмотреть, кто приехал. Один из них, узнав меня, завопил: “Э, да это тот писатель, это Маркус Гольдман!” Весь рой возбудился еще больше, в стекла машины влипли объективы телекамер и фотоаппаратов, репортеры, перекрикивая друг друга, засыпали меня ворохом вопросов: “Считаете ли вы, что Гарри Квеберт убил эту девушку?”, “Знали ли вы, что он написал “Истоки зла” для нее?”, “Следует ли изъять эту книгу из продажи?”. Я не желал делать никаких заявлений, не опускал стекол и не снимал темных очков. Местным полицейским, регулировавшим потоки журналистов и зевак, удалось расчистить мне путь, и я скрылся за кустами ежевики и огромными соснами, что обрамляли дорожку. Кто-то из журналистов кричал мне вслед: “Мистер Гольдман, зачем вы приехали в Аврору? Что вы делаете в доме Гарри Квеберта? Мистер Гольдман, почему вы здесь?”

Почему я здесь? Потому что это Гарри. Потому что он, наверное, мой лучший друг. Как ни странно – я сам осознал это только сейчас, – Гарри был самым моим дорогим другом. В школьные и университетские годы у меня не получалось заводить близких друзей из числа сверстников, друзей на всю жизнь. В моей жизни был один Гарри, и, удивительное дело, меня нисколько не волновало, виновен он в том, в чем его обвиняют, или нет: ответ на этот вопрос никак не затрагивал тех глубоких дружеских чувств, какие я к нему питал. Странное ощущение: думаю, я предпочел бы ненавидеть его, плюнуть ему в лицо вместе со всей страной; так было бы проще. Но это дело существовало отдельно от моих чувств. В крайнем случае я попросту говорил себе: он человек, а у каждого человека есть свой демон. У всех есть свои демоны. Вопрос только в том, до каких пределов с ними можно мириться.

Я поставил машину на гравийной парковке, рядом с крыльцом. Его красный “корвет” был на месте, перед маленькой пристройкой, служившей гаражом, как всегда. Как будто хозяин дома и все хорошо. Я хотел войти в дом, но он оказался заперт. В первый раз на моей памяти эта дверь не открылась передо мной. Я обошел дом; мне не встретилось ни одного полицейского, но весь участок за домом был обнесен заградительными лентами. Я всмотрелся в обширное огороженное пространство, протянувшееся до самой опушки леса. Издалека угадывались очертания зияющего кратера, свидетельство усердных полицейских раскопок, а прямо рядом с ним засыхали всеми забытые гортензии.

Наверно, я проторчал так битый час, потому что вскоре сзади послышался звук подъезжающей машины. Из Конкорда приехал Рот: увидел меня по телевидению и сразу примчался сюда. Первыми его словами было:

- Явились все-таки?
- Да. А почему такой вопрос?

– Гарри сказал, что вы приедете. Сказал, что вы чертовски упрямый осел и скоро явитесь сюда, будете совать нос в его дело.

– Гарри хорошо меня знает.

Рот порылся в кармане пиджака и извлек оттуда клочок бумаги:

– Это от него.

Я развернул листок. Это была записка.

Дорогой мой Маркус!

Если Вы читаете эти строки, значит, Вы приехали в Нью-Гэмпшир узнать, как дела у старого друга.

Вы храбрый мальчик; никогда в этом не сомневался. Клянусь, я не виновен в преступлениях, в которых меня обвиняют. Тем не менее, думаю, мне придется некоторое время просидеть в тюрьме, а у Вас есть чем заняться, кроме как мной. Займитесь своей карьерой, займитесь романом, который Вам надо к концу месяца сдать издателю. Ваша карьера для меня важнее. Не тратьте на меня время.

Ваш Гарри.

P. S. Если Вам вдруг все-таки захочется немножко пожить в Нью-Гэмпшире или время от времени наезжать сюда, то Вы знаете: Гусиная бухта Ваш дом. Можете жить здесь, сколько хотите. Прошу Вас только об одном одолжении: кормите чаек. Кладите хлеб на террасу. Кормите чаек, это важно.

– Поддержите его, – сказал Рот. – Вы нужны Квеберту.

Я кивнул.

– Как для него все складывается?

– Плохо. Видели новости? Про книжку всем все известно. Это катастрофа. Чем больше я узнаю, тем чаще задаюсь вопросом, как мне его защищать.

– Откуда утечка?

– По моим представлениям, прямо из кабинета прокурора. Они хотят еще сильнее надавить на Гарри, облить его грязью в глазах общественного мнения. Им нужно чистосердечное признание, они знают, что в деле тридцатилетней давности признание – штука первостатейная.

– Когда я могу с ним встретиться?

– Уже завтра утром. Тюрьма штата находится на выезде из Конкорда. Где вы остановитесь?

– Здесь, если можно.

Он поморщился:

– Сомневаюсь. Полиция обыскала дом. Это место преступления.

– Разве место преступления не там, где яма? – спросил я.

Рот обследовал входную дверь, потом быстро обошел дом и, улыбаясь, вернулся ко мне.

– Из вас бы вышел неплохой адвокат, Гольдман. Дом не опечатан.

– Значит, я имею право здесь поселиться?

– Значит, вам не запрещено здесь поселиться.

– Я, кажется, не совсем понял.

– В этом прелесть американского права, Гольдман: если закона нет, вы его сами придумываете. А если к вам посмеют прикопаться, идите в суд, он признает вашу правоту и вынесет решение имени вас: Гольдман против штата Нью-Гэмпшир. Знаете, почему в этой стране вам сразу после ареста обязаны зачитать ваши права? Потому что в шестидесятых годах некий Эрнесто Миранда был осужден за изнасилование на основании собственных показаний. Так вот его адвокат, представьте, решил, что это несправедливо, ибо милейший Миранда в школе

не засиделся и не знал, что Билль о правах позволяет ему не свидетельствовать против себя. Этот самый адвокат поднял шум, обратился в верховный суд, и все такое – и, представьте себе, выиграл, козел! Признания недействительны, решение “Миранда против штата Аризона” увенчано лаврами, и теперь любой коп, засадивший вас за решетку, должен бубнить: “Вы имеете право хранить молчание, все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде, ваш адвокат может присутствовать при допросе, если вы не можете оплатить услуги адвоката, он будет предоставлен вам государством”. Короче, всем этим дурацким ля-ля тополя, какое все время слышишь в кино, мы обязаны другу Эрнесто! Мораль: правосудие в Америке, Гольдман, – это коллективная работа, в ней может участвовать каждый. Так что забирайте себе это местечко, ничто вам не мешает, а если полиция обнаглеет и начнет цепляться, грозите судом, возмещением громадного ущерба и убытков. Они этого пугаются. Зато вот ключей от дома у меня нет.

Я достал из кармана связку:

– Гарри мне дал в свое время.

– Гольдман, да вы волшебник! Только заклинаю, не заходите за полицейские ограждения: у нас будут проблемы.

– Договорились. Кстати, Бенджамин, обыск дома что-нибудь дал?

– Ничего. Полиция ничего не нашла. Потому-то его и не опечатали.

Рот уехал, а я вошел в огромный пустой дом. Запер дверь изнутри и направился напрямиком в кабинет, на поиски пресловутой шкатулки. Но ее там больше не было. Куда Гарри мог ее деть? Мне непременно хотелось ее добыть, я обшарил все книжные полки в кабинете и в гостиной, но тщетно. Тогда я решил тщательно осмотреть каждую комнату, поискать хоть какую-нибудь мелочь, которая помогла бы понять, что произошло здесь в 1975 году. Неужели в одной из этих комнат была убита Нола Келлерган?

В конце концов я нашел несколько альбомов с фотографиями, которые прежде никогда не видел или не замечал. Открыв наугад один из них, я обнаружил наши с Гарри снимки времен университета. В аудиториях, в зале для бокса, в университетском парке, в кафешке, где мы часто встречались. Там были даже фото с моего вручения диплома. В другом альбоме хранились вырезки из газет и журналов, посвященные мне и моей книге. Отдельные фрагменты были подчеркнуты или обведены красным карандашом; только теперь я понял, что Гарри всегда самым пристальным образом следил за моей жизнью и благоговейно хранил все свидетельства, имевшие ко мне хотя бы отдаленное отношение. Я нашел даже вырезку из газеты Монтклера полуторагодичной давности с описанием церемонии, устроенной в мою честь в Фелтоновской школе. Где он раздобыл эту статью? Я прекрасно помнил тот день. Незадолго до Рождества 2006 года продажи моего первого романа превысили миллион экземпляров, и директор школы, где я получил среднее образование, воодушевившись моим бурным успехом, решил воздать мне должное.

Помпезное чествование состоялось субботним вечером в актовом зале школы, куда собрали избранных учеников, выпускников и нескольких местных журналистов. Весь этот бомонд теснился на раскладных стульях перед огромным занавесом; после торжественной речи директора занавес упал, открыв большой стеклянный шкаф с надписью: “В честь Маркуса П. Гольдмана по прозвищу Великолепный, учившегося в этой школе в 1994–1998 гг.” За стеклом красовался экземпляр моего романа, мои старые таблицы с оценками, несколько фотографий, моя майка игрока в лакросс и майка команды бегунов.

Я перечитал статью с улыбкой. Мое пребывание в Фелтоне, маленьком, очень спокойном учебном заведении в северной части Монтклера, настолько врезалось в память однокашникам и учителям, что они прозвали меня Великолепным. Но в тот декабрьский день 2006 года никто из аплодировавших витрине моей славы не знал, что признанной звездой Фелтона на четыре

долгих прекрасных года я стал лишь благодаря череде сперва случайных, а затем умело подстроенных недоразумений.

Эпопея Великолепного началась одновременно с первым учебным годом: мне предстояло выбрать вид спорта, которым я стану заниматься. Я решил, что это будет либо футбол, либо баскетбол, но число мест в обеих командах было ограничено, а я, на свою беду, в день записи явился в нужный кабинет слишком поздно.

– Я уже закрылась, – заявила мне толстая дама, отвечавшая за регистрацию. – Приходите на следующий год.

– Мэм, пожалуйста, – взмолился я, – мне обязательно надо записаться на какой-нибудь вид спорта, а то меня выгонят.

– Фамилия? – вздохнула она.

– Гольдман. Маркус Гольдман.

– Какой вид?

– Футбол. Или баскет.

– Мест нет. Остались команды либо акробатического танца, либо лакросса.

Лакросс или акробатический танец. Хрен редьки не слаще. Я знал, что если попаду в танцевальную команду, надо мной будут смеяться, и выбрал лакросс. Но в Фелтоне уже лет двадцать не было хорошей команды по лакроссу, никто из учеников не хотел туда идти, и теперь она состояла из тех, кого выгнали отовсюду или кто опоздал на запись. Так я оказался в ущербной, никчемной и неумелой команде, которой, однако, предстояло покрыть меня славой. В надежде перейти со временем в футбол я решил добиваться спортивных достижений, чтобы меня заметили, и тренировался с таким невиданным усердием, что через две недели наш тренер усмотрел во мне звезду, которую ждал всегда. Меня немедленно сделали капитаном и без каких-либо особых усилий с моей стороны сочли лучшим игроком в лакросс за всю историю школы. Я легко побил рекорд по голам двадцатилетней давности – совершенно убогий – и за подобную доблесть попал на школьную Доску почета, чего еще ни разу не случалось с первогодком. Это, разумеется, впечатлило одноклассников и привлекло ко мне внимание учителей. Из этого опыта я вынес одно: чтобы стать великолепным, достаточно пускать пыль в глаза другим; в конечном счете все дело в шоу-бизнесе.

Я быстро втянулся в игру. Естественно, вопрос об уходе из команды по лакроссу для меня больше не стоял: отныне мной владела одна-единственная мысль – во что бы то ни стало быть лучшим, любой ценой обратить на себя внимание. Был, к примеру, общий конкурс личных научных проектов, в нем победила сверходаренная мелкая стерва по имени Салли, а я оказался на шестнадцатом месте. Во время вручения премии в актовом зале я ухитрился взять слово и сочинил историю о том, как все выходные напролет добровольно занимался с умственно отстающими детьми, что сильно помешало моей работе над проектом; а в конце произнес со слезами на глазах: “Мне безразличны любые первые премии, если я могу принести крупицу счастья моим маленьким трисомным друзьям”. Все были явно взволнованы; я сумел затмить Салли в глазах учителей, товарищей и самой Салли, у которой оказался братик с тяжелой инвалидностью (этого я не знал) и которая отказалась от премии, потребовав, чтобы ее вручили мне. После этого эпизода мое имя появилось на Доске почета – которую я, вполне сознавая свое самозванство, называл про себя “Доской бесчестья”, – в рубриках “спорт”, “наука” и “приз лучшему товарищу”. Но остановиться я не мог, я был как одержимый. Неделю спустя я побил рекорд продажи билетов вещевой лотереи, купив их сам у себя на деньги, накопленные за два последних лета, когда убирал лужайки вокруг городского бассейна. Большого и не требовалось: вскоре вся школа стала говорить, что Маркус Гольдман – человек высшей пробы. В итоге ученики и учителя наградили меня прозвищем Великолепный, словно заводским клеймом, гарантией абсолютного успеха, а моя скромная слава прокатилась по всему нашему кварталу в Монтклере, преисполнив родителей невероятной гордости.

Заработанная таким сомнительным способом репутация побудила меня заняться благородным искусством бокса. Я всегда питал слабость к боксу и всегда был неплохим бойцом, но, тайно отправляясь на тренировки в один бруклинский клуб, в часе езды на поезде, где меня никто не знал, где не существовало Великолепного, я искал другого: права быть уязвимым, права уступить победу более сильному, права потерять лицо. Это был единственный способ сбежать подальше от созданного мною пугала совершенства – в зале для бокса Великолепный мог потерпеть поражение, мог быть плохим. Здесь мог существовать Маркус. Ибо мало-помалу моя навязчивая идея стать абсолютным номером один превзошла все мыслимые пределы: чем больше я выигрывал, тем больше боялся проиграть.

На третьем году моего обучения директору из-за сокращения бюджета пришлось распустить команду по лакроссу: она обходилась школе слишком дорого, а не приносила почти ничего. И значит, мне, к великому моему горю, нужно было выбирать новый вид спорта; конечно, футбольная и баскетбольная команды строили мне глазки, но я знал, что, попав в одну из них, столкнусь с куда более одаренными и целеустремленными игроками, чем мои товарищи по лакроссу. Я рисковал оказаться на вторых ролях, снова стать никем или, хуже того, оскандалиться: что будут говорить, если Маркус Гольдман по прозвищу Великолепный, бывший капитан команды по лакроссу, побивший рекорд по числу забитых мячей за двадцать лет, вдруг окажется мазилой на футбольном поле? Две недели я жил в тоске и тревоге – пока не услышал о всеми забытой команде по бегу, состоявшей из двух коротконогих толстяков и одного тощего задохлика. Оказалось к тому же, что это единственный вид спорта, в котором Фелтон никогда не состязался с другими школами: здесь я мог быть уверен, что мне не придется тягаться ни с кем, кто мог бы представлять для меня опасность. В общем, я с большим облегчением и без колебаний записался в фелтоновскую команду по бегу и на первой же тренировке, под влюбленными взорами директора и нескольких девиц из группы поддержки, побил рекорд скорости моих незлобивых товарищей.

И все бы прекрасно обошлось, если бы не директор, которому пришла в голову несуразная мысль устроить большие соревнования по бегу между учебными заведениями округа, дабы поправить положение школы: прельстившись моими результатами, он не сомневался, что Великолепный играючи одержит победу. При этом известии меня охватила паника; я без устали тренировался целый месяц, но знал, что против бегунов из других школ, поднаторевших в соревнованиях, у меня нет никаких шансов. Я был лишь картонным фасадом; меня поднимут на смех, и в придачу на своей же территории.

В день забега болеть за меня собрался весь Фелтон да еще половина нашего квартала. Прозвучал стартовый выстрел – и, как я и боялся, меня немедленно обогнали все остальные бегуны. Настал решающий момент; на кону стояла моя репутация. Забег был на шесть миль, двадцать пять кругов по стадиону. Двадцать пять унижений. Я финиширую последним, поверженный и обесчещенный. Победитель, быть может, обойдет меня на целый круг. Надо было любой ценой спасти Великолепного. Я собрал все силы, всю свою энергию и, выдав в отчаянном порыве безумный спринт, под восторженные вопли толпы возглавил забег. Теперь, пока я был первым, пора было воплощать разработанный мной иезуитский план: чувствуя, что силы мои на исходе, я сделал вид, будто споткнулся, и полетел на землю – со всеми положенными кульбитами, воплями на публику и криками толпы; в итоге это стоило мне сломанной ноги, что, конечно, предусмотрено не было, зато спасло величие моего имени – ценой операции и двухнедельного лежания в больнице. А на следующей неделе после происшествия школьная газета писала обо мне:

Во время этого легендарного забега Маркус Гольдман по прозвищу Великолепный, далеко оторвавшийся от соперников и готовый одержать

сокрушительную победу, пал жертвой дурного качества беговой дорожки: он неудачно упал и сломал ногу.

Таков был конец моей карьеры бегуна и спортсмена вообще: по причине тяжелой травмы меня освободили от занятий спортом до самого окончания школы. За свою самоотверженность и героизм я был удостоен таблички с моим именем в витрине почета, где уже красовалась моя майка бегуна. А директор, кляня дурное качество спортивных сооружений Фелтона, затеял дорогостоящие работы по замене всего покрытия беговой дорожки на стадионе; средства он черпал из бюджета внеклассной работы, и ученики всех классов на весь следующий год лишились каких-либо мероприятий.

По окончании школы мне, со всем моим ворохом отличных оценок, грамот и рекомендаций, предстоял роковой выбор: выбор университета. И когда однажды вечером, лежа на кровати в своей комнате, я разложил перед собой три пригласительных письма – одно из Гарварда, другое из Йеля, а третье из Берроуза, маленького, никому не ведомого университета в Массачусетсе, сомнений у меня не было: я хочу в Берроуз. В крупном университете мне грозила опасность потерять ярлык Великолепного. Отправиться в Гарвард или Йель значило задрать планку слишком высоко: у меня не было ни малейшего желания сталкиваться с неугомонной элитой, явившейся со всех концов страны и готовой поселиться на всех досках почета. Доски почета Берроуза представлялись мне куда более доступными. Великолепному вовсе не хотелось осрамиться. Великолепный желал остаться Великолепным. Берроуз подходил для этого идеально: скромный кампус, где я, бесспорно, буду блистать. Мне не составило труда убедить родителей, что факультет литературы в Берроузе во всех отношениях лучше, чем в Гарварде и Йеле, – и осенью 1998 года я перебрался из Монтклера в маленький промышленный городок в Массачусетсе, где мне предстояло встретиться с Гарри Квебертом.

Под вечер, когда я все еще сидел на террасе, разглядывая альбомы с фотографиями и погружаясь в воспоминания, мне позвонил ошарашенный Дуглас:

– Маркус, дьявол тебя раздери! В голове не укладывается! Ты уехал в Нью-Гэмпшир и даже меня не предупредил! Мне звонят журналисты, спрашивают, что ты там делаешь, а я не в курсе. Пришлось включить телевизор, чтобы что-то узнать. Возвращайся в Нью-Йорк. Вернись, пока не поздно. Эта история – совершенно не твоего ума дело! Прямо завтра на рассвете выбирайся из этой дыры и возвращайся в Нью-Йорк. У Квеберта отличный адвокат. Пускай он делает свою работу, а ты займись своей книгой. Тебе через две недели рукопись сдавать Барнаски!

– Гарри нужно, чтобы рядом был друг, – ответил я.

Повисла пауза, а потом Дуглас прошептал – так, словно только сейчас осознал то, чего не мог понять долгие месяцы:

– У тебя нет книги, да? Две недели до срока, а ты, блин, не удосужился написать эту долбаную книгу! Так, Марк? Ты собрался другу помочь или ты из Нью-Йорка сбежал?

– Заткнись, Дуг.

Снова повисла долгая пауза.

– Марк, скажи, что у тебя есть идея. Скажи мне, что у тебя есть план и есть веская причина отправиться в Нью-Гэмпшир.

– Веская причина? А дружба – этого мало?

– Да блин, чем ты ему таким обязан, этому Гарри, чтобы туда ехать?

– Всем, абсолютно всем.

– То есть как это – *всем*?

– Дуглас, это сложно.

– Черт, Маркус, что ты хочешь сказать?

– Дуг, в моей жизни был эпизод, о котором я никогда тебе не рассказывал... После школьных лет я бы точно пошел по дурной дорожке. А потом я встретил Гарри... В каком-то смысле он спас мне жизнь. Я перед ним в долгу... Без него я бы никогда не стал писателем, тем, кем я стал. Это случилось в Берроузе, штат Массачусетс, в 1998 году. Я обязан ему всем.

29. Можно ли влюбиться в пятнадцатилетнюю девочку?

– Мне бы хотелось научить вас писать, Маркус, не затем, чтобы вы просто умели писать, но чтобы вы стали писателем. Потому что писать книги – это пустяки: писать все умеют, но не все при этом писатели.

– А как человек узнает, что он писатель, Гарри?

– Никто не знает, что он писатель. Ему об этом говорят другие.

Все, кто помнит Нолу, скажут, что она была чудесная девушка. Из тех, что надолго врезаются в память: нежная и предупредительная, лучезарная и одаренная во всем. В ней, казалось, обитала та упоительная радость жизни, какая способна озарить самый хмурый дождливый день. По субботам она подрабатывала официанткой в “Кларксе”; кружила между столиками в порхающем облаке светлых вьющихся волос. Всегда находила приветливое словечко для каждого клиента. Посетители не сводили с нее глаз. Нола – это был целый мир.

Единственная дочь Дэвида и Луизы Келлерган, южан-евангелистов, родилась 12 апреля 1960 года в Джексоне, штат Алабама, откуда были родом ее родители. Семейство Келлерган обосновалось в Авроре осенью 1969 года: отец Нолы получил место пастора в приходе Сент-Джеймс, главной общине Авроры, в то время весьма многочисленной и постоянно пополнявшейся. Церковь Сент-Джеймс, внушительное дощатое здание, стояла у южного въезда в город; сейчас от нее ничего не осталось: общине Авроры пришлось слиться с общиной Монберри из-за финансовых трудностей и малого числа прихожан. Теперь на этом месте ресторан “Макдоналдс”. С самого приезда Келлерганы поселились на Террас-авеню, 245, в симпатичном одноэтажном доме, принадлежащем приходу: скорее всего, именно через окно своей комнаты шесть лет спустя, 30 августа 1975 года, Нола ушла и растворилась в пространстве.

Всеми этими описаниями встретили меня завсегдатаи “Кларкса”, куда я отправился наутро после приезда в Аврору. Проснулся я внезапно, на рассвете, от мучительно неприятного чувства, что на самом деле сам не знаю, зачем я здесь. Совершив пробежку по пляжу, я покормил чаек – и тут же спросил себя, вправду ли добрался до самого Нью-Гэмпшира только ради того, чтобы побросать хлеба морским птицам. Встретиться в Конкорде с Бенджамином Ротом, чтобы навестить Гарри, я должен был только в одиннадцать; оставаться одному не хотелось, и я решил пока сходить в “Кларкс” поесть оладий. Когда я в студенческие годы гостил у Гарри, он имел обыкновение таскать меня туда на рассвете. Будил еще до зари – безжалостно тряс со словами, что пора надевать спортивный костюм. Потом мы спускались на берег океана пробежаться и позаниматься боксом. Если он слегка уставал, то начинал изображать тренера: останавливался, якобы затем, чтобы поправлять мои удары и стойки, но я знал, что главным образом ему просто надо отдышаться. Так, за упражнениями и пробежками, мы одолевали по пляжу несколько миль, отделявших Гусиную бухту от Авроры. Затем поднимались по скалам Гранд-Бич и шли по спящему городу. На главной улице, погруженной в темноту, издали виднелся яркий свет, лившийся из витрины забегаловки – единственного заведения, открытого в такую рань. Внутри царил полный покой; редкие посетители, дальнобойщики и коммивояжеры, молча поглощали свой завтрак. Где-то в глубине говорило радио, неизменно включенное на новостном канале, но звук был слишком тихий, и слова диктора не всегда можно было разобрать. Если утро выдавалось жарким, под потолком с металлическим скрежетом крутился вентилятор, и вокруг ламп плясали пылинки. Мы усаживались за столик номер 17, и Дженни сразу приносила нам кофе. Мне она всегда улыбалась нежно, почти по-матерински. Говорила: “Бедный Маркус, он тебя заставляет вставать ни свет ни заря, да? Вечно он так, сколько его знаю”. И мы смеялись.

Но сегодня, 17 июня 2008 года, несмотря на ранний час, в “Кларксе” уже царило необычайное оживление. Все только и говорили, что об этом деле, и едва я успел войти, как меня обступили знакомые из числа завсегдаев: все хотели знать, *правда ли это*, была ли у Гарри связь с Нолой и убил ли он ее и Дебору Купер. Я уклонился от ответа и уселся за 17-й столик, он оставался свободным. И обнаружил, что таблички в честь Гарри больше нет: только две дырочки от шурупов в деревянной столешнице да выцветший лак на месте металлической пластины.

Дженни принесла мне кофе и приветливо поздоровалась. Вид у нее был грустный.

– Ты переехал к Гарри? – спросила она.

– Конечно. Ты сняла табличку?

– Да.

– Почему?

– Он написал книгу для этой девчонки, Маркус. Для пятнадцатилетней девчонки. Я не могу оставить табличку. Это не любовь, это мерзость.

– Думаю, все не так просто, – ответил я.

– А я думаю, что нечего тебе лезть в это дело, Маркус. Лучше бы ты вернулся в Нью-Йорк, подальше от всего этого.

Я заказал ей оладьи и сосиски. На столе валялся заляпанный жиром номер *Aurora Star*. На первой странице поместили громадную фотографию Гарри времен его славы: представительный вид, глубокий, уверенный в себе взгляд. А сразу под ней – снимок из Дворца правосудия в Конкорде: Гарри входит в зал заседаний, в наручниках, опустившийся, осунувшийся, с всклокоченными волосами и перевернутым лицом. Овальные портреты Нолы и Деборы Купер. И заголовок: “Что совершил Гарри Квеберт?”

Вскоре после меня пришел Эрни Пинкас и сел ко мне за столик с чашкой кофе.

– Видел тебя по телевизору вчера вечером, – сказал он. – Ты перебрался сюда?

– Да, наверно.

– Чего ради?

– Сам не знаю. Ради Гарри.

– Он ведь невиновен, да? Не могу поверить, чтобы он такое сотворил... Нелепость какая-то.

– Я уже ничего не знаю, Эрни.

По моей просьбе Эрни рассказал, как несколько дней назад полиция обнаружила останки Нолы, зарытые в Гусиной бухте на метровой глубине. В тот четверг жителей Авроры взбудоражили сирены полицейских машин, съехавшихся со всего округа: тут были и машины дорожной полиции, и авто уголовной полиции без опознавательных знаков, и даже передвижная лаборатория.

– Когда выяснилось, что это, вероятно, останки Нолы Келлерган, все были просто в шоке! – объяснял Пинкас. – Никто не мог поверить, что все это время она была прямо тут, у нас на глазах. Я имею в виду, сколько раз я приходил к Гарри, на эту самую террасу, выпить стаканчик виски... Чуть ли не рядом с ней... Скажи, Маркус, он правда написал ту книгу для нее? Не могу поверить, что у них был роман... А ты что-нибудь про это знал?

Вместо ответа я стал изо всех сил размешивать кофе, устроив в чашке водоворот, и сказал только:

– Тут сам черт ногу сломит, Эрни.

Немного погодя к нашему столику подсел Тревис Доун, шеф полиции Авроры и в придачу муж Дженни. Он был из числа самых давних моих здешних знакомых: седеющий шестидесятилетний добряк, этакий беззлобный деревенский коп, которого уже давно никто не боится.

– Мне очень жаль, сынок, – произнес он, поздоровавшись.

– Жаль чего?

– Да я об этой истории, что свалилась тебе на голову. Вы очень близки с Гарри, я знаю. Нелегко тебе, должно быть.

Тревис оказался первым человеком, который подумал и о моих чувствах. Кивнув, я спросил:

– Почему за все время, что я здесь бываю, я ни разу не слышал о Ноле Келлерган?

– Потому что, пока не нашли ее тело в Гусиной бухте, это была старая история. О таких историях вспоминать не любят.

– Тревис, что произошло 30 августа 1975 года? И что случилось с этой Деборой Купер?

– Скверное дело, Маркус. Очень скверное. И я оказался на первых ролях, потому что в тот день было мое дежурство. Я тогда был простым полицейским. Именно я принял тот звонок... Дебора Купер, симпатичная старушка, после смерти мужа жила одна в уединенном домике на опушке леса Сайд-Крик. Знаешь, где Сайд-Крик? Это там, где начинается тот большой лес, в двух милях за Гусиной бухтой. Прекрасно помню мамашу Купер: она постоянно звонила. Особенно по ночам, говорила, что вокруг дома какой-то подозрительный шум. Страшно ей было в своей здоровой хибаре у самого леса, вот и хотела, чтобы кто-нибудь ее время от времени развлек. Всякий раз извинялась за беспокойство и угощала полицейских, которые к ней ездили, пирожками и кофе. А назавтра приходила в участок и приносила какой-нибудь гостинец. Я же говорю, милейшая старушка. Таким всегда хочется оказать услугу. Короче, этого самого 30 августа 1975 года мамаша Купер набирает телефон экстренного вызова и говорит, что видела девушку в лесу, а за ней гнался мужчина. Ну и я сразу отправился к ней. Она позвонила днем, в первый раз такое. Когда я приехал, она меня ждала у дома и сказала: “Тревис, может, вы решите, что я спятила, но на сей раз я правда видела что-то странное”. Я осмотрел опушку леса, там, где она видела девушку, и нашел лоскут красной ткани. Я сразу решил, что дело серьезное, и предупредил шефа Прагга, тогдашнего шефа полиции Авроры. Он был в отпуске, но немедленно приехал. Лес-то громадный, второй человек не помешает. Вошли мы в лес, прошагали добрую милю и нашли следы крови, светлые волосы и еще обрывки красной ткани. Но задаваться вопросами оказалось некогда, потому что в эту минуту со стороны дома Деборы Купер донесся выстрел... Мы бросились туда – и нашли мамашу Купер на кухне, в луже крови. Потом мы узнали, что она еще раз звонила в полицию, сообщить, что девочка, которую видела незадолго до того, укрывалась у нее.

– Девочка вернулась в дом?

– Да. Пока мы ходили по лесу, она прибежала, вся в крови, ей нужна была помощь. Но мы уже никого в доме не застали, кроме трупа мамы Купер. Свихнуться можно.

– А девушка, это была Нола? – спросил я.

– Да. Мы это быстро поняли. Во-первых, чуть позже позвонил ее отец и сказал, что она пропала. А во-вторых, Дебора Купер сама назвала ее имя.

– И что потом?

– После второго звонка мамы Купер сюда выехала полиция округа. Подъезжая к опушке леса Сайд-Крик, помощник шерифа заметил черный “шевроле-монте-карло”, на большой скорости удалявшийся на север. Была организована погоня, но машину так и не задержали, несмотря на полицейские кордоны. Следующие недели мы искали Нолу, весь округ перевернули. Кто же мог подумать, что она в Гусиной бухте, у Гарри Квеберта? По всем признакам, она должна была быть где-то в этом лесу. Устраивали облаву за облавой, но так и не нашли ни машину, ни девочку. Если б могли, всю страну бы прочесали, но спустя три недели поиски пришлось прекратить, хоть и скрепя сердце: большие шишки в полиции штата заявили, что они обходятся слишком дорого, а уверенности, что будет толк, никакой.

– Вы кого-то подозревали тогда?

Он на секунду замаялся, потом сказал:

– Официально это не говорилось, но... думали на Гарри. И причины у нас были. Я хочу сказать: он приезжает в Аврору, а через три месяца исчезает малышка Келлерган. Странное совпадение, нет? А главное, какая у него была тогда машина? Черный “шевроле-монте-карло”. Но улики против него не хватало. По сути, эта рукопись – то самое доказательство, какое мы искали тридцать три года назад.

– Не думаю. Это не Гарри. И потом, зачем ему оставлять такую улику против себя вместе с телом? И зачем он послал садовников рыть землю именно там, где закопал труп? Это же ни в какие ворота не лезет.

Тревис пожал плечами:

– Поверь моему опыту старого копа: никогда не знаешь, на что способны люди. И особенно те, кого вроде бы хорошо знаешь.

С этими словами он поднялся и сердечно попрощался со мной: “Если я могу что-то для тебя сделать, скажи, не стесняйся”. Пинкас, не проронивший ни звука за все время нашего разговора, недоверчиво произнес: “Надо же... Понятия не имел, что полиция подозревала Гарри...” Я ничего не ответил. Оторвал первую страницу газеты, сунул в карман и, хотя было еще рано, поехал в Конкорд.

* * *

Мужская тюрьма штата Нью-Гэмпшир расположена по адресу Норт-Стейт-стрит, 281, на севере Конкорда. Чтобы попасть туда из Авроры, нужно свернуть с шоссе 93 за торговым центром “Капитолий”, потом, на углу “Холидей-Инн”, на Норт-стрит, и ехать прямо минут десять. За кладбищем Блоссом-Хилл и озерцом в форме подковы возле реки дорога идет вдоль решетчатой ограды с колючей проволокой, не оставляющей сомнений в том, куда ты попал; чуть подалее висит указатель с названием тюрьмы, а за ним видны угрюмые строения из красного кирпича, обнесенные толстой стеной, и решетки главного входа. Напротив, на другой стороне улицы – дилерский центр по продаже автомобилей.

Рот ждал меня на парковке, курил дешевую сигару. Вид у него был безмятежный. Вместо приветствия он снисходительно похлопал меня по плечу, словно мы были старые друзья.

– Первый раз в тюрьме? – спросил он.

– Да.

– Постарайтесь расслабиться.

– А кто вам сказал, что я напряжен?

Он заметил стайку журналистов, поджидавших поблизости:

– Они повсюду. Главное, не реагируйте на их приставания. Это гиены, Гольдман. Они не отвяжутся, пока вы им не швырнете чего-нибудь жареного. Будьте непреклонны и храните молчание. Малейшее ваше дурно истолкованное слово может обернуться против нас и угробить мою стратегию защиты.

– И какова ваша стратегия?

Он взглянул на меня очень серьезно:

– Все отрицать.

– Все отрицать?

– Да, все. Их связь, похищение, оба убийства. Будем доказывать в суде его невиновность, я добьюсь оправдания Гарри и очень рассчитываю потребовать возмещения миллионных убытков и ущерба от штата Нью-Гэмпшир.

– А куда вы денете рукопись, найденную полицией вместе с телом? И признания Гарри, что у него была связь с Нолой?

– Рукопись ничего не доказывает! Написать не значит убить. И потом, Гарри все объяснил, и вполне вразумительно: Нола перед тем, как исчезнуть, унесла рукопись. Что до их

интрижки, это просто увлечение. Ничего особо дурного. Ничего противозаконного. Прокурор ничего доказать не сможет, вот увидите.

– Я говорил с шефом полиции Авроры, Тревисом Доуном. Он утверждает, что Гарри в свое время был под подозрением.

– Хрень собачья! – Рот легко срывался на грубость, если ему противоречили.

– Судя по всему, подозреваемый водил черный “шевроле-монте-карло”. По словам Тревиса, именно эта модель была тогда у Гарри.

– Хрень в квадрате! – взорвался Рот. – Но знать полезно. Хорошо поработали, Гольдман, мне такие сведения нужны. Между прочим, раз вы знакомы со всеми олухами, что живут в Авроре, порасспрашивайте-ка их, надо бы заранее знать, какими байками они собираются кормить присяжных, если их позовут свидетелями на процесс. И попробуйте выяснить, кто из них пьет горькую или бьет жену: свидетель, который пьет или бьет жену, считается не заслуживающим доверия.

– Довольно гнусные методы, вам не кажется?

– На войне как на войне, Гольдман. Буш соврал всему народу, чтобы напасть на Ирак, но это было необходимо: гляньте, Саддам получил под зад, иракцев освободили, и с тех пор мир чувствует себя намного лучше.

– Большинство американцев выступали против этой войны. Это была катастрофа.

На его лице отразилось разочарование.

– О нет! Вот так я и думал...

– Что?

– Вы будете голосовать за демократов, Гольдман?

– Естественно, я буду голосовать за демократов.

– Вот увидите, они навесят на богатеев вроде вас изумительные налоги. И тут уж поздно будет плакать. Чтобы управлять Америкой, надо иметь яйца. А у слонов яйца больше, чем у ослов, ничего не поделаешь, это генетика.

– Очень поучительно, Рот. Так или иначе, демократы уже выиграли президентскую гонку. Ваша расчудесная война оказалась достаточно непопулярной, чтобы перевесить чашу весов.

Он улыбнулся – лукаво, почти недоверчиво:

– Только не говорите мне, что вы в это верите! Женщина и черномазый, Гольдман! Женщина и черномазый! Ну вы же умный мальчик, будьте хоть немного серьезнее: кто же выберет женщину или черномазого главой страны? Напишите про это книжку. Дивный научно-фантастический роман. Что дальше-то будет? Пуэрториканка-лесбиянка или индейский вождь?

После обычных формальностей я попросил Рота ненадолго оставить нас с Гарри наедине в зале свиданий. Он сидел за пластиковым столом, осунувшийся, в арестантской робе. Когда я вошел в комнату, его лицо просветлело. Он встал, мы крепко обнялись, а потом уселись по разные стороны стола и замолчали. Наконец он произнес:

– Мне страшно, Маркус.

– Мы вытащим вас отсюда, Гарри.

– Знаете, у меня в камере телевизор. Я вижу и слышу все, что обо мне говорят. Моя песенка спета. Моей карьере конец. Жизни конец. И это только начало: по-моему, я падаю.

– Никогда не надо бояться падать, Гарри.

Он грустно улыбнулся уголком рта:

– Спасибо, что пришли.

– Мы же друзья. Я поселился в Гусиной бухте, покормил чаек.

– Знаете, если вам хочется вернуться в Нью-Йорк, я прекрасно пойму.

– Никуда я не уеду. Рот – странная птица, но, похоже, свое дело знает: он говорит, что вас оправдают. Я останусь здесь, буду вам помогать. Сделаю все, что нужно, чтобы докопаться до истины, и смою пятно с вашей чести.

– А ваш новый роман? Ведь издатель ждет его к концу месяца, разве нет?

Я опустил голову:

– Нет никакого романа. У меня больше нет идей.

– То есть как это – нет идей?

Я не ответил и, чтобы сменить тему, вытащил из кармана газетный лист, который несколькими часами раньше захватил в “Кларксе”.

– Гарри, мне надо понять. Мне надо знать правду. У меня из головы не выходит ваш тогдашний звонок. Вы спрашивали себя, что сделали с Нолой...

– Я просто разволновался, Маркус. Меня только что задержали, у меня было право на один звонок, а единственным человеком, кого мне хотелось известить, были вы. Известить не о том, что меня арестовали, а о том, что она умерла. Потому что только вы знали про Нолу и мне хотелось с кем-то разделить мою печаль... Все эти годы я надеялся, что она жива, что она где-то есть. Но она умерла, навсегда... Она умерла, и я чувствовал себя за это ответственным, по самым разным причинам. Наверно, потому, что не сумел ее защитить. Но я ни разу не причинил ей зла, клянусь, я не виновен в том, в чем меня обвиняют.

– Я вам верю. Что вы сказали полиции?

– Правду. Что я невиновен. Зачем бы мне сажать цветы прямо на этом месте, а? Это же полный абсурд! Еще я сказал, что не знаю, как там оказалась эта рукопись, но что они должны знать: я написал этот роман для Нолы и о Ноле до ее исчезновения. Что мы с Нолой любили друг друга. Что летом, перед ее исчезновением, у нас был роман и я написал о нем книгу; у меня тогда было два экземпляра – оригинал, рукописный, и машинописная копия. Нолу очень интересовало то, что я делаю, она даже помогала мне переписывать набело. А машинописный вариант у меня однажды пропал. В конце августа, как раз перед тем, как пропала Нола... Я думал, она взяла его почитать, она иногда так делала. Читала мои тексты, а потом высказывала свое мнение. Разрешения она не спрашивала... Но на сей раз мне так и не удалось ее спросить, взяла она рукопись или нет, потому что она сама исчезла. У меня остался экземпляр, написанный от руки. Это были “Истоки зла”, несколько месяцев спустя роман, как вы знаете, вышел и имел успех.

– Значит, вы действительно написали эту книгу для Нолы?

– Да. Я видел по телевизору, что ее собираются изъять из продажи.

– Но что было между вами и Нолой?

– Любовь, Маркус. Я безумно в нее влюбился. Думаю, это меня и погубило.

– Что еще есть у полиции против вас?

– Понятия не имею.

– А шкатулка? Где ваша пресловутая шкатулка с письмом и фотографиями? Дома у вас я ее не нашел.

Он не успел ответить: дверь комнаты открылась, и он сделал мне знак молчать. Это был Рот. Пока он усаживался с нами за стол, Гарри незаметно взял блокнот, лежавший передо мной, и черкнул в нем несколько слов, которые в тот момент я прочесть не мог.

Рот начал с долгих рассуждений о ходе дела и процедурных тонкостях. Завершив наконец свой получасовой монолог, он спросил у Гарри:

– Нет ли каких-то подробностей, о которых вы мне не рассказали? Я должен знать все, это очень важно.

Помолчав, Гарри пристально посмотрел на нас и сказал:

– Действительно, есть одна вещь, о которой вам надо знать. По поводу 30 августа 1975 года. В тот вечер, в тот ужасный вечер, когда Нола пропала, она должна была прийти ко мне...

– Прийти к вам? – переспросил Рот.

– В полиции меня спросили, что я делал вечером 30 августа 1975 года, и я сказал, что меня не было в городе. Я солгал. Это единственный момент, когда я сказал неправду. В ту ночь я находился поблизости от Авроры, в номере мотеля, что стоит на шоссе 1, в направлении Мэна. Мотель “Морской берег”. Он и сейчас там стоит. Я сидел на кровати в номере восемь и ждал, надушенный как подросток, с охапкой голубых гортензий, ее любимых цветов. У нас было назначено свидание в семь вечера, и я помню, как я ждал, а она не приходила. В девять она опаздывала уже на два часа. А она никогда не опаздывала. Никогда. Я положил гортензии в умывальник, чтобы не завяли, включил радио, чтобы отвлечься. Ночь была душная, грозовая, мне было жарко, я задыхался в своем костюме. Я вынул из кармана записку и перечитал ее раз десять, быть может, сто. Записку, которую она написала мне за пару дней до того, несколько слов любви, которые я никогда не смогу забыть:

Не волнуйтесь, Гарри, не волнуйтесь из-за меня, я найду способ добраться туда к Вам. Ждите меня в номере 8, мне нравится эта цифра, она моя любимая. Ждите меня в этом номере в семь вечера. Потом мы уедем отсюда навсегда.

Я Вас так люблю.

Нежно-нежно.

Нола.

Помню, как диктор по радио объявил, что время двадцать два часа. Двадцать два часа, а Нола все нет. В конце концов я растянулся на кровати и уснул, прямо в одежде. Когда я открыл глаза, было уже утро. Радио по-прежнему говорило, шел семичасовой выпуск новостей:

Все силы полиции подняты по тревоге в райо не Авроры после исчезновения накануне вечером, около девятнадцати часов, Нола Келлерган, пятнадцати лет. Полиция разыскивает всех, кто располагает какими-либо сведениями... В момент исчезновения Нола Келлерган была одета в красное платье...

Я в панике скатился с кровати. Поскорее выбросил цветы и немедленно выехал в Аврору, весь растерзанный, с всклокоченными волосами. Номер был оплачен заранее.

Я никогда не видел столько полиции в Авроре. Машины со всех округов. Шоссе было перегорожено кордоном, проверяли все автомобили, въезжающие или выезжающие из города. Я увидел шефа полиции, Гэрета Прагга, с карабином в руке:

– Шеф, я только что услышал по радио...

– Дрянь дело, дрянь, – ответил он.

– Что произошло?

– Никто не знает. Нола Келлерган ушла из дому и пропала. Ее видели вчера вечером недалеко от Сайд-Крик-лейн, и с тех пор о ней ни слуху ни духу. Весь район оцеплен, лес прочесывают.

По радио без конца передавали ее приметы:

Девушка, белая, рост 5 футов 2 дюйма, вес сто фунтов, волосы длинные, светлые, глаза зеленые, одета в красное платье. На шее золотая цепочка с надписью “Нола”.

Красное платье, красное платье, красное платье, повторяло радио. Красное платье было мое любимое. Она надела его для меня. Вот. Вот что я делал ночью 30 августа 1975 года.

Мы с Ротом сидели в полном замешательстве.

– Вы должны были бежать? – переспросил я. – В тот день, когда она пропала, вы должны были бежать вместе?

– Да.

– Так вот почему вы сказали, что это ваша вина, тогда, когда мне звонили? У вас было назначено свидание, она пошла на него и пропала...

Он понуро опустил голову:

– По-моему, если бы не это свидание, она, возможно, была бы жива...

Когда мы вышли из зала, Рот сказал, что эта история с подготовкой к побегу – полная катастрофа, она ни в коем случае не должна просочиться наружу. Если обвинение о ней узнает, Гарри крышка. Мы распрощались на стоянке, и только сев в машину, я открыл свой блокнот и прочел, что написал Гарри:

Маркус, у меня на письменном столе стоит фарфоровый горшок. На самом дне Вы найдете ключ. Это ключ от моей раздевалки в фитнес-клубе Монберри. Шкафчик 201. Все там. Сожгите все. Я в опасности.

Монберри, соседний с Авророй городок, находился милях в десяти в глубь штата. Я заехал в Гусиную бухту, нашел в горшке ключ, спрятанный под скрепками, и тем же вечером отправился туда. В Монберри оказался только один фитнес-клуб – современное, сияющее стеклами здание на главной улице города. В раздевалке никого не было. Я нашел шкафчик 201, ключ подошел. Внутри лежал тренировочный костюм, протеиновые батончики, перчатки для гантелей и та самая деревянная шкатулка, которую я несколько месяцев назад нашел в кабинете Гарри. Все было на месте: фотографии, статьи, записка от Нолы. Еще я обнаружил стопку пожелтевших листов бумаги, скрепленных вместе. Обложка была пустая, без заглавия. Я заглянул дальше: текст был написан от руки, и по первым же строчкам я понял, что передо мной рукопись “Истоков зла”. Рукопись, которую я так долго искал несколько месяцев назад, покоилась в раздевалке фитнес-клуба. Я сел на скамейку и, дрожа от восторга, стал просматривать страницу за страницей: почерк был идеальный, никаких помарок. Вошли какие-то люди, стали переодеваться, но я даже не обратил на них внимания, не в силах оторваться от текста. Мне так хотелось создать шедевр, а Гарри его создал. Сел за столик в кафе и написал эти абсолютно гениальные слова, эти несравненные фразы, тщательно скрывая за ними историю своей любви к Ноле Келлерган.

Возвратившись в Гусиную бухту, я все сделал так, как велел Гарри. Разжег камин в гостиной и бросил туда все содержимое шкатулки: письмо, фотографии, вырезки из газет и, наконец, рукопись. Он написал: “Я в опасности”. Но какую опасность он имел в виду? Огонь вспыхнул с новой силой: письмо Нолы рассыпалось в пепел, фотографии сначала расплавились посередине, а потом исчезли совсем. Рукопись занялась буйным оранжевым пламенем, и ее страницы превратились в груды шлака. Я сидел у камина и смотрел, как исчезает история любви Гарри и Нолы.

Вторник, 3 июня 1975 года

В этот день стояла скверная погода. Вечерело, и пляж был безлюдным. Ни разу с момента приезда в Аврору он не видел такого черного, грозного неба. Ветер терзал океан, вздымавшийся пеной и гневом: собирался дождь. Именно ненастье и выгнало его из дому. Он спустился по деревянной лестнице, ведущей от террасы на пляж, и уселся на песок, положив блокнот на колени. Ручка свободно скользила по бумаге: надвигавшаяся буря несла ему вдохновение, в нем рождались идеи большого романа. За последние недели у него появилось несколько хороших идей для новой книги, но ни одна не воплотилась: не получалось то начало, то конец.

С неба упали первые капли. Сперва редкие, а потом вдруг хлынул ливень. Он хотел было уйти, укрыться от дождя, – но тут увидел ее. Она шла босиком по кромке океана, неся сандалии в руке, и танцевала под дождем, играя с волнами. В изумлении и восторге он застыл на месте: она огибала пенистые языки волн, стараясь не замочить подол платья. На миг зазе-

валась, вода дошла ей до лодыжек; от неожиданности она рассмеялась. Зашла еще чуть-чуть поглубже, кружась, отдаваясь серой безбрежности океана. Словно весь мир принадлежал ей одной. Желтая заколка в форме цветов не давала светлым развевающимся волосам спадать на лицо. С неба низвергались потоки воды.

Она заметила его присутствие метрах в десяти и остановилась как вкопанная; смущенно воскликнула:

– Простите... Я вас не видела.

Он почувствовал, как забилося его сердце.

– Только не извиняйтесь, – ответил он. – Продолжайте. Пожалуйста, продолжайте! В первый раз вижу, чтобы человек так наслаждался дождем.

Она сияла.

– Вы тоже его любите? – спросила она восторженно.

– Что именно?

– Дождь.

– Нет... Я... Честно говоря, я его ненавижу.

Она улыбнулась чудесной улыбкой:

– Как можно ненавидеть дождь? Никогда не видела ничего красивее. Смотрите! Смотрите!

Он поднял голову – вода заструилась по его лицу. Он взглянул на миллионы линий, расчертивших пейзаж, и закружился на месте. Она тоже. Они смеялись, они промокли насквозь. Наконец они укрылись под навесом террасы. Он достал из кармана подмокшую в этом потоке пачку сигарет и закурил.

– Можно одну? – спросила она.

Он протянул ей пачку, она взяла сигарету. Он был покорён.

– Вы писатель, верно?

– Да.

– Из Нью-Йорка...

– Да.

– Я хотела вас спросить: почему вы переехали из Нью-Йорка в эту глухомань?

Он улыбнулся:

– Захотелось сменить обстановку.

– А мне так хочется в Нью-Йорк! Я бы ходила по нему часами, посмотрела бы все спектакли на Бродвее. Представляла бы себя звездой. Звездой в Нью-Йорке...

– Простите, мы знакомы? – прервал ее Гарри.

Она снова засмеялась своим изумительным смехом:

– Нет. Но все знают, кто вы такой. Вы писатель. Добро пожаловать в Аврору. Меня зовут Нола. Нола Келлерган.

– Гарри Квеберт.

– Я знаю. Вас все знают, я же сказала.

Он протянул ей руку, но она оперлась о его плечо и, встав на цыпочки, поцеловала в щеку.

– Мне надо идти. Вы никому не скажете, что я курю?

– Нет, обещаю.

– До свидания, мистер Писатель. Надеюсь, мы еще увидимся.

И она исчезла в струях дождя.

Он был потрясен. Кто эта девушка? Сердце его колотилось. Он стоял на террасе, долго, неподвижно, пока не стало смеркаться. Он не замечал ни ночи, ни дождя. Он спрашивал себя, сколько ей может быть лет. Слишком юная, он это знал. Но она пленила его. Она зажгла огонь в его сердце.

* * *

Звонок Дугласа вернул меня к реальности. Прошло два часа, вечерело. В камине не осталось ничего, только тлели угли.

– Все только о тебе и говорят, – сказал Дуглас. – Никто не понимает, зачем ты сидишь в Нью-Гэмпшире... Все говорят, что ты делаешь самую большую глупость в своей жизни.

– Все знают, что мы с Гарри друзья. Я не могу сидеть сложа руки.

– Но, Марк, тут другое дело. Все эти истории с убийствами, с этой книжкой. По-моему, ты не понимаешь масштабы скандала. Барнаски в бешенстве, подозревает, что тебе нечего ему предъявить, что у тебя нет нового романа. Говорит, что ты просто залег на дно в этом Нью-Гэмпшире. И ведь он прав... Сегодня семнадцатое июня, Марк. Через тринадцать дней истекает срок. Через тринадцать дней тебе конец.

– Блин, ты думаешь, я не знаю? Ты за этим звонишь? Напомнить, в каком я положении?

– Нет, я звоню, потому что, по-моему, у меня идея.

– Идея? Я тебя слушаю.

– Напиши книгу о деле Гарри Квеберта.

– Что? Нет, исключено, я не собираюсь делать себе имя на костях Гарри.

– Что значит *на костях*? Ты сказал, что хочешь его защищать. Докажи, что он невиновен, и напиши обо всем этом книгу. Представляешь, какой будет успех?

– За десять-то дней?

– Я поговорил с Барнаски, чтобы его успокоить...

– Что? Ты...

– Марк, выслушай сначала, а потом вставай на дыбы. Барнаски считает, что это золотое дно! Говорит, что Маркус Гольдман, который пишет о деле Гарри Квеберта, – это пахнет цифрами с семью нулями! Это может стать книгой года. Он готов перезаключить договор. Предлагает все начать с чистого листа: новый договор, который аннулирует предыдущий, и к тому же аванс в полмиллиона долларов. Понимаешь, что это значит?

Понятно, что это значило: написать такую книгу – это снова сделать себе имя. Верный бестселлер, гарантия успеха и куча денег в придачу.

– Зачем Барнаски такое для меня делать?

– Он не для тебя это делает, а для себя. Марк, ты не понимаешь, об этом деле здесь говорят все. Подобная книга – это сенсация века!

– По-моему, у меня не получится. Я разучился писать. И даже не знаю, умел ли когда-нибудь. А вести расследование... На то есть полиция. Я не знаю, как ведут расследование.

Но Дуглас настаивал:

– Марк, такой шанс бывает раз в жизни.

– Я подумаю.

– Если ты говоришь, что подумаешь, значит, думать ты не будешь.

На этой фразе мы оба рассмеялись: он неплохо меня знал.

– Дуг... Как ты думаешь, можно влюбиться в пятнадцатилетнюю девочку?

– Нет.

– Почему ты так уверен?

– Я ни в чем не уверен.

– А что такое любовь?

– Марк, помилуй, мне только философских разговоров сейчас не хватало...

– Но он ее любил, Дуглас! Гарри безумно влюбился в эту девочку. Он мне сегодня в тюрьме рассказывал: он сидел на пляже, перед домом, увидел ее и влюбился. Почему в нее, а не в кого-то другого?

– Марк, я не знаю. Но мне интересно знать, что тебя так связывает с Квебертом.

– Великолепный, – ответил я.

– Кто?

– Великолепный. Молодой человек, которому не удавалось двигаться по жизни. Пока он не встретил Гарри. Это Гарри научил меня, как стать писателем. Это он научил меня, как важно уметь падать.

– Что ты несешь, Марк? Ты что, пьян? Ты писатель, потому что у тебя талант.

– Нет, именно что нет. Писателем не рождаются, писателем становятся.

– И это случилось в Берроузе в 1998-м?

– Да. Он передал мне все, что знал сам... Я всем ему обязан.

– Расскажи, если хочешь?

– Ладно.

В тот вечер я рассказал Дугласу историю, связывавшую меня с Гарри. Повесив трубку, я спустился на пляж; хотелось свежего воздуха. В сумерках угадывались тяжелые тучи, плотно закрывшие небо: было душно, надвигалась гроза. Внезапно поднялся ветер, и верхушки деревьев заплясали в бешеном танце; сама природа словно возвещала конец великого Гарри Квеберта.

Домой я вернулся совсем поздно. А подойдя к входной двери, обнаружил записку, оставленную кем-то в мое отсутствие. Простой конверт, без адреса; внутри лежал листок с одной фразой, напечатанной на компьютере:

Возвращайся домой, Гольдман.

28. Как важно уметь падать (Университет Берроуза, Массачусетс, 1998–2002)

– Гарри, если бы из всех ваших уроков надо было оставить только один, который это будет?

– А вы как думаете?

– Для меня это будет *как важно уметь падать*.

– Согласен. Жизнь – это долгое падение, Маркус. Главное – уметь падать.

1998 год был не только годом великих ледяных ливней, которые парализовали север Соединенных Штатов и часть Канады и оставили миллионы несчастных на много дней без света, но и годом моей встречи с Гарри. В ту осень, окончив Фелтон, я прибыл в кампус Берроуза, пеструю смесь сборных домиков и викторианских построек в окружении обширных, великолепно ухоженных газонов. Меня поселили в симпатичной комнате в восточном крыле дортуаров; соседом моим оказался милый очкарик из Айдахо по имени Джаред, тщедушный и чернокожий, который вырос под родительским крылышком и теперь, явно перепуганный внезапно обретенной свободой, все время спрашивал, имеет ли он *право*. “Я имею право выйти купить себе колы? Я имею право вернуться в кампус после десяти часов вечера? Я имею право хранить в комнате продукты? Я имею право не ходить на лекцию, если заболел?” Я отвечал, что с тех пор, как приняли 13-ю поправку и отменили рабство, он имеет право делать все, что хочет, и он сиял от счастья.

У Джареда были две мании: повторять пройденное и звонить матери, чтобы сказать, что у него все хорошо. У меня была только одна: стать знаменитым писателем. Я все время писал рассказы для университетского журнала, но там их печатали через раз и на самых последних страницах – вкладках с рекламой никому не интересных местных предприятий: “Типография Лукаса”, “Форстер, вывоз мусора”, “Парикмахерская Франсуа” или какой-нибудь магазин “Цветы Джулии Ху”. Такое положение дел казалось мне совершенно возмутительным и несправедливым. По правде говоря, в университете мне пришлось столкнуться с весьма суровым соперником в лице Доминика Рейнхарца, студента-третьекурсника, обладавшего исключительным писательским талантом: по сравнению с ним я выглядел бледно. В журнале ему всегда отводили почетное место, и после выхода каждого номера я обнаруживал в библиотеке восторженные комментарии студентов по его поводу. Единственным моим верным почитателем был Джаред: он жадно читал мои рассказы, едва они вылезали из принтера, а затем перечитывал еще раз, уже в журнале. Я всегда дарил ему экземпляр, но он непременно шел в редакцию журнала и платил за него положенные два доллара, достававшиеся ему тяжким трудом: по выходным он работал в университете уборщиком. По-моему, его восхищение мною не знало границ. Он нередко говорил: “Ты же такой крутой, Маркус... Что ты торчишь в этом заштатном Берроузе, а?” Однажды вечером, теплым бабьим летом, мы пошли поваляться на газоне кампуса, попить пива и посмотреть на звезды. Джаред для начала спросил, имеем ли мы право распивать пиво в пределах кампуса, потом – имеем ли мы право лежать на газоне ночью, а потом заметил падающую звезду и закричал:

– Загадывай желание, Маркус! Загадывай желание!

– Я загадал, чтобы мы с тобой достигли в жизни успеха, – сказал я. – Ты чем хочешь заняться в жизни, Джаред?

– Я бы хотел стать просто приличным человеком, Марк. А ты?

– А я хочу стать величайшим писателем. Чтобы везде продавались миллионы и миллионы моих книжек.

Он смотрел на меня во все глаза: я видел, как его белки сверкают в темноте, словно две луны.

– У тебя точно получится, Марк. Ты такой крутой чувак!

А я сказал себе, что падающая звезда – это звезда, которая могла быть прекрасной, но побоялась светить и сбежала куда подальше. Вроде меня.

По четвергам мы с Джаредом непременно шли на лекцию главной университетской знаменитости – писателя Гарри Квеберта. Он производил сильное впечатление: личность харизматическая, незаурядный педагог, обожаемый студентами и уважаемый коллегами. Именно он делал погоду в Берроузе; к его мнению прислушивались не только потому, что он был Гарри Квеберт, ТОТ САМЫЙ Гарри Квеберт, лучшее перо Америки, но и потому, что он внушал почтение своей статной фигурой, врожденным изяществом, теплым и в то же время звучным голосом. Когда он шел по коридорам университета или по аллеям кампуса, все оборачивались, чтобы поздороваться с ним. Он пользовался огромной популярностью: все без исключения студенты были благодарны ему за то, что он отдает свое время такому маленькому университету, – ведь ему достаточно позвонить, и его возьмут на любую престижнейшую кафедру страны. К тому же он единственный из преподавателей читал свои лекции в большой поточной аудитории, где обычно проходили церемонии вручения дипломов и театральные спектакли.

1998 год был еще и годом дела Левински. Годом президентского минета, когда вся Америка с ужасом обнаружила, что разврат проник на высшие этажи власти, и видела, как наш уважаемый президент Клинтон вынужден каяться перед всей нацией из-за того, что услужливая стажерка полизала ему причиндалы. Как и положено клубничке, дело было у всех на устах: в университетском городке только об этом и говорили, и все мы с напускным сочувствием задавались вопросом, что же теперь будет с нашим славным президентом.

Однажды в четверг, в конце октября, Гарри Квеберт начал свою лекцию так:

– Дамы и господа, всех нас очень волнует то, что сейчас происходит в Вашингтоне, верно? Дело Левински... Представьте себе, за всю историю Соединенных Штатов Америки со времен Джорджа Вашингтона отмечены лишь две причины для досрочного прекращения президентских полномочий: либо какая-нибудь выдающаяся мерзость, как у Ричарда Никсона, либо смерть. До сих пор девять президентов досрочно покинули свой пост по одной из этих двух причин: Никсон подал в отставку, а остальные восемь умерли, причем половина из них были убиты. Но теперь к этому списку может добавиться третья причина – фелляция. Оральный секс, минет, отсос. И все спрашивают себя, может ли наш могучий президент оставаться нашим могучим президентом со спущенными штанами. Вот что страстно интересует Америку: истории про секс, истории про мораль. Америка – это пиписькин рай. Вот увидите, пройдет несколько лет, и никто не вспомнит, что Клинтон поднял нашу развалившуюся экономику, грамотно управлялся с республиканским большинством в сенате или заставил Рабина и Арафата пожать друг другу руки. Зато все будут помнить про дело Левински, ибо минеты, дамы и господа, навсегда врезаются в память. Ну да, наш президент любит, чтобы ему время от времени откачивали шишку. И что? Он безусловно не одинок. Кто из вас тоже это любит?

Гарри замолчал и обвел глазами аудиторию. Повисла долгая пауза: большинство студентов созерцали свои ботинки. Джаред, сидевший рядом со мной, даже зажмурился, чтобы не встретиться с ним глазами. А я – я поднял руку. Я сидел в задних рядах, и Гарри, указывая на меня пальцем, провозгласил:

– Встаньте, мой юный друг. Встаньте, чтобы все вас видели, и поделитесь с нами своими мыслями.

Я встал на стул и гордо выпрямился.

– Я очень люблю минеты, профессор. Мое имя Маркус Гольдман, и мне нравится, когда меня сосут. Как нашему славному президенту.

Гарри сдвинул на кончик носа очки для чтения и взглянул на меня с интересом. Позже он признавался: “Когда я увидел вас в тот день, Маркус, увидел гордого, крепкого юношу, стоящего на стуле, я подумал: черт, какой крутой чувак”. Но тогда он просто спросил:

– Скажите, молодой человек: вы любите давать сосать мальчикам или девочкам?

– Девочкам, профессор Квеберт. Я примерный гетеросексуал и примерный американец. Благослови Бог нашего президента, секс и Америку!

Ошарашенная аудитория разразилась хохотом и аплодисментами. Гарри был в восторге. Он заявил, обращаясь к моим товарищам:

– Видите, теперь уже никто не будет относиться к бедному мальчику по-прежнему. Все станут говорить: а, это тот поганец, который любит сосалки. Плевать на его таланты, плевать на его достоинства, он так навсегда и останется мистером Минетом. (Он снова повернулся ко мне.) А теперь, мистер Минет, не сообщите ли вы нам, почему вы пустились в подобные признания, когда у ваших товарищей хватило такта промолчать?

– Потому, профессор Квеберт, что в пиписькином раю секс может вас погубить, а может и вознести на вершину. А теперь, когда все взоры прикованы ко мне, я имею счастье вам сообщить, что пишу отличные рассказы и что их печатают в университетском журнале, номера которого можно будет купить всего за пять долларов по окончании лекции у выхода из аудитории.

После лекции Гарри подошел ко мне. Студенты расхватили весь мой запас экземпляров журнала; он купил последний.

– Сколько вы продали? – спросил он.

– Все, что было, пятьдесят экземпляров. И мне заказали еще сотню, с предоплатой. Я платил за них по два доллара, а перепродал по пять. То есть заработал четыреста пятьдесят долларов. Не говоря уж о том, что один из членов редколлегии журнала только что предложил мне стать его главным редактором. Он говорит, что я сделал журналу невероятную рекламу и что он в жизни не видел ничего подобного. Ах да, чуть не забыл: добрый десяток девиц оставили мне свой номер телефона. Вы правы, мы живем в пиписькином раю. И каждому из нас остается только с умом этим пользоваться.

Он улыбнулся и протянул мне руку:

– Гарри Квеберт.

– Я знаю, кто вы. А я Маркус Гольдман. Я мечтаю стать великим писателем, как вы. Надеюсь, мой рассказ вам понравится.

Мы обменялись крепким рукопожатием, и он сказал:

– Дорогой Маркус, вы, без сомнения, далеко пойдете.

Честно говоря, в тот день я пошел не слишком далеко: меня вызвал в свой кабинет декан, Дастин Пергол; он был вне себя от гнева.

– Молодой человек, – сердито спросил он своим гнусавым голосом, вцепившись в подлокотники кресла. – Правда ли, что вы сегодня перед всей аудиторией позволили себе высказывания порнографического характера?

– Порнографического? Нет.

– Не вы ли в присутствии трехсот своих товарищей превозносили оральный секс?

– Да, действительно. Я говорил о минете.

Он воздел глаза к небу.

– Мистер Гольдман, признаете ли вы, что употребили в одной фразе слова “Бог”, “благословлять”, “секс”, “гетеросексуал”, “гомосексуалист” и “Америка”?

– Не помню дословно, но да, что-то такое было.

Он спросил – медленно, членораздельно, пытаясь сохранять спокойствие:

– Мистер Гольдман, не могли бы вы объяснить, в какой непристойной фразе могут содержаться сразу все эти слова?

– О, не волнуйтесь, господин декан, никаких непристойностей там не было. Просто благословение – Бога, Америки и секса во всех его проявлениях. Спереди, сзади, слева, справа и во всех направлениях, если вы понимаете, что я имею в виду. Видите ли, мы, американцы, обожаем благословлять, такой уж мы народ. Культура такая. Всякий раз, как мы довольны, мы благословляем.

Он снова воздел очи горе.

– Правда ли, что затем вы самовольно торговали университетским журналом у выхода из аудитории?

– Совершенно верно, господин декан. Но к этому меня вынудили чрезвычайные обстоятельства, я вам с удовольствием все объясню. Видите ли, я много работаю, пишу рассказы для журнала, но редакция печатает их на худших страницах. Так что мне нужна была небольшая реклама, иначе меня никто не читает. Зачем писать, если никто тебя не читает?

– Это рассказ порнографического характера?

– Нет, господин декан.

– Я бы хотел взглянуть.

– Пожалуйста. Пять долларов номер.

Пергол взорвался:

– Мистер Гольдман! Вы, кажется, не понимаете всей серьезности положения! Ваши слова оскорбили всех! Мне поступили жалобы от студентов! Ситуация крайне неприятная – для вас, для меня, для всех. Вы якобы заявили (он взглянул на лежавший перед ним листок): “Я люблю минеты... Я примерный гетеросексуал и примерный американец. Благослови Бог нашего президента, секс и Америку”. Это что за клоунада, черт побери?

– Это всего лишь правда, господин декан: я примерный гетеросексуал и примерный американец.

– Я не желаю ничего знать! Ваша сексуальная ориентация никого не интересует, мистер Гольдман! А мерзости, которые вы творите у себя между ног, ваших товарищей нисколько не касаются!

– Но я всего лишь отвечал на вопросы профессора Квеберта.

От этой фразы Пергол потерял дар речи.

– Что... Что вы такое говорите? Вопросы профессора Квеберта?

– Да, он спросил, кто любит давать сосать, а поскольку я поднял руку, потому что, по моему, невежливо не отвечать, когда тебе задают вопрос, он спросил, предпочитаю ли я давать сосать мальчикам или девочкам. Вот и все.

– Профессор Квеберт спросил, предпочитаете ли вы давать...

– Именно так. Понимаете, господин декан, во всем виноват президент Клинтон. Все хотят делать то же, что делает президент.

Пергол встал и, порывшись среди подвесных папок, достал какое-то дело. Потом сел обратно за стол и посмотрел мне прямо в глаза.

– Кто вы такой, мистер Гольдман? Расскажите немного о себе. Интересно знать, откуда вы взялись.

Я рассказал, что родился в Монтклере, штат Нью-Джерси; мать – продавщица в универсаме, отец – инженер. Средний класс, хорошая американская семья. Единственный сын. Безоблачное детство и отрочество, несмотря на уровень интеллекта выше среднего. Фелтоновская школа. Великолепный. Болельщик “Джайентс”. Брекеты в четырнадцать лет. Каникулы у тетки в Огайо, бабушка с дедушкой во Флориде – из-за солнца и апельсинов. Все более чем нормально: никаких аллергий, никаких особенных болезней. В возрасте восьми лет – пищевое отравление цыпленком в летнем лагере скаутов. Любит собак, не любит кошек. Занятия

спортом: лакросс, бег, бокс. Цель жизни – стать знаменитым писателем. Не курит, потому что от этого бывает рак легких и скверный запах по утрам. Пьет в меру. Любимое блюдо – стейк и макароны с сыром. Эпизодически потреблял морепродукты, преимущественно в ресторане “Джоз Стоун Крэб”, во Флориде, хотя мама говорит, что это приносит несчастье по причине нашей *религиозной принадлежности*.

Пергол выслушал мою биографию не моргнув глазом и, когда я умолк, сказал:

– Мистер Гольдман, может, хватит уже байки травить? Я ознакомился с вашим делом. Я кое-кому позвонил, говорил с директором вашей школы. Он сказал, что вы были незаурядным учеником и могли бы записаться в лучшие университеты. Так скажите мне: что вы здесь делаете?

– Простите, господин декан?

– Мистер Гольдман, кто же предпочтет Берроуз Гарварду или Йеллоу?

Триумф в поточной аудитории полностью перевернул мою жизнь, хоть и едва не стоил мне места в Берроузе. Пергол, завершая нашу беседу, сказал, что ему надо подумать над моей дальнейшей участью, и в конечном итоге дело обошлось без последствий. Только годы спустя я узнал: Пергол, полагая, что студент, однажды создавший проблему, будет создавать их всегда, хотел меня отчислить, и в Берроузе я смог остаться лишь по настоянию Гарри.

На следующий день после этого достопамятного эпизода мне единогласно вручили бразды правления университетским журналом, дабы я придал ему новую динамику. Как истинно Великолепный, я решил, что новую динамику ему можно придать, прекратив печатать тексты Рейнхарца и украшая обложку каждого номера самим собой. Потом, в понедельник, я случайно встретил Гарри в зале для бокса, который прилежно посещал с самого приезда. Зато его я там видел в первый раз. Обычно народу в зале почти не было: в Берроузе боксировать не любили. Кроме меня, регулярно туда ходил только Джаред, которого мне удалось уговорить проводить со мной несколько раундов каждый второй понедельник – мне нужен был партнер, желательным очень слабым, чтобы быть уверенным в победе. Так что два раза в месяц я делал из него котлету, и не без удовольствия: приятно было снова и снова чувствовать себя Великолепным.

В тот понедельник, когда в зале появился Гарри, я отрабатывал перед зеркалом боевую стойку. В спортивном костюме он выглядел не менее элегантно, чем в своих двубортных пиджаках. Входя, он издали поздоровался со мной и сказал только: “Не знал, что вы тоже любите бокс, мистер Гольдман”; потом стал работать с мешком в углу зала. У него был отличный удар, двигался он проворно и стремительно. Мне страшно хотелось с ним поговорить, рассказать, как после лекции меня вызывал Пергол, поболтать о минетах и свободе слова, сказать, что я теперь главный редактор университетского журнала и как я им восхищаюсь. Но я был слишком взволнован и не решился к нему подойти.

В следующий понедельник он снова пришел и присутствовал при традиционном избивании Джареда. Стоя у края ринга, он с интересом наблюдал, как я безжалостно и по всем правилам лупцую товарища, а после боя сказал, что я неплохой боксер, что самому ему хочется снова серьезно заняться спортом, дабы не потерять форму, и что мои советы приветствуются. Ему было за пятьдесят, но под широкой майкой угадывалось крепкое, сильное тело; он умело бил по груше, имел хорошую устойчивость, сохранил стойку, все рефлексии и чуть замедленную, но уверенную работу ног. Я предложил ему для начала немного потренироваться с мешком, и за этим занятием мы провели весь вечер.

Он приходил и через понедельник, и потом. А я стал в каком-то смысле его личным тренером. Вот так, на тренировках, мы с Гарри и начали сближаться. Нередко после занятий мы садились рядом на деревянную скамейку в раздевалке, обсохнуть и немного поболтать. Несколько недель спустя настал момент, которого я боялся: Гарри захотелось подняться на

ринг и провести со мной три раунда. Естественно, я не осмелился его бить, зато он с удовольствием отвесил мне несколько весьма увесистых ударов в челюсть и несколько раз послал в нокаунт. Он смеялся, говорил, что не делал этого много лет и уже забыл, как это здорово. Разделав меня буквально под орех и обозвав хлюпиком, он предложил пойти поужинать. Я повел его в студенческую столовку на оживленной улице Берроуза, и мы, поглощая сочащиеся жиром гамбургеры, поговорили о книгах и писательском ремесле.

– Вы хороший студент, – сказал он, – знаете, что к чему.

– Спасибо. Вы прочли мой рассказ?

– Пока нет.

– Мне бы очень хотелось знать, что вы о нем думаете.

– Ладно, друг, если это доставит вам удовольствие, обещаю, что погляжу и скажу свое мнение.

– Только без всяких побряжек.

– Договорились.

Он назвал меня “друг”, и я был вне себя от восторга. В тот же вечер я позвонил родителям и сообщил, что всего через несколько месяцев после поступления в университет уже ужинаю с великим Гарри Квебертом. Моя мать чуть не сошла с ума от счастья и обзвонила половину Нью-Джерси, хвастаясь, что ее чудо-Маркус, Маркус Великолепный, уже возвращается в высших литературных кругах. Маркус скоро станет великим писателем, это уж будьте благонадежны.

Ужин после бокса вскоре стал частью нашего понедельничного вечернего ритуала, помешать которому не могли никакие обстоятельства. Я, как никогда, чувствовал себя Великолепным: ведь я состоял в особых отношениях с Гарри Квебертом, и отныне по четвергам, когда я брал слово на его лекциях, он называл меня “Маркус”, тогда как остальным студентам приходилось довольствоваться заурядным “мистер” или “мисс”.

Спустя несколько месяцев – должно быть, в январе или феврале, вскоре после рождественских каникул, – во время очередного понедельничного ужина я снова пристал к Гарри с вопросом, как ему понравился мой рассказ: до сих пор он так ни разу о нем и не заговорил. Поколебавшись, он спросил:

– Вы действительно хотите знать, Маркус?

– Непременно. И критикуйте, пожалуйста. Я здесь, чтобы учиться.

– Вы хорошо пишете. У вас огромный талант.

Я покраснел от удовольствия и в нетерпении воскликнул:

– А еще?

– Вы, бесспорно, очень одаренный человек.

Я был на седьмом небе.

– Но мне надо что-то улучшить, как вы считаете?

– О, безусловно. Знаете, у вас большой потенциал, но, по сути, все, что я прочел, – плохо. Очень плохо, если честно. Вообще никуда не годится. Кстати, это относится и ко всем остальным текстам, которые я видел в университетском журнале. Вырубать деревья ради того, чтобы печатать такую пачкотню, – преступление. На всех скверных писак в этой стране лесов не напаешься. Надо сделать над собой усилие.

Кровь застыла у меня в жилах. Меня словно огрели дубиной по голове. Выходило так, что Гарри Квеберт, первостатейный писатель, – еще и первостатейная сволочь.

– Вы всегда такой? – резко спросил я.

Он усмехнулся, глядя на меня с вальяжным видом и явно наслаждаясь моментом:

– Какой такой?

– Несносный.

Он расхохотался:

– Слушайте, Маркус, я ведь точно знаю, что вы такое: первачок с претензиями, полагающий, будто Монтклер – это центр мироздания. Вроде как европейцы в Средние века, покуда не сели на корабль и не обнаружили, что большинство цивилизаций по ту сторону океана куда более развиты, чем их собственная, – что они и пытались скрыть, устраивая побоище за побойщем. Я что хочу сказать, Маркус: вы потрясающий парень, но если не будете шевелить задницей, то, скорее всего, погаснете. У вас хорошие тексты. Но переделывать надо все: стиль, фразы, понятия, идеи. Вам надо взглянуть на себя со стороны и гораздо больше трудиться. Ваша проблема в том, что вы очень мало работаете. Довольствуетесь тем, что есть, лепите слова одно к другому без особого разбора, и это чувствуется. Думаете, вы гений, а? Ошибаетесь. Ваша работа – халтура, а значит, никуда не годится. Все надо делать заново. Понимаете?

– Не совсем...

Я просто кипел от гнева: да как он смеет, будь он хоть сто раз Квеберт? Как он смеет так обращаться с человеком, получившим прозвище Великолепный? А Гарри продолжал:

– Приведу очень простой пример. Вы хороший боксер. Это факт. Вы умеете драться. Но смотрите сами: вы меряетесь силами с одним этим несчастным заморышем и лупите его почему зря с таким самодовольным видом, что меня тошнит. Деретесь только с ним, потому что уверены в своем превосходстве. А значит, вы слабак, Маркус. Жалкий трус. Дристу. Ничтожество, барахло, фуфло, дешевка. Только и можете, что пускать пыль в глаза. И что всего хуже, вас это абсолютно устраивает. Померяйтесь силами с настоящим противником! Наберитесь храбрости! Бокс никогда не врет, ринг – лучший способ узнать, кто чего стоит: либо ты отметишь, либо тебя отметят, но обмануть нельзя, ни себя, ни других. А вы так и норовите улизнуть. Знаете, кто вы? Вы самозванец. Знаете, почему журнал печатал ваши рассказы в самом конце? Потому что они плохие. Вот и все. А почему рассказы Рейнхарца были в таком почете? Потому что они отличные. Это могло вызвать у вас желание превзойти самого себя, трудиться с утра до ночи и написать потрясающий текст, но ведь куда как проще совершить небольшой государственный переворот, убрать Рейнхарца и печататься самому, вместо того чтобы себя изменить. Дайте-ка угадаю, Маркус, вы ведь всю жизнь вели себя так? Или я не прав?

Вне себя от бешенства, я воскликнул:

– Ничего вы не знаете, Гарри! В школе меня очень ценили! Я был Великолепным!

– Да посмотрите вы на себя, Маркус, вы же не умеете падать! Бойтесь падать! И по этой самой причине, если так пойдет и дальше, вы скоро превратитесь в никому не интересную пустышку. Как можно жить, если не умеешь падать? Черт возьми, взгляните на себя и ответьте честно самому себе, какого хрена вы торчите в Берроузе! Я читал ваше дело! Говорил с Перголом! Еще чуть-чуть – и он вышвырнул бы вас за дверь, гениальный мальчик! Вы могли учиться в Гарварде, в Йеле, во всей Лиге ядовитого плюща¹, если б захотели, так нет же, вам надо было забраться сюда, потому что Господь наш Иисус дал вам такие малюсенькие яйца, что вам слабо мериться силами с настоящими соперниками. Я и в Фелтон звонил, говорил с бедным директором, совершеннейшим простофилей, он мне рассказывал о Великолепном и чуть не плакал от умиления. Вы знали, когда ехали сюда, Маркус, что здесь вы будете тем непобедимым персонажем, которого состряпали на пустом месте и который на самом деле бессилен перед настоящей жизнью. Вы заранее знали, что здесь вам не грозит опасность упасть. Думаю, это и есть ваша проблема: вы еще не поняли, как важно уметь падать. И если вы не опомнитесь, то пропадете, именно из-за этого.

С этими словами он написал на салфетке какой-то адрес в Лоуэлле, Массачусетс, в часе езды отсюда, и сказал, что это боксерский клуб, где каждый четверг вечером устраивают бои для всех. После чего удалился, предоставив мне оплатить счет.

¹ «Лига ядовитого плюща» (*Poison Ivy League*) – название песни Элвиса Пресли (1964); «Лига плюща» – ассоциация восьми лучших частных университетов на северо-востоке США. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, – прим. перев.)

В понедельник Квеберта в зале для бокса не оказалось, и через понедельник тоже. В аудитории он называл меня “мистер” и держался высокомерно. В конце концов я решил подойти к нему после лекции.

– Вы больше не ходите на бокс?

– Маркус, я вас очень люблю, но я уже вам сказал: по-моему, вы просто мелкий нытик с претензиями, а у меня слишком мало времени, чтобы тратить его на вас. Вам не место в Берроузе, и мне в вашем обществе делать нечего.

В следующий четверг я взял у Джареда машину и, кипя от бешенства, отправился в указанный Гарри клуб. Это оказался огромный сарай в промышленной зоне. Жуткое место, набитое людьми и провонявшее потом и кровью. На центральном ринге бушевал на редкость свирепый бой; множество зрителей, столпившихся у самых канатов, издавали зверские вопли. Мне было страшно, хотелось сбежать, признать себя побежденным, но я не успел: передо мной нарисовался громадный негр – как я потом узнал, владелец зала: “Боксировать пришел, *whitey*?” Я ответил “да”, и он послал меня переодеваться. Спустя четверть часа я стоял на ринге напротив него: бой, два раунда.

Никогда в жизни не забуду, как он мордовал меня в тот вечер; я думал, что умру. Меня буквально размазали под дикое улюлюканье зала, в восторге следившего, как милый желторотый студентик из Монкклера огребает по морде. Несмотря на свое состояние, я почел делом чести продержаться до конца основного времени – вопрос самолюбия, – и, дождавшись финального гонга, рухнул на землю: нокаут. Когда я снова открыл глаза, совершенно оглоушенный, но, благодарение богу, живой, надо мной склонился Гарри с мокрой губкой в руке.

– Гарри? Что вы здесь делаете?

Он бережно промокнул мне лицо. Он улыбался.

– Милый мой Маркус, у вас просто железные яйца: этот тип фунтов на шестьдесят тяжелее вас... Это был великолепный бой. Я очень вами горжусь...

Я попытался было встать, но он не позволил:

– Ну-ка, не прыгайте, по-моему, у вас сломан нос. Вы отличный парень, Маркус. Я догадывался, но вы мне доказали. Приняв этот бой, вы доказали, что я не зря возлагаю на вас надежды со дня нашей первой встречи. Вы показали, что способны преодолеть и превзойти самого себя. Теперь мы можем стать друзьями. Я хотел сказать вам вот что: вы самый незаурядный человек, который встретился мне за последние годы, и, вне всякого сомнения, станете великим писателем. Я вам помогу.

* * *

В общем, настоящая наша дружба началась после достопамятного мордобоя в Лоуэлле; Гарри Квеберт, в дневное время профессор литературы, стал для меня просто Гарри, партнером по боксу по понедельникам, другом и наставником в те выходные, когда он по вечерам учил меня, как стать писателем. Последнее происходило, как правило, по субботам. Мы встречались в кафешке неподалеку от кампуса и располагались за большим столом, где можно было разложить книги и исписанные листы. Он перечитывал мои тексты и давал советы, заставлял вновь и вновь начинать сначала, заново обдумывать фразы.

– Текст хорошим не бывает, – говорил он. – Просто есть момент, когда он не так плох, как раньше.

В промежутке между нашими встречами я часами просиживал в комнате, раз за разом перерабатывая свои тексты. Я, всегда порхавший по жизни в свое удовольствие, всегда умевший всех обмануть, налетел на преграду – но на какую преграду! На Гарри Квеберта собственной персоной, первого и единственного человека, сумевшего столкнуть меня с самим собой.

Гарри не только учил меня писать – он научил меня восприимчивости. Он водил меня в театр, на выставки, в кино. И еще в бостонский Симфони-Холл; говорил, что от хорошего оперного пения может расплакаться. Он считал, что мы с ним очень похожи, и нередко рассказывал о своей прошлой писательской жизни. Писательство, по его словам, изменило всю его жизнь, и случилось это в середине семидесятых. Помню, однажды мы с ним отправились в Тинейдридж послушать хор пенсионеров, и он поделился со мной очень давними воспоминаниями. Он родился в 1941 году в Бентоне, в Нью-Джерси; мать – секретарша, отец – врач, других детей в семье не было. Думаю, детство у него было совершенно безоблачное, и о юных его годах рассказывать особенно нечего. На мой взгляд, история его жизни началась в конце шестидесятых, когда он, окончив филологический факультет Нью-Йоркского университета, нашел место учителя литературы в Куинсе. Но скоро почувствовал, что в школьном классе ему тесно; в нем всегда жила одна-единственная мечта – писать. В 1972 году вышел его первый роман, на который он возлагал большие надежды, но который имел успех в очень узких кругах. Тогда он решил перейти на новый этап. “Однажды, – вспоминал он, – я решился: сказал себе, что пора написать сногшибательную книжку, забрал из банка все свои сбережения и стал искать дом на побережье, чтобы несколько месяцев пожить спокойно и поработать без помех. Дом я нашел, в Авроре, и сразу понял: это то, что надо. В конце мая 1975 года я уехал из Нью-Йорка и перебрался в Нью-Гэмпшир, да здесь и остался. Потому что в то лето я написал книгу, открывшую передо мной врата славы: да-да, Маркус, в тот год, в Авроре, я написал “Истоки зла”. На гонорар за книгу я выкупил дом и до сих пор в нем живу. Вот увидите, это потрясающее место, приезжайте ко мне при случае...”

Первый раз я приехал в Аврору на рождественских каникулах, в начале января 2000 года. К тому моменту мы с Гарри были знакомы около полутора лет. Помню, я привез бутылку вина для него и цветы для его жены. При виде громадного букета Гарри как-то странно посмотрел на меня и сказал:

- Цветы? Это уже интересно, Маркус. Вы собрались признаваться мне в любви?
- Это для вашей жены.
- Моей жены? Но я не женат.

Только тогда я понял, что во время наших встреч мы ни разу не говорили о его личной жизни: миссис Гарри Квеберт не существовало. Родных Гарри Квеберта тоже. Был только сам Квеберт. Один. Квеберт, подылавший со скуки настолько, что подружился с одним из своих студентов. Понял я это прежде всего по холодильнику. Сразу после моего приезда мы расположились в великолепной гостиной, стены которой были сплошь покрыты деревянными панелями и книжными полками, и Гарри спросил, не хочу ли я чего-нибудь выпить.

- Лимонаду?
- С удовольствием.
- Там в холодильнике стоит кувшинчик, специально для вас. Налейте себе и принесите мне тоже большой стакан, спасибо.

Я пошел на кухню и, открыв холодильник, обнаружил, что он пуст: внутри был один несчастный кувшин с лимонадом – тщательно приготовленным, со льдом в форме звездочек, лимонной цедрой и листиками мяты. Холодильник одинокого человека.

- Гарри, у вас в холодильнике ничего нет, – сказал я, вернувшись в гостиную.
- О, сейчас схожу в магазин. Простите, я не привык принимать гостей.
- Вы один здесь живете?
- Естественно. С кем же мне тут жить?
- Я имею в виду, у вас нет семьи?
- Нет.
- Ни жены, ни детей?
- Никого.

– И подружки?

Он грустно улыбнулся:

– И подружки нет. Никого.

В тот первый приезд в Аврору я осознал, что сложившийся у меня образ Гарри односторонен: его громадный дом на побережье океана был абсолютно пустым. Гарри Л. Квеберт, звезда американской литературы, почтенный, обожаемый студентами профессор, обаятельный, харизматичный, элегантный, спортивный, неприкасаемый, возвращаясь к себе, в маленький городок Нью-Гэмпшира, становился просто Гарри. Зажатым, иногда чуть грустным мужчиной, любящим долгие прогулки по пляжу, прямо у себя под домом, и считавшим своим священным долгом кормить чаек сухим хлебом, который он хранил в жестяной коробке с выбитой на ней надписью “На память о Рокленде, Мэн”. И я спрашивал себя, что же могло случиться в жизни этого мужчины, если таков ее конец.

Меня бы не так волновало одиночество Гарри, если бы наша дружба не породила неизбежные слухи. Остальные студенты, заметив, что у меня с Гарри особые отношения, намекали, что мы с ним голубые. В конце концов мне надоели подковырки товарищей, и в одно субботнее утро я спросил его напрямую:

– Гарри, почему вы всегда один?

Он опустил голову; глаза его заблестели.

– Вы пытаетесь завести разговор о любви, Маркус, но любовь – сложная штука. Очень сложная. Самое потрясающее и одновременно худшее, что может с вами случиться. Когда-нибудь вы сами поймете. Любовь может сделать вам очень больно. Из-за этого не надо бояться падать, и тем более влюбляться, потому что любовь – это прекрасно, но, как все прекрасное, она ослепляет, и у вас болят глаза. Вот почему потом часто плачут.

С того дня я стал регулярно навещать Гарри в Авроре. Иногда приезжал из Берроуза на день, иногда оставался ночевать. Гарри учил меня, как стать писателем, а я, как мог, старался скрасить его одиночество. Все последующие годы, пока продолжалась моя учеба в университете, я видел в Берроузе Гарри Квеберта, писателя-звезду, и общался в Авроре с просто-Гарри, одиноким мужчиной.

Летом 2002-го, отучившись четыре года в Берроузе, я получил свой диплом по литературе. После церемонии вручения дипломов в поточной аудитории, где я произнес положенную речь лучшего в выпуске, а мои родители и друзья, приехавшие из Монтклера, с волнением убедились, что я по-прежнему Великолепный, мы с Гарри прошли по кампусу. Мы бродили под высокими платанами и случайно оказались у зала для бокса. Погода была замечательная, сияло солнце. Мы совершили последнее паломничество к рингам и мешкам.

– Вот здесь все и началось, – произнес Гарри. – Что вы будете теперь делать?

– Вернусь в Нью-Йорк. Напишу книгу. Стану писателем. Таким, как вы учили. Напишу великий роман.

Он улыбнулся:

– Великий роман? Погодите, Маркус, у вас вся жизнь впереди. Вы будете иногда сюда заезжать, да?

– Конечно.

– В Авроре для вас всегда найдется место.

– Я знаю, Гарри. Спасибо.

Он посмотрел на меня и положил руки мне на плечи.

– Годы прошли с момента нашей встречи. Вы очень изменились; стали мужчиной. Мне не терпится прочесть ваш первый роман.

Мы долго смотрели друг другу в глаза, а потом он спросил:

– Если честно, Маркус, почему вы хотите писать?

– Понятия не имею.

– Это не ответ. Почему вы пишете?

– Потому что у меня это в крови... Потому что, когда я утром просыпаюсь, это первое, о чем я думаю. Больше я ничего не могу сказать. А вы, Гарри, почему вы стали писателем?

– Потому что это придало смысл моей жизни. Если вы еще не заметили, жизнь вообще-то – штука бессмысленная. Разве что вы сами постараетесь вложить в нее смысл и будете биться что есть мочи каждый день, чтобы достичь этой цели. Вы талантливы, Маркус; придайте смысл вашей жизни, и пусть ветер победы овеивает ваше имя. Быть писателем – значит быть живым.

– А если не получится?

– Получится. Будет трудно, но у вас получится. В тот день, когда это придаст смысл вашей жизни, вы станете настоящим писателем. А пока главное – не бойтесь падать.

Роман, написанный мною за два следующих года, вознес меня на вершину. Сразу несколько издательств предложили купить у меня рукопись, и в итоге в 2005 году я подписал договор на кругленькую сумму с престижным нью-йоркским издательством “Шмид и Хансон”, глава которого, Рой Барнаски, как дальновидный бизнесмен заставил меня подписать общий договор на пять произведений. Осенью 2006-го роман вышел в свет и имел громадный успех. Великолепный из Фелтона стал знаменитым писателем, и в жизни моей произошел переворот: мне было двадцать восемь, а я уже был богат, известен и талантлив. Мне и в голову не приходило, что урок Гарри только начинается.

27. Там, где сажали гортензии

– Гарри, я как-то не уверен в том, что пишу. Не знаю, хорошо ли выходит. Стоит ли того, чтобы...

– Надевайте шорты, Маркус, и идите побегайте.

– Сейчас? Там же льет как из ведра.

– Избавьте меня от своих стенаний, маленький нытик. От дождя еще никто не умер. Если вам не хватает смелости пробежаться под дождем, вам не хватит смелости написать книгу.

– Еще один ваш пресловутый совет?

– Да. Причем этот совет годится для всех персонажей, что живут внутри вас: и для мужчины, и для боксера, и для писателя. Если в один прекрасный день вы усомнитесь в том, что делаете, – ступайте бегать. И бегайте, пока ноги держат: вот тогда почувствуете, как в вас пробуждается бешеная воля к победе. Знаете, Маркус, я ведь тоже ненавидел дождь, пока...

– И что вас заставило передумать?

– Не что, а кто.

– Кто?

– Вперед. Сейчас же бегать. И не возвращайтесь, пока семь потов не сойдет.

– Как я могу чему-то научиться, если вы мне никогда ничего не рассказываете?

– Вы задаете слишком много вопросов, Маркус. Удачной пробежки.

Это был здоровенный тип не самого приятного вида: афроамериканец, ручищи как кувалды, под слишком тесным блейзером угадывалось массивное, коренастое тело. В нашу первую встречу он наставил на меня револьвер. Между прочим, я первый раз видел, чтобы кто-то угрожал мне оружием. Он возник в моей жизни в среду 18 июня 2008 года, когда я всерьез принялся за расследование убийства Нолы Келлерган и Деборы Купер. Я жил в Гусиной бухте почти двое суток и в то утро решил, что пора вплотную познакомиться с ямой, зияющей в двадцати метрах от дома; до сих пор я довольствовался тем, что созерцал ее издали. Приподняв заградительные ленты, я пролез под ними и стал рассматривать хорошо знакомую местность. Границы Гусиной бухты обозначались пляжем и прибрежным лесом: ни заборов, ни табличек, запрещающих вторгаться в частные владения. Сюда любой мог зайти и выйти, и встретить людей, гуляющих по пляжу или по окрестным рощам, было делом вполне обычным. Яма находилась на лужайке прямо над океаном, между террасой и лесом. Я подошел к ней; тысячи вопросов роились у меня в голове, и в частности – сколько часов я просидел на этой террасе, в кабинете Гарри, когда рядом под землей покоилось тело девочки. Я сделал несколько фото и даже видео на мобильник, пытаясь представить себе разложившийся труп, представший взорам полиции. Целиком поглощенный местом преступления, я не заметил опасности у себя за спиной, и только повернувшись, чтобы снять террасу, увидел, что в нескольких метрах стоит человек и целится в меня из револьвера. Я завопил:

– Не стреляйте! О боже, не стреляйте! Я Маркус Гольдман! Писатель!

Он немедленно опустил оружие.

– Так это вы Маркус Гольдман?

Он сунул пистолет в кобуру на поясе, и я заметил у него бейджик:

– А вы коп?

– Сержант Перри Гэхаловуд. Уголовная полиция штата. Что это вы тут торчите? Это место преступления.

– И часто вы так, пугачом своим, в людей метите? А если б я был из федеральной полиции? Хороши бы вы тогда были, ха! Вылетели бы со службы как миленький!

Он расхохотался:

– Вы? Коп? Я за вами уж десять минут наблюдаю, как вы тут на цыпочках ходите, чтобы мокасины не испачкать. И федералы, когда ствол видят, не голосят, а выхватывают свой и палят во все, что движется.

– Я думал, вы бандит.

– Потому что я черный?

– Нет, потому что вид у вас бандитский. Это на вас индейский галстук?

– Да.

– Давно вышел из моды.

– Может, все-таки скажете, какого черта вы здесь делаете?

– Я здесь живу.

– То есть как это – вы здесь живете?

– Я друг Гарри Квеберта. Он просил меня приглядеть за домом, пока его нет.

– Вы что, совсем спятили? Гарри Квеберт обвиняется в двойном убийстве, в доме прошел обыск и доступ туда закрыт! Поедемте-ка со мной, старина.

– Вы не опечатали дом.

Он на минуту задумался:

– Никак не думал, что его займет какой-то писателишка.

– Надо было думать. Хотя полицейскому это, конечно, сложно.

– И все-таки я вас арестую.

– Нет такого закона! – воскликнул я. – Печатей нет, запрета нет! Я остаюсь здесь. А иначе я вас потащу в суд и вчиню иск за то, что вы угрожали мне своей пушкой. И потребую возмещения миллионных убытков и морального ущерба. Я все снял на камеру.

– Рот подучил, да? – вздохнул Гэхаловуд.

– Да.

– Пффф! Экий черт. Родную мать пошлет на электрический стул, лишь бы снять обвинение со своего клиента.

– Дыра в законе, сержант. Дыра в законе. Надеюсь, вы на меня не в претензии.

– В претензии. Но дом нас все равно больше не интересует. А вот заходить за полицейские ограждения я вам запрещаю. Вы читать умеете? Там написано: место преступления, за ограждения не заходить.

Слегка воспрянув духом, я отряхнул рубашку, сделал несколько шагов к яме и очень серьезно пояснил:

– Представьте себе, сержант, я тоже веду расследование. Лучше скажите, что вам известно об этом деле.

Он опять прыснул:

– Нет, я, наверно, сплю! Вы? Ведете расследование? Вот это новости. Между прочим, с вас пятнадцать долларов.

– Пятнадцать долларов? Это за что же?

– Это я заплатил за вашу книжку. В прошлом году читал. Очень плохая книжка. В жизни ничего хуже не читал. Так что верните деньги.

Я посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

– Идите к черту, сержант.

А поскольку я по-прежнему двигался к яме, не глядя под ноги, то и свалился в нее. И опять завопил, потому что оказался в могиле Нолы.

– Нет, вы совершенно невозможны! – воскликнул Гэхаловуд, стоя на куче земли.

Он протянул мне руку и помог вылезти. Мы пошли посидеть на террасе, и я отдал ему деньги. У меня была только пятидесятидолларовая купюра.

– Сдача есть? – спросил я.

– Нет.

– Оставьте себе.

– Спасибо, писатель.

– Я больше не писатель.

Как я быстро понял, сержант Гэхаловуд был человек сварливый и в придачу упрямый как осел. Однако после моих настойчивых просьб он все же рассказал, что в тот день, когда обнаружили тело, был на постоянном дежурстве и оказался у ямы в числе первых.

– Там были человеческие останки и кожаная сумка. На сумке внутри было выбито имя: “Нола Келлерган”. Я открыл ее, там была рукопись, в довольно приличном состоянии. Я так думаю, бумага сохранилась из-за кожи.

– Как вы узнали, что это рукопись Гарри Квеберта?

– Тогда я этого не знал. Я ему показал ее на допросе, и он ее сразу опознал. Потом я, естественно, сравнил текст. Он слово в слово совпадает с той его книжкой, “Истоки зла”, которая вышла в семьдесят шестом, меньше чем через год после трагедии. Забавное совпадение, да?

– То, что он написал книгу о Ноле, еще не доказывает, что он ее убил. Он говорит, что рукопись пропала и что Нола иногда забирала ее.

– Труп девочки нашли в его саду. И при ней рукопись его книжки. Докажите мне, что он невиновен, писатель, может, я тогда передумаю.

– Мне бы хотелось взглянуть на рукопись.

– Невозможно. Это улика.

– Но я тоже веду расследование, я же сказал.

– Ваше расследование меня не волнует, писатель. Вы получите доступ к делу, как только Квеберт предстанет перед Большим жури.

Я решил показать, что тоже не дилетант и кое-что знаю о деле:

– Я говорил с Тревисом Доуном, нынешним шефом полиции Авроры. Судя по всему, в момент исчезновения Нола они напали на след: черный “шевроле-монте-карло”.

– Я в курсе, – отмахнулся Гэхаловуд. – И угадайте, Шерлок Холмс: у кого был черный “шевроле-монте-карло”? У Гарри Квеберта.

– Откуда вы знаете про “шевроле”?

– Читал тогдашний отчет.

Немного подумав, я спросил:

– Минуточку, сержант. Если вы такой умный, объясните, зачем Гарри велел сажать цветы именно там, где якобы похоронил Нолу?

– Думал, что садовники не будут копать так глубоко.

– Это бессмыслица, вы сами понимаете. Гарри не убивал Нолу Келлерган.

– С чего это вы так уверены?

– Он любил ее.

– Все они так на суде говорят: “Я слишком ее любил, вот и убил”. Когда любят, не убивают.

С этими словами Гэхаловуд поднялся со стула, давая понять, что разговор окончен.

– Уже уходите, сержант? Но наше расследование только начинается.

– Наше? Вы хотите сказать – мое.

– Когда снова увидимся?

– Никогда, писатель. Никогда.

И он ушел, не попрощавшись.

Этот самый Гэхаловуд не принимал меня всерьез, зато с Тревисом Доуном все было совершенно иначе: чуть позже я зашел к нему в полицейский участок Авроры, отнес обнаруженное накануне вечером анонимное послание.

– Я к тебе: вот, нашел это в Гусиной бухте, – сказал я, положив бумажку ему на стол.

Он прочел.

– “Возвращайся домой, Гольдман”? И когда это случилось?

– Вчера вечером. Пошел прогуляться по пляжу, а когда вернулся, письмо торчало из проема входной двери.

– И ты, конечно, ничего не видел...

– Ничего.

– Первый раз такое?

– Да. Вообще-то я здесь всего два дня...

– Я зарегистрирую жалобу и заведу дело. Тебе надо быть осторожным, Маркус.

– Ты прямо как моя мать.

– Да нет, я серьезно. Не стоит недооценивать эмоциональное воздействие этой истории.

Я оставлю у себя письмо?

– Бери.

– Спасибо. А что еще я могу для тебя сделать? Ты же, наверно, не только для того пришел, чтобы рассказать мне про эту бумажку.

– Ты не мог бы съездить со мной в Сайд-Крик, если у тебя есть время? Хочется увидеть место, где все произошло.

Тревис не только согласился отвезти меня в Сайд-Крик, он еще и совершил со мной путешествие в прошлое тридцатитрехлетней давности. Мы ехали на патрульной машине тем же путем, что и он сам после первого звонка Деборы Купер. После Авроры мы двинулись по шоссе 1 в сторону Мэна, миновали Гусиную бухту и через несколько миль оказались на опушке леса Сайд-Крик, на пересечении с Сайд-Крик-лейн – дорогой, в конце которой жила Дебора Купер. Тревис свернул, и мы подъехали к симпатичному дощатому дому, обращенному фасадом к океану и окруженному лесом. Место было восхитительное, но совершенно глухое.

– Ничего с тех пор не изменилось, – сказал Тревис, пока мы обходили дом. – Разве что покрашен заново, чуть светлее, чем раньше. А все остальное в точности как тогда.

– Кто здесь теперь живет?

– Пара из Бостона, только в летние месяцы. Приезжают в июле, уезжают в конце августа.

В остальное время – никто.

Он показал мне заднюю калитку напротив кухни и пояснил:

– Когда я последний раз видел Дебору Купер живой, она стояла у этой калитки. Как раз тогда подъехал шеф Пратт, велел ей спокойно сидеть дома и не волноваться, и мы с ним пошли обшаривать лес. Кому же могло прийти в голову, что через двадцать минут ее убьют выстрелом в грудь.

Тревис, продолжая рассказ, направился к лесу. Я понял, что он нашел тропинку, по которой они с шефом Праттом шли тридцать три года тому назад.

– А что случилось с шефом Праттом? – спросил я, шагая за ним следом.

– Ушел в отставку. Живет по-прежнему в Авроре, на Маунтин-драйв. Наверняка ты его видел. Коренастый такой, вечно в брюках для гольфа.

Мы все дальше углублялись в лес. Чуть пониже сквозь ряды деревьев и буйную зелень виднелся пляж. Прошло добрых четверть часа, и Тревис вдруг резко остановился у трех прямых как свечи сосен.

– Это было здесь.

– Что *здесь*?

– Здесь мы нашли всю эту кровь, клочья светлых волос, кусок красной ткани. Ужас. Я это место никогда не забуду: мха на камнях прибавилось, деревья выросли, но для меня все осталось как раньше.

– И что вы стали делать?

– Мы поняли, что происходит что-то серьезное, но времени уже не было – раздался тот самый выстрел. С ума сойти, мы же никого не видели... То есть я хочу сказать, мы наверняка в какой-то момент прошли мимо девочки или ее убийцы... Не знаю, как мы их пропустили... Думаю, они прятались в кустах и он зажимал ей рот рукой. Лес огромный, тут легко остаться незамеченным. По-моему, в какой-то момент убийца зазевался, и она этим воспользовалась, вырвалась из его рук и добежала до дома, пытаясь спастись. Он вошел за ней в дом и избавился от мамыши Купер.

– Значит, услышав выстрел, вы сразу побежали к дому...

– Да.

Мы пошли обратно и вернулись к дому миссис Купер.

– Все произошло на кухне, – сказал Тревис. – Нола бежит из леса, зовет на помощь; мамаши Купер впускает ее и идет в гостиную позвонить в полицию и сообщить, что девочка у нее. Я знаю, что телефон в гостиной: я сам полчаса назад звонил по нему шефу Пратту. Пока ее нет, преступник проникает на кухню и хватается Нолу, но в этот момент входит Купер, и он ее убивает. А потом тащит Нолу в свою машину.

– Где была машина?

– На шоссе номер один, там, где оно идет вдоль этого чертова леса. Пойдем, я тебе покажу.

Тревис снова повел меня от дома в лес, но уже в совсем другом направлении; он уверенно шагнул среди деревьев, и скоро мы вышли на шоссе 1.

– Черный “шевроле” стоял здесь. В то время обочины шоссе не были расчищены так, как сейчас, и его скрывали кусты.

– А откуда известно, что он пошел именно сюда?

– По следам крови, они вели от дома до этого места.

– И что машина?

– Испарилась. Я тебе говорил, помощник шерифа ехал на подмогу по этой дороге и случайно ее заметил. Организовали погоню, перекрыли весь район, но он от нас ушел.

– Как же убийце удалось выскользнуть из сети?

– Хотел бы я знать; надо сказать, я уже тридцать три года не перестаю задавать себе вопросы по поводу этого дела. Знаешь, я каждый день, когда сажусь в полицейскую машину, спрашиваю себя, что было бы, если бы мы нагнали этот долбаный “шевроле”. А вдруг малышку удалось бы спасти...

– То есть ты думаешь, она была в машине?

– Сейчас, когда ее тело нашли в двух милях отсюда, я в этом уверен.

– И ты думаешь, за рулем этого черного “шевроле” был Гарри, да?

Он пожал плечами:

– Скажем так, в свете последних событий я не вижу, кто еще это мог бы быть.

Бывший шеф полиции Гэрет Пратт, к которому я отправился в тот же день, явно разделял мнение своего тогдашнего подчиненного относительно виновности Гарри. Он встретил меня на открытой террасе, в брюках для гольфа. Его жена Эми принесла нам выпить, а потом сделала вид, будто занимается с цветочными вазонами, чтобы послушать наш разговор; впрочем, она этого и не скрывала, отпуская комментарии к словам мужа.

– Я вас раньше видел или нет? – спросил Пратт.

– Это тот милый молодой человек, который написал ту книгу, – подсказала жена.

– Вы не тот парень, который написал книгу? – переспросил он.

– Он самый. И не только.

– Гэрет, я же тебе только что сказала, – оборвала его Эми.

– Дорогая, не мешай нам, пожалуйста, люди приходят ко мне, благодарю покорно. Итак, мистер Гольдман, чем обязан счастьем вас видеть?

– Честно говоря, я пытаюсь сам себе ответить на несколько вопросов в связи с убийством Ноэли Келлерган. Я говорил с Тревисом Доуном, и он сказал, что вы уже тогда подозревали Гарри.

– Это верно.

– А на каком основании?

– Нас насторожили некоторые моменты. Особенно то, чем обернулась погоня: ясно было, что убийца свой, местный. Чтобы вот так взять да исчезнуть, когда вся полиция штата стояла на ушах, надо было знать район как свои пять пальцев. И потом, этот черный “монте-карло”. Как вы догадываетесь, мы составили список всех владельцев этой модели в нашем районе: у них у всех было алиби, кроме Квеберта.

– И тем не менее вы в итоге не пошли по этому следу...

– Нет, потому что, кроме этой истории с машиной, нам на самом деле нечего было ему предъявить. Да и из списка подозреваемых мы его очень быстро вычеркнули. То, что тело этой несчастной девочки нашли в его саду, доказывает, что мы поторопились. С ума сойти, ведь он мне всегда был страшно симпатичен... Может, потому я и судил предвзято. Он всегда был такой обаятельный, приветливый, все ему верили... Я вот хочу спросить, мистер Гольдман. Как я понял, вы хорошо его знаете; и вот теперь, когда известно про девочку в саду, вам не приходят на ум какие-нибудь его слова или поступки, которые могли вызвать у вас хотя бы тень подозрения?

– Нет, шеф. Ничего, насколько я помню.

Вернувшись в Гусиную бухту, я увидел за лентами ограждения саженцы гортензии, засыхавшие корнями вверх на краю ямы. Я пошел в маленькую пристройку, служившую гаражом, и извлек оттуда лопату. Потом проник в запретную зону, вскопал квадратный участок мягкой земли прямо над океаном и посадил цветы.

30 августа 2002 года

– Гарри?

Было шесть часов утра. Он сидел на террасе Гусиной бухты с чашкой кофе в руках. Он обернулся:

– Маркус? Вы весь потный... Только не говорите, что вы уже пробежались?

– Пробежался. Все восемь миль.

– Когда же вы встали?

– Рано. Помните, два года назад, когда я только начал сюда ездить, вы меня будили до зари? У меня теперь привычка. Встаю на заре, чтобы весь мир был мой. А вы что делаете на улице?

– Смотрю, Маркус.

– И куда вы смотрите?

– Видите вон ту лужайку прямо над пляжем, среди сосен? Я давно хочу что-нибудь из нее сделать. Это единственный ровный участок в моих владениях, там можно разбить маленький садик. Хочу соорудить красивый уголок – две скамейки, железный стол, а вокруг гортензии. Много гортензий.

– Почему именно гортензии?

– Я знал одного человека, который их любил. Мне хочется устроить цветники с гортензиями, чтобы помнить о ней всегда.

– Вы любили этого человека?

– Да.

– У вас грустный вид, Гарри.

– Не обращайтесь внимания.

– Гарри, почему вы никогда не рассказываете о своей любви?

– Потому что сказать нечего. Лучше посмотрите, посмотрите хорошенько! Или нет – лучше закройте глаза! Да, зажмурьтесь, и покрепче, чтобы никакой свет не проникал. Видите? Вот дорожка, она выложена плиткой и ведет от террасы к гортензиям. И две скамеечки, с них виден и океан, и роскошные цветы. Что может быть лучше, чем смотреть на океан и гортензии? Там есть даже прудик, а посередине – фонтан в виде статуи. Если прудик получится достаточно большой, я туда пущу разноцветных японских карпов.

– Рыб? Они там получаса не проживут, их сожрут чайки.

Он улыбнулся:

– Чайки тут имеют право делать что хотят, Маркус. Но вы правы: карпов я в пруд пускать не буду. И идите, ради бога, примите горячий душ, пока вы не умерли или не подхватили еще какую-нибудь гадость; а то ваши родители решат, что я о вас совсем не забочусь. А я пойду приготовлю завтрак. Маркус...

– Да, Гарри?

– Если бы у меня был сын...

– Я знаю, Гарри. Знаю.

* * *

В четверг 19 июня 2008 года я с утра отправился в мотель “Морской берег”. Найти его оказалось очень легко: проехав по шоссе 1 четыре мили на север от Сайд-Крик-лейн, невозможно было не заметить огромный деревянный щит с надписью:

Мотель и ресторан

Морской берег

Построен в 1960 г.

Место, где Гарри ждал Нолу, существовало по-прежнему; я наверняка сотни раз проезжал мимо, но никогда не обращал на него внимания – да и какое мне было до него дело вплоть до сегодняшнего дня? Это было деревянное строение с красной крышей, окруженное кустами роз; прямо за ним начинался лес. Двери всех номеров на первом этаже выходили прямо на парковку; на второй этаж вела наружная лестница.

По словам администратора, мотель с момента постройки несколько не изменился, разве что номера сделали более современными, а к основному зданию пристроили ресторан. В качестве доказательства он вытащил памятный альбом к сорокалетию мотеля и продемонстрировал мне фотографии того времени.

– Почему вас так интересует это место? – в конце концов спросил он.

– Потому что я ищу одно очень важное свидетельство, – ответил я.

– Слушаю вас.

– Мне нужно узнать, находился ли кто-нибудь здесь в восьмом номере в ночь с субботы 30 августа на воскресенье 31 августа 1975 года.

Он захохотал:

– Семьдесят пятого года? Это вы серьезно? С тех пор как ввели компьютерную регистрацию, в базе сохраняются данные максимум за последние два года. Если хотите, я могу вам сказать, кто здесь ночевал 30 августа 2006-го. Ну, то есть чисто теоретически, потому что я, естественно, не имею права раскрывать эту информацию.

– Значит, узнать никак нельзя?

– Кроме базы, мы храним только адреса электронной почты нашей рассылки. Не хотите получать нашу рассылку?

– Нет, спасибо. Но мне бы хотелось посмотреть на восьмой номер, если можно.

– Просто так смотреть нельзя. Но номер свободен. Хотите снять его на ночь? Сто долларов.

– У вас на рекламном щите написано, что все номера по семьдесят пять. Знаете что, я вам сейчас дам двадцать долларов, вы мне покажете номер, и все будут довольны.

– Да вы крутой! Ладно, так и быть.

Восьмой номер находился на втором этаже. Самый что ни на есть обычный номер: кровать, мини-бар, телевизор, маленький письменный стол и ванная.

– Почему вас так интересует этот номер? – спросил администратор.

– Трудно объяснить. Один мой друг говорит, что ночевал здесь тридцать лет назад. Если это правда, значит, он не виновен в том, в чем его обвиняют.

– А в чем его обвиняют?

Я не ответил и задал еще один вопрос:

– Почему ваш мотель называется “Морской берег”? Отсюда и моря-то не видно.

– Не видно, но через лес идет тропинка на пляж. Это написано в проспекте. Но клиентам на это плевать: те, кто у нас останавливается, на пляж не ходят.

– Вы хотите сказать, что можно, к примеру, идти вдоль моря от Авроры, пересечь лес и попасть к вам?

– Теоретически, да.

Остаток дня я провел в городской библиотеке – рылся в архивах, пытаюсь восстановить события прошлого. В этом деле мне очень помог Эрни Пинкас, не жалевший времени, чтобы облегчить мои разыскания.

Судя по тогдашним газетам, в день исчезновения Нолы никто не заметил ничего странного: ни убегающей девочки, ни какого-нибудь человека, слонявшегося у ее дома. Все считали ее исчезновение большой загадкой, которую убийство Деборы Купер только усугубляло. Однако некоторые свидетели – в основном соседи – указывали, что в тот день из дома семейства Келлерган доносились крики и шум; другие, впрочем, объясняли, что шум – это музыка, которую его преподобие, по своему обыкновению, включил на полную громкость. По сведениям *Aurora Star*, Келлерган-отец любил мастерить у себя в гараже и за работой всегда слушал музыку. Звук он прибавлял, чтобы заглушить грохот инструментов: он полагал, что хорошая музыка, пусть даже слишком громкая, все равно лучше, чем стук молотка. Но если его дочь звала на помощь, он вполне мог не услышать. Пинкас сказал, что отец Келлерган не может себе простить, что включил музыку так громко; с тех пор он живет затворником в их доме на Террас-авеню и все время крутит этот самый диск так, что можно оглохнуть, как будто себе в наказание. Из всей семьи в живых остался он один. Мать Нолы, Луиза, давно умерла. По словам Пинкаса, когда стало известно, что откопали тело малышки Нолы, дом старого Дэвида Келлергана осадили журналисты.

– Это была невероятно грустная сцена. Он произнес что-то вроде: “Значит, она умерла... Я все это время копил деньги, чтобы она могла поступить в университет”. И представь, на следующий день у его дверей выстроилось пять фальшивых Нол. За баблом. У бедняги от этого совсем крыша съехала. В дикие времена мы живем, Маркус, честное слово: столько дерьма у людей в душах. Я так думаю.

– А отец часто так делал, музыку ставил на полную мощность? – спросил я.

– Да, все время. Кстати, о Гарри... Знаешь, я тут вчера встретил в городе мамашу Куинн...

– Мамашу Куинн?

– Ну да, это прежняя владелица “Кларкса”. Она тут всем направо и налево говорит, что всегда знала, что Гарри имел виды на Нолу... Якобы у нее тогда было неопровержимое доказательство.

– Что за доказательство?

– Понятия не имею. От Гарри есть какие-нибудь новости?

– Я к нему завтра поеду.

– Передавай от меня привет.

– Навести его, если хочешь... Ему будет приятно.

– Не уверен, что мне сильно хочется.

Я знал, что семидесятипятилетний пенсионер Пинкас, который всю жизнь работал на текстильной фабрике в Конкорде, нигде не учился и очень жалел, что может утолить свою страсть к книгам не иначе как в должности библиотекаря на общественных началах, был навеки благодарен Гарри за то, что тот разрешил ему посещать вольнослушателем лекции по литературе в Университете Берроуза. Поэтому я всегда считал его одним из самых верных друзей Гарри; и вот теперь даже он предпочитает держаться от него подальше.

– Знаешь, – сказал он, – Нола была такая необыкновенная девочка, кроткая, всегда приветливая. Ее здесь все любили! Она нам всем была как дочка. Так как же Гарри мог... Я хочу сказать, даже если он ее не убивал, он написал ей эту книгу! Блин, ей пятнадцать лет было! Девочка совсем! И так ее любить, чтобы книгу ей написать? Я со своей женой пятьдесят лет прожил, и мне ни разу не захотелось написать ей книгу.

– Но эта книга – шедевр.

– Эта книга – дьявол! Извращение! Кстати, я выбросил все экземпляры, какие тут были. Люди слишком потрясены.

Я вздохнул, но промолчал. Не хотелось с ним спорить. Только спросил:

– Эрни, можно мне пришлют посылку сюда, на адрес библиотеки?

– Посылку? Конечно. А почему?

– Я попросил домработницу взять у меня дома одну важную вещь и послать мне через *FedEx*. Но пусть лучше ее доставят сюда: я не так часто бываю в Гусиной бухте, и там почтовый ящик забит всякой дрянью, я в него даже не заглядываю... Здесь я, по крайней мере, буду уверен, что она дойдет.

Почтовый ящик в Гусиной бухте весьма точно отражал нынешнюю репутацию Гарри: вся Америка, прежде преклонявшаяся перед ним, теперь его освистывала и заваливала оскорбительными письмами. Разгорался крупнейший скандал в истории книгоиздания: “Истоки зла” отныне были изъяты из книжных магазинов и из школьной программы, *Boston Globe* в одностороннем порядке прекратила сотрудничество с ним, а что до административного совета Университета Берроуза, то он решил немедленно уволить Гарри с должности. Все газеты без стеснения изображали его сексуальным маньяком; все споры, все разговоры вертелись вокруг него. Рой Барнаски, учуяв, что дело пахнет колоссальной выгодой, и не желая ее упустить, непременно хотел выпустить об этом книгу. И поскольку Дуглас убедить меня так и не смог, он в конце концов позвонил мне лично, дабы прочесть небольшую лекцию о рыночной экономике.

– Публика жаждет, требует такую книгу, – заявил он. – Вот послушайте, у нашей высотки внизу даже собрались фанаты и скандируют ваше имя.

Он включил громкую связь, сделал знак ассистенткам, и те заорали что было мочи: “Гольд-ман! Гольд-ман! Гольд-ман!”

– Это не фанаты, Рой, это ваши ассистентки. Добрый день, Мариза.

– Здравствуйте, Маркус, – ответила Мариза.

Барнаски снова взял трубку:

– В общем, только подумайте, Гольдман: к осени выпускаем книгу. Верный успех! Полтора месяца, чтобы написать книжку – как вам, нормально?

– Полтора месяца? У меня на первую книгу ушло два года. Да и не понимаю, о чем тут рассказывать, никто пока не знает, что произошло.

– Слушайте, я могу вам для скорости выделить писателей-призраков². И потом, не надо никакой высокой литературы: люди прежде всего хотят знать, что Квеберт сделал с девочкой. Просто опишите факты и добавьте саспенса, грязи и немного секса, само собой.

– Секса?

– Да прекратите вы, Гольдман, не мне вас учить ремеслу: кто станет покупать книгу без непристойных сцен между стариком и семилетней девочкой? Люди же этого хотят. Даже если книжка плохая, она будет продаваться тоннами. Важно-то это, разве нет?

– Гарри было тридцать четыре, а Ноле пятнадцать!

– Не цепляйтесь к мелочам... Сделаете книгу – я аннулирую предыдущий договор и в придачу выдам вам аванс в полмиллиона долларов в благодарность за сотрудничество.

Я наотрез отказался, и Барнаски вышел из себя:

– Что ж, раз вам угодно поиграть в плохих парней, пожалуйста: рукопись должна быть у меня на столе ровно через одиннадцать дней, иначе я вас засужу и разорю!

Он швырнул трубку. Чуть позже, когда я зашел в супермаркет на главной улице, мне позвонил Дуглас, явно с подачи самого Барнаски, и опять попытался меня уговорить:

– Марк, сейчас не время капризничать. Ты забыл, что Барнаски держит тебя за яйца? Твой предыдущий договор пока в силе, и единственный способ его аннулировать – принять предложение. И потом, эта книжка прославит тебя до небес. Ты еще скажи, что аванс в полмиллиона – худшее, что может случиться в жизни!

– Барнаски хочет, чтобы я сочинил какой-то памфлет! Это не обсуждается. Мне не нужна такая книга, я не хочу писать халтуру за несколько недель. Хорошая книга требует времени.

– Но сейчас все так делают, чтобы нагнать тираж! Писатели-мечтатели, которые ждут у моря погоды, чтобы их осенило, никому не нужны! С ними покончено! От твоей книги еще нет ни строчки, а ее уже рвут из рук, потому все хотят всё знать. И немедленно. Просвет на рынке скоро кончится: осенью президентские выборы, кандидаты точно выпустят по книжке, и они займут все медийное пространство. Ты не поверишь, все уже говорят о книге Барака Обамы!

Я и так уже ничему не верил. Оплатил покупки и вернулся к припаркованной на улице машине. А на ней обнаружил подсунутый под “дворник” листок бумаги. Опять то же самое послание:

Возвращайся домой, Гольдман.

Я огляделся: никого. Только несколько человек за столиками на соседней террасе да покупатели, выходящие из супермаркета. Кто-то меня преследовал. Кто-то очень не хотел, чтобы я расследовал смерть Нолы Келлерган.

² Термин “писатель-призрак” (от *англ. ghost writer*) обозначает то, что в литературе называется “негр”, то есть писатель, пишущий под чужим именем. Англосаксы, придумав выражение *ghost writer*, сумели передать, насколько бесчеловечна эта роль. (Прим. автора.)

На следующий день после этого нового происшествия, в пятницу 20 июня, я снова отправился к Гарри в тюрьму. Но сначала заехал в библиотеку, куда только что доставили мою посылку.

- Что там такое? – полюбопытствовал Пинкас в надежде, что я открою ее при нем.
- Нужный мне инструмент.
- Инструмент для чего?
- Для работы. Спасибо, что получил, Эрни.
- погоди, хочешь кофе? Я как раз сварил. Хочешь ножницы, вскрыть посылку?
- Спасибо, Эрни. Кофе с удовольствием выпью, но в следующий раз. Мне пора.

Добравшись до Конкорда, я решил завернуть в Главное управление полиции штата – повидать сержанта Гэхаловуда и поделиться с ним теми гипотезами, которые возникли у меня после нашей короткой встречи.

Главное полицейское управление штата Нью-Гэмпшир, большое красное кирпичное здание, где находились офисы уголовного отдела, располагалось на Хейзен-драйв, 33, в центре Конкорда. Был почти час дня; мне сообщили, что Гэхаловуд ушел на обед, и попросили подождать в коридоре, у стола, где стоял кофейный автомат и лежали журналы. Явился он через час, все с тем же сердитым выражением на лице.

– Это вы? – рассвирепел он при виде меня. – Меня зовут, мне говорят: “Перри, пошевеливайся, там какой-то тип тебя уже час ждет”, я бросаю обед, бегу посмотреть, что случилось, может, это важно, а тут на тебе – писатель!

– Не сердитесь... Я тут подумал, что мы исходили из неверных данных и что, может быть...

– Я вас ненавижу, писатель, зарубите себе на носу. Моя жена прочитала вашу книжку и считает вас красавцем и умником. Ваша физиономия на задней стороне обложки несколько месяцев красовалась на ее ночном столике. Вы жили в нашей спальне! Вы с нами спали! С нами ужинали! Вы в отпуск ездили вместе с нами! Ванну принимали с моей женой! Все ее подружки из-за вас хихикали! Вы мне всю жизнь отравили!

– Вы женаты, сержант? С ума сойти, вы такой противный, я бы поклялся, что вы холостяк. Он яростно втянул голову в свой двойной подбородок и рявкнул:

– Ради всего святого, что вам надо?

– Понять.

– Ничего себе заявки!

– Я знаю.

– Может, все-таки пусть полиция разберется?

– Мне нужна информация, сержант. Люблю все знать, болезнь у меня такая. Тревожное расстройство, мне надо все держать под контролем.

– Ну так и держите под контролем самого себя!

– Мы можем пройти в ваш кабинет?

– Нет.

– Скажите точно: Нола действительно умерла в пятнадцать лет?

– Да. Анализ костей подтвердил.

– Значит, похищение и убийство произошло одновременно?

– Да.

– Но эта сумка... Почему ее закопали с сумкой?

– Понятия не имею.

– А если у нее была сумка, мы можем считать, что она сбежала из дому?

– Если вы к побегу готовитесь, вы же, наверно, одежду в сумку положите?

– Верно.

– А там была только эта книжка.

– Один – ноль в вашу пользу, – сказал я. – Потрясен вашей проницательностью. Но эта сумка...

Он не дал мне договорить:

– Черт меня дернул сказать вам тогда про эту сумку. Сам не знаю, что на меня нашло...

– Я тем более.

– Жалость, наверно. Да, точно: мне вас стало жалко – вид потерянный, ботинки все в грязи.

– Спасибо. А можно еще вопрос: что вы можете сказать о вскрытии? Кстати, про скелет говорят “вскрытие”?

– А я откуда знаю?

– Или более подходящим термином будет “судебно-медицинская экспертиза”?

– Плевать я хотел на термины. Я вам одно могу сказать: ей раскроили череп! Раскроили! Бац! Бац!

Он замахал руками, изображая удары битой, и я спросил:

– Значит, ее убили битой?

– Да понятия не имею, зануда несчастный!

– Женщина? Мужчина?

– Чего?

– Могла ли женщина нанести такие удары? Почему обязательно мужчина?

– Потому что тогда был свидетель, Дебора Купер, она своими глазами видела и однозначно опознала мужчину. Ладно, писатель, разговор окончен. Вы меня слишком бесите.

– А вы сами что думаете про это дело?

Он вытащил из бумажника семейную фотографию.

– У меня две дочки, писатель. Четырнадцать лет и семнадцать. И я не представляю, как бы я пережил то, что пережил отец Келлерган. Я хочу правды. Хочу правосудия. Правосудие – это не просто сумма фактов, это работа, куда более сложная. Так что я буду продолжать расследование. И если обнаружу доказательство невиновности Квеберта, поверьте, он будет на свободе. Но если он виновен, тут уж будьте уверены: я не позволю Роту вешать лапшу на уши жюри, он большой мастак освобождать преступников. Это уж совсем никакое не правосудие.

Философия Гэхаловуда с его повадками разъяренного бизона мне определенно нравилась.

– В сущности, вы отличный парень, сержант. Давайте я угощу вас пончиками и мы еще побалакаем?

– Я не хочу пончиков, я хочу, чтобы вы убрались отсюда. Мне работать надо.

– Но вы должны мне объяснить, как ведут расследование. Я не умею. Что мне надо делать?

– До свидания, писатель. Насмотрелся я на вас, на всю неделю хватит. А может, и на всю жизнь.

Он не принимал меня всерьез; я был разочарован и не стал настаивать. Протянул ему руку на прощание, он чуть не раздробил мне пальцы своей лапищей, и я ушел. Но уже на улице, на парковке, услышал его оклик: “Писатель!” Я обернулся: его грузная туша рысью двигалась ко мне.

– Писатель, – произнес он, запыхавшись. – Хорошего копа интересует не убийца... А жертва. Вы должны думать о жертве. Начинать надо сначала, с того, что было до убийства. А не с конца. Вы сосредоточились на убийстве и идете по ложному пути. Вам надо задаться вопросом, кто была жертва... Спросите себя, кто такая Нола Келлерган...

– А Дебора Купер?

– Если хотите знать мое мнение, все завязано на Нолу. Дебора Купер – просто побочная жертва. Ищите, кто такая была Нола, и найдете ее убийцу, а заодно и убийцу мамыши Купер.

Кто такая Нола Келлерган? Направляясь в тюрьму штата, я очень рассчитывал задать этот вопрос Гарри. Выглядел он скверно. Судя по всему, его очень волновало содержимое шкафчика в фитнес-клубе.

– Вы все нашли? – спросил он, не успев даже поздороваться.

– Да.

– И все сожгли?

– Да.

– Рукопись тоже?

– Рукопись тоже.

– Почему вы меня не известили, что все сделали? Я чуть не умер от беспокойства! И где вы были эти два дня?

– Занимался расследованием. Гарри, почему шкатулка была в раздевалке фитнес-клуба?

– Знаю, вам это покажется странным... После вашего приезда в Аврору, тогда, в марте, я испугался, как бы шкатулку не нашел кто-нибудь другой. Подумал, что на нее может наткнуться кто угодно: какой-нибудь бесцеремонный посетитель, домработница. И рассудил, что лучше будет спрятать мои воспоминания в другом месте.

– Вы их спрятали? Но это доказывает вашу вину. А рукопись... Это были “Истоки зла”?

– Да. Самый первый вариант.

– Я узнал текст. Заглавия на обложке не было...

– Заглавие появилось уже потом.

– Вы хотите сказать – после исчезновения Нолы?

– Да. Но давайте не будем говорить об этой рукописи, Маркус. Она проклята, она навлекла на меня одно только зло, и вот тому свидетельство: Нола умерла, а я в тюрьме.

С минуту мы молча смотрели друг на друга. Я положил на стол пластиковый пакет с содержимым моей посылки.

– Что это? – спросил Гарри.

Вместо ответа я вытащил мини-дисковый плеер с подключенным микрофоном для записи. И поставил перед Гарри.

– Черт подери, Маркус, вы что творите? Только не говорите, что вы сохранили эту адскую машинку...

– Конечно, Гарри. Я ее хранил как зеницу ока.

– Ради бога, уберите это!

– Не кипятитесь, Гарри...

– Но какого дьявола вы собираетесь делать с этой штукой?

– Я хочу, чтобы вы мне рассказали о Ноле, об Авроре, обо всем. О лете семьдесят пятого года, о вашей книге. Мне надо знать. Должна же где-то обретаться правда.

Он грустно улыбнулся. Я включил запись, и он начал говорить. Чудная была сцена: в тюремной комнате для свиданий с пластиковыми столами, где мужья встречались с женами, а отцы с детьми, я встречался с моим старым учителем, и он рассказывал мне свою историю.

В тот вечер я поужинал рано, на обратном пути в Аврору. Мне не хотелось сразу возвращаться в Гусиную бухту, сидеть одному в громадном доме, и после ужина я просто поехал вдоль побережья. Солнце клонилось к закату, океан искрился; все было великолепно. Я миновал мотель “Морской берег”, лес Сайд-Крик, Сайд-Крик-лейн, Гусиную бухту, проехал через Аврору и добрался до пляжа Гранд-Бич. Подошел к воде, а потом уселся на камни, полюбоваться рождением ночи. Вдалеке в зеркале волн плясали огни Авроры; до меня доносились резкие крики чаек, гудели туманные горны маяков, в окрестных кустах пели соловьи. Я включил плеер, и в темноте зазвучал голос Гарри:

Знаете пляж Гранд-Бич, Маркус? Первый пляж Авроры, если ехать из Массачусетса. Иногда я отправляюсь туда на закате и смотрю на огни города. И думаю обо всем, что там произошло за последние тридцать лет. На этом пляже я остановился, когда впервые приехал в Аврору. Это было 20 мая 1975 года. Мне было тридцать четыре. Я приехал из Нью-Йорка, намереваясь взять судьбу в свои руки: бросил все, оставил место учителя литературы, собрал все свои сбережения и решил попробовать себя в роли писателя: найти уединенное место в Новой Англии и написать роман, о котором мечтал.

Сначала я хотел снять дом в Мэне, но один агент по недвижимости из Бостона убедил меня остановить выбор на Авроре. Он рассказал мне про дом, о котором можно только мечтать и который в точности отвечал тому, что я искал, – про Гусиную бухту. Едва подъехав к дому, я в тот же миг в него влюбился. Это было то, что нужно: убежище, покойное, первозданное, и притом не совсем недоступное, всего в нескольких милях от Авроры. Город мне тоже очень нравился. Тихо, мирно, дети беззаботно играют на улицах, уровень преступности нулевой; уголок с почтовой открытки. Дом был мне не по карману, но агентство недвижимости согласилось разбить платеж на два раза, и я рассчитал: если тратить не слишком много, я смогу свести концы с концами. И потом, у меня было предчувствие, что я делаю правильный выбор. И я не ошибся, ведь это решение изменило всю мою жизнь: книга, которую я написал в то лето, принесла мне богатство и славу.

По-моему, в Авроре мне больше всего нравилось то, что я быстро оказался на особом положении: в Нью-Йорке я был всего лишь учитель литературы плюс безымянный писатель, а в Авроре – Гарри Квеберт, писатель из Нью-Йорка, который приехал писать свой новый роман. Знаете, Маркус, эта ваша школьная история с Великолепным, когда вы, ради того чтобы блистать, всеми правдами и неправдами уклонялись от сравнения с другими, – ведь это в точности то же самое, что случилось здесь со мной. Я был молод, уверен в себе, элегантен, привлекателен, атлетически сложен, образован, и к тому же обосновался в великолепном поместье, в Гусиной бухте.

Жители города хоть и не знали меня по имени, судили о моих успехах по тому, как я держался и в каком доме я жил. Этого было достаточно: все поголовно вообразили, что я – нью-йоркская звезда, и я вдруг разом стал знаменитостью. В Нью-Йорке меня не ценили как писателя, зато сразу оценили в Авроре. Я отдал в городскую библиотеку несколько экземпляров своей первой книги, которые взял с собой, и, представьте себе, эта жалкая куча бумаги, от которой в Нью-Йорке воротили нос, здесь, в Авроре, всех привела в восторг. Это было в 1975 году, задолго до интернета и всяких высоких технологий, в малюсеньком городке штата Нью-Гэмпшир, искавшем смысла в своем существовании и получившем в моем лице звезду местного масштаба, о которой всегда мечтал.

* * *

В Гусиную бухту я вернулся около одиннадцати вечера. Свернув на гравийную дорожку, которая вела к дому, я вдруг увидел в свете фар человека в маске, пустившегося бежать в лес. Я резко затормозил и с криком выскочил из машины, собираясь погнаться за незваным гостем. И тут мой взгляд упал на яркий свет рядом с домом: там что-то горело. Я подбежал посмотреть, в

чем дело: “корвет” Гарри был охвачен пламенем. Огонь уже бушевал, к небу поднимался столб едкого дыма. Я звал на помощь, но звать было некого. Кругом был только лес. Стекла “корвета” лопнули от жара, металл начал плавиться, и языки пламени, разгоревшегося с удвоенной силой, лизнули стены гаража. Я ничего не мог поделать. Усадьба была обречена.

26. Н-О-Л-А

(Аврора, Нью-Гэмпшир, суббота, 14 июня 1975 года)

– Писатели, Маркус, потому такие уязвимые, что способны испытывать два вида любовных страданий, то есть вдвое больше, чем все нормальные люди: горести любви и горести книги. Писать книгу – все равно что кого-нибудь любить: это может быть очень мучительно.

Служебная инструкция

Вниманию персонала!

Как вы все могли заметить, Гарри Квеберт уже неделю каждое утро завтракает в нашем заведении. Мистер Квеберт – крупный нью-йоркский писатель, ему следует уделять особое внимание. Все его потребности удовлетворять предельно ненавязчиво. Ни в коем случае не беспокоить.

Столик номер 17 впредь до новых указаний зарезервирован за ним. Он должен быть всегда свободен для него.

Тамара Куинн

Все перевесила бутылка с кленовым сиропом. Едва она ее поставила на поднос, как он покачнулся; пытаясь его подхватить, она сама потеряла равновесие, и поднос вместе с ней с оглушительным грохотом полетел на пол.

Гарри перевесился через стойку:

– Нола? Все в порядке?

Она встала, слегка оглоушенная:

– Да-да, я...

С минуту оба созерцали масштабы бедствия – и расхохотались.

– Не смейтесь, Гарри, – в конце концов ласково упрекнула его Нола. – Если миссис Куинн узнает, что я опять уронила поднос, мне влетит.

Он обогнул стойку и, сидя на корточках, стал помогать ей собирать осколки стакана, валявшиеся в месиве из горчицы, майонеза, кетчупа, кленового сиропа, масла, соли и сахара.

– Что за черт, – поинтересовался он, – кто-нибудь может мне объяснить, почему в последнюю неделю, стоит здесь что-нибудь заказать, как мне непременно приносят все приправы зараз?

– Это из-за инструкции, – объяснила Нола.

– Инструкции?

Она указала глазами на прилепленный за стойкой листок; Гарри встал, взял его в руки и стал читать вслух.

– Гарри, нет! Что вы делаете? Вы с ума сошли! Если миссис Куинн узнает...

– Не волнуйся, никого же нет.

Было семь часов утра; в “Кларксе” было еще безлюдно.

– Это что еще за инструкция?

– Миссис Куинн дала указания.

– Кому?

– Всему персоналу.

Их разговор прервало появление первых посетителей; Гарри немедленно вернулся за свой стол, а Нола поспешила приступить к своим обязанностям.

– Сию минуту принесу вам другие тосты, мистер Квеберт, – торжественно провозгласила она и исчезла на кухне.

За маятниковыми дверьми она секунду постояла в задумчивости и улыбнулась сама себе: она любила его. С той первой встречи на пляже, две недели назад, с того самого чудесного дождливого дня, когда она случайно пошла прогуляться возле Гусиной бухты, она любила его. Она это знала. Чувство было не похоже ни на что другое, оно не обманывало: она ощущала себя другой, более счастливой; дни казались ей прекраснее. А главное, когда он был здесь, сердце у нее билось чаще.

После сцены на пляже они пересекались дважды: у супермаркета на главной улице, а потом в “Кларксе”, где она по субботам работала официанткой. И при каждой встрече между ними происходило что-то особенное. С тех пор он взял привычку каждый день приходить в “Кларкс”, чтобы писать; в связи с чем Тамара Куинн, владелица заведения, тремя днями раньше, под вечер, устроила срочное собрание своих “девочек” – так она называла официанток – и огласила им пресловутую служебную инструкцию.

– Девочки, – объявила она подчиненным, выстроив их, как на параде, – за последнюю неделю вы все, конечно, отметили, что великий нью-йоркский писатель Гарри Квеберт ходит сюда каждый день; следовательно, у нас он нашел все приметы утонченности и качества, присущие лучшим заведениям Восточного побережья. “Кларкс” – заведение высокого уровня; мы обязаны оправдывать ожидания самых требовательных клиентов. И поскольку кое у кого из вас мозги с горошину, я написала служебную инструкцию, чтобы вы помнили, как следует обслуживать мистера Квеберта. Вы должны читать ее, перечитывать, вы зубрить наизусть! Я вас буду спрашивать, причем без предупреждения. Она будет висеть на кухне и за стойкой.

Затем Тамара Куинн отчеканила свои указания: главное – не беспокоить мистера Квеберта, ему нужно собраться с мыслями. Прилагать все усилия, чтобы он чувствовал себя как дома. Статистика его предыдущих посещений “Кларкса” показывает, что он заказывает только черный кофе: как только он придет, подавать ему кофе и ничего больше. Если ему еще что-то понадобится, если мистер Квеберт голоден, он попросит сам. Не докучать ему, не предлагать дополнительных блюд, как другим клиентам. Если он закажет еду, сразу приносить ему все приправы, чтобы ему не приходилось требовать их отдельно: горчицу, кетчуп, майонез, перец, соль, масло, сахар и кленовый сироп. Великие писатели не обязаны отвлекаться на приправы: их ум должен быть свободен, чтобы спокойно творить. Быть может, книга, которую он пишет, те записи, что он делает, часами не двигаясь с места, – начало гениального шедевра и скоро о “Кларксе” заговорят по всей стране. В мечтах Тамара Куинн уже видела, как книга по праву прославит ее ресторан: тогда у нее будут деньги и она откроет второе заведение в Конкорде, а потом в Бостоне, Нью-Йорке и во всех больших городах на побережье, вплоть до самой Флориды.

Минди, одной из официанток, потребовались дополнительные объяснения:

– Но, миссис Куинн, откуда нам знать, что мистер Квеберт ничего не хочет, один черный кофе?

– Это знаю я. И точка. В лучших ресторанах важным клиентам нет нужды делать заказ: персонал знает их привычки. Мы – лучший ресторан?

– Да, миссис Куинн, – хором ответили официантки.

– Да, мама, – выкрикнула Дженни, потому что она была ее дочь.

– Больше не называй меня здесь “мама”, – приказала Тамара. – Слишком отдает деревенским трактиром.

– Как же мне тогда тебя называть? – спросила Дженни.

– Никак не называть, выслушиваешь мои распоряжения и подобострастно киваешь в знак согласия. И не надо ничего говорить. Понятно?

Дженни тряхнула головой.

– Понятно или непонятно? – повторила мать.

– Ну да, мама, я поняла. Это я киваю...

– А, прекрасно, дорогая. Вот видишь, как быстро ты все схватываешь. Ну, девочки, я хочу посмотреть на ваш подобострастный вид... Так... Отлично... А теперь киваем. Так... Да... Сверху вниз... Очень хорошо, прямо как в “Шато Мармон”.

Не одну Тамару Куинн так взбудоражило присутствие в Авроре Гарри: весь город так и бурлил. Некоторые говорили, что в Нью-Йорке он величайшая знаменитость, другие это подтверждали, чтобы не прослыть невеждами. Правда, Эрни Пинкас, у которого в городской библиотеке было несколько экземпляров первого романа Квеберта, заявлял, что первый раз слышит о таком писателе, но, в сущности, кого могло интересовать мнение фабричного рабочего, ничего не понимавшего в нью-йоркском высшем свете? А главное, все сходились на том, что кто попало не поселился бы в роскошном доме в Гусиной бухте, где жильцов не было уже много лет.

Второй повод для волнений касался девушек на выданье, а порой и их родителей: Гарри Квеберт был не женат. Его сердце было свободно, а известность, ум, состояние и весьма привлекательная внешность превращали его в завидного жениха. В “Кларксе” весь персонал скоро понял, что Дженни Куинн, двадцатичетырехлетняя блондинка, красивая и чувственная, бывшая заводила чирлидеров в школе Авроры, без ума от Гарри. Дженни обслуживала посетителей по будням; она единственная открыто нарушала инструкцию: шутила с Гарри, все время заговаривала с ним, отрывала его от работы и никогда не приносила все приправы сразу. На выходных Дженни не работала; по субботам приходила Нола.

Из задумчивости Нолу вывел повар, нажавший на служебный звонок: тосты Гарри были готовы. Она поставила тарелку на поднос, поправила золотистую заколку в волосах и толкнула дверь кухни, гордая собой. Уже две недели она была влюблена.

Она принесла Гарри заказ. Народу в “Кларксе” постепенно прибавлялось.

– Приятного аппетита, мистер Квеберт.

– Зови меня Гарри...

– Только не здесь, – прошептала она, – миссис Куинн это не понравится.

– Ее же нет. Никто не узнает.

Она указала глазами на других клиентов и направилась к их столику.

Он проглотил кусочек тоста и нацарапал несколько строк на листке. Написал дату: *суббота, 14 июня 1975 года*. Он марал бумагу, сам не вполне понимая, что пишет; за три недели, что он прожил здесь, ему так и не удалось начать свой роман. Ни одна из идей, приходивших ему на ум, так ни во что и не вылилась, и чем больше он старался, тем хуже у него получалось. Ему казалось, что он медленно тонет, он чувствовал, что подхватил самую страшную чуму, какая только может поразить людей его сорта, – страх чистого листа. С каждым днем он все больше впадал в панику и даже усомнился в правильности своего замысла: он потратил все сбережения, чтобы снять до сентября этот внушительный дом на морском берегу, настоящий писательский дом, дом его мечты, но какой смысл разыгрывать из себя писателя, если не знаешь, о чем писать? Заключая договор аренды, он считал свой план непогрешимым: задумать чертовски хороший роман и к сентябрю написать достаточно много, чтобы предложить первые главы ведущим нью-йоркским издательствам, которые придут в восторг и будут драться за авторские права. Ему дадут приличный аванс, и он, обеспечив себе будущее, закончит книгу и станет звездой, как всегда и мечтал. Но теперь все его замыслы шли прахом: он до сих пор не написал ни строчки. Такими темпами ему придется осенью вернуться в Нью-Йорк без денег и

без книги, умолять директора школы снова взять его на работу и навсегда забыть о славе. А если будет нужно, найти еще и место ночного сторожа, чтобы отложить хоть немного денег.

Он взглянул на Нолу, что-то обсуждавшую с другими клиентами. Она сияла. Он услышал ее смех и написал:

Нола. Нола. Нола. Нола. Нола.

Н-О-Л-А. Н-О-Л-А.

Н-О-Л-А. Эти четыре буквы перевернули его мир. Нола, маленькая женщина, вскружившая ему голову, едва он ее увидел. Н-О-Л-А. Через два дня после встречи на пляже он столкнулся с ней у супермаркета; они вместе дошли по главной улице до пристани для яхт.

– Все говорят, что вы приехали в Аврору писать книгу, – сказала она.

– Это правда.

Она пришла в восторг:

– О, Гарри, это потрясающе! Я первый раз встречаю настоящего писателя! Мне столько всего хочется у вас спросить...

– Например?

– Как люди пишут?

– Это получается само собой. В голове вертятся разные мысли, а потом превращаются во фразы и выплескиваются на бумагу.

– Как, наверно, здорово быть писателем!

Он посмотрел на нее – и просто-напросто влюбился до безумия.

Н-О-Л-А. Она сказала, что работает в “Кларксе” по субботам, и в следующую субботу он с раннего утра уже был там. Весь день он сидел и смотрел на нее, любясь каждым ее движением. Потом он вспомнил, что ей всего пятнадцать, и ему стало стыдно: если кто-нибудь в этом городе догадается, какие чувства он питает к маленькой официантке из “Кларкса”, у него будут неприятности. Его могут даже посадить в тюрьму. Тогда, чтобы не вызывать подозрений, он стал приходить завтракать в “Кларксе” каждый день. Уже больше недели он изображал из себя завсегдатая, делал вид, что ежедневно приходит работать, просто так, независимо ни от чего: никто не должен был знать, что по субботам его сердце бьется чаще. И каждый день, сидя за рабочим столом, на террасе Гусиной бухты, и в “Кларксе”, он писал лишь одно: ее имя. Н-О-Л-А. Целыми страницами – лишь бы называть ее по имени, любоваться ею, описывать ее. Страницами, которые он потом рвал и сжигал в железной корзине для бумаг. Если кто-нибудь найдет эти страницы, ему конец.

Около полудня, в самый разгар ланча, Нолу подменила Минди: это было необычно. Нола вежливо подошла попрощаться к Гарри; с ней был мужчина – как догадался Гарри, ее отец, преподобный Дэвид Келлерган. Он появился чуть раньше и выпил у стойки стакан молока с гранатовым сиропом.

– До свидания, мистер Квеберт, – сказала Нола. – На сегодня я закончила. Я только хотела представить вам моего отца, преподобного Келлергана.

Гарри встал, и мужчины дружески пожали друг другу руки.

– Значит, вы и есть знаменитый писатель, – улыбнулся Келлерган.

– А вы – тот самый преподобный Келлерган, о котором здесь так много говорят.

Дэвид Келлерган поднял брови:

– Не обращайтесь внимания на все эти разговоры. Люди всегда преувеличивают.

Нола вытащила из кармана афишку и протянула Гарри:

– Сегодня в школе концерт по случаю окончания учебного года, мистер Квеберт. Я из-за этого сегодня должна уйти пораньше. В пять часов вечера. Вы придете?

– Нола, – ласково укорил ее отец, – оставь в покое бедного мистера Квеберта. Ну что ему делать на школьном представлении?

– Это будет очень красиво! – восторженно возразила она.

Гарри поблагодарил Нолу за приглашение и попрощался.

Смотрел через витрину ей вслед, пока она не скрылась за углом, а потом вернулся в Гусиную бухту и снова погрузился в свои наброски.

Два часа дня. Н-О-Л-А. Он просидел за письменным столом два часа, но не написал ни строчки, не в силах оторвать взгляд от циферблата наручных часов. Ему нельзя идти в школу – это под запретом. Но, несмотря на все стены и тюрьмы, он все равно хотел быть с ней: его тело томилось в Гусиной бухте, но дух танцевал на пляже с Нолой. Три часа. Четыре. Он вцепился в ручку, чтобы не встать из-за стола. Ей пятнадцать лет, его любовь под запретом. Н-О-Л-А.

Без десяти пять Гарри в элегантном темном костюме вошел в актовывй зал школы. В зале яблоку негде было упасть; на концерт собрался весь город. Пробираясь вперед по рядам, он не мог отделаться от ощущения, что люди за спиной перешептываются, что родители учеников, встречаясь с ним глазами, говорят: “А я знаю, почему ты здесь”. Ему стало страшно неловко, он уселся в первое попавшееся кресло и сполз пониже, чтобы никто его не видел.

Началось представление; он выслушал скверный хор. За ним последовали духовой ансамбль без драйва, звездные танцовщицы без блеска, бездушная игра в четыре руки и безголосые певцы. Потом свет погас; прожектор очертил на темной сцене яркий круг. И вышла она, в голубом платье с блестками, сверкавшем тысячью искр. Н-О-Л-А. Зал затих; она уселась на высокий стул, поправила заколку и придвинула стоявший перед ней микрофон. Потом послала слушателям сияющую улыбку, подхватила гитару и вдруг запела *Can't Help Falling in Love with You* в собственной аранжировке.

Публика сидела разинув рот; и Гарри в эту минуту понял, что судьба, направив его в Аврору, вела его к Ноле Келлерган, самой необыкновенной девушке, какую он когда-либо встречал и какой не встретит больше никогда. Быть может, его удел не в том, чтобы быть писателем, а в том, чтобы быть любимым этой потрясающей юной женщиной; какая судьба может быть прекраснее? Он был настолько потрясен, что в конце представления, пока все хлопали, встал со стула и ушел. Поскорей вернулся в Гусиную бухту, уселся на террасе и, огромными глотками прихлебывая виски, принялся испуленно писать: *Н-О-Л-А, Н-О-Л-А, Н-О-Л-А*. Он не знал, что делать. Уехать из Авроры? Но куда? Обрато в нью-йоркский хаос? Он снял этот дом на четыре месяца и половину уже заплатил. Он приехал писать книгу, и он должен ее написать. Он должен собраться и вести себя как писатель.

Когда от письма у него заболела рука, а от виски голова пошла кругом, он спустился на пляж и, привалившись в унынии к высокой скале, стал созерцать горизонт. Внезапно за его спиной послышались шаги.

– Гарри? Гарри, что случилось?

Это была Нола, в своем голубом платье. Она бросилась к нему и упала на колени в песок.

– Боже мой, Гарри! Вам плохо?

– Что... Что ты здесь делаешь? – вместо ответа спросил он.

– Я ждала вас после концерта. Я видела, как вы встали и ушли, когда все хлопали, и не могла вас найти. Я беспокоилась... Почему вы так быстро ушли?

– Тебе нельзя здесь оставаться, Нола.

– Почему?

– Потому что я напился. То есть я хочу сказать, я немного пьян. Теперь жалею, если бы я знал, что ты придешь, я бы не пил.

– Почему вы напились, Гарри? Вы такой грустный...

– Мне одиноко. Мне до ужаса одиноко.

Она прижалась к нему и посмотрела ему прямо в глаза пронзительным, сияющим взглядом.

– Ну Гарри, вокруг вас столько людей!

– Меня убивает одиночество, Нола.

– Тогда я составлю вам компанию.

– Тебе нельзя...

– А мне хочется. Если только я вам не мешаю.

– Ты мне никогда не мешаешь.

– Гарри, почему все писатели такие одинокие? Хемингуэй, Мелвилл... Это же самые одинокие люди на свете!

– Не знаю, то ли все писатели одинокие, то ли они от одиночества и пишут...

– А почему все писатели кончают жизнь самоубийством?

– Самоубийством кончают не все писатели. Только те, чьи книги никто не читает.

– Я прочитала вашу книгу. Взяла в городской библиотеке и прочитала за одну ночь! Мне так понравилось! Вы очень большой писатель, Гарри! Гарри... сегодня вечером я пела для вас. Эту песню я пела для вас!

Он улыбнулся и посмотрел на нее. Она с бесконечной нежностью провела рукой по его волосам и повторила:

– Вы очень большой писатель, Гарри. Вы не должны чувствовать себя одиноким. Я здесь, с вами.

25. О Ноле

– Гарри, а как, в сущности, стать писателем?

– Никогда не отступать. Знаете, Маркус, свобода, жажда свободы – это война с самим собой. Мы живем в обществе смиренных офисных служащих, и чтобы вытащить себя из этого болота, надо сражаться одновременно и с собой, и со всем миром. Свобода – это ежеминутная борьба, которую мы почти не осознаем. Я никогда не покорюсь.

Маленькие города американской глубинки имеют тот недостаток, что в них есть только бригады пожарных-волонтеров, куда менее расторопных, чем профессионалы. Поэтому вечером 20 июня 2008 года, когда я смотрел, как пламя, вырвавшись из “корвета”, охватывает пристройку, служившую гаражом, между моим звонком в спасательные службы и их появлением в Гусиной бухте прошло довольно много времени. Дом уцелел чудом – хотя, по мнению командира пожарных Авроры, чудом было прежде всего то, что гараж находился в отдельной постройке, и это позволило быстро локализовать огонь.

Пока в Гусиной бухте сутились полицейские и пожарные, приехал Тревис Доун, которого тоже подняли по тревоге.

– Маркус, ты не ранен? – спросил он, бросившись ко мне.

– Нет, со мной все в порядке, разве что дом едва не сгорел...

– Что произошло?

– Я возвращался с пляжа Гранд-Бич и, свернув на дорожку, увидел фигуру человека, он убежал в лес. А потом это пламя...

– Ты успел опознать этого человека?

– Нет. Все случилось так быстро...

Внезапно нас позвал полицейский, прибывший на место одновременно с пожарной командой. Осматривая окрестности дома, он обнаружил письмо, засунутое в дверной проем. Листок с надписью:

Возвращайся домой, Гольдман.

– Черт! Вчера я получил такое же.

– Такое же? И где оно было? – спросил Тревис.

– На моей машине. Я зашел минут на десять в магазин, а когда вернулся, у меня под “дворник” было засунуто это самое послание.

– Думаешь, кто-то тебя преследует?

– Я... Я понятия не имею. До сих пор не обращал на это внимания. Но что это все значит?

– Этот пожар здорово похож на предупреждение, Маркус.

– Предупреждение? Кому бы и зачем меня предупреждать?

– Похоже, кому-то не нравится твое присутствие в Авроре. Всем известно, что ты задаешь много вопросов...

– Ну и что? Кто-то боится, что я могу что-то раскопать про Нолу?

– Возможно. Во всяком случае, мне это не нравится. Дело пахнет жареным. Я здесь на ночь оставляю патруль, так надежнее.

– Не надо никакого патруля. Если этот тип меня ищет, пусть приходит: я его встречу.

– Спокойно, Маркус. Хочешь ты или нет, этой ночью тут будет дежурить патруль. Если я прав и это предупреждение, значит, скоро последуют и другие действия. Надо быть очень осторожным.

Назавтра я с раннего утра отправился в тюрьму рассказать Гарри об этом происшествии.

– “Возвращайся домой, Гольдман”? – переспросил он, когда я упомянул о письме.

– Именно так. Напечатано на компьютере.

– Что сделала полиция?

– Приехал Тревис Доун. Забрал письмо, сказал, что отдаст его на анализ. Думает, что это предупреждение. Возможно, кому-то не хочется, чтобы я дальше копался в этом деле. Кому-то, кто видит в вас идеального виновника и не желает, чтобы я совал свой нос, куда не надо.

– Может, тому, кто убил Нолу и Дебору Купер?

– Например.

Вид у Гарри был серьезный.

– Рот сказал, что в ближайший вторник я предстану перед Большим жюри. Горсткой добпорядочных граждан, которые рассмотрят мое дело и решат, насколько обоснованы обвинения. Судя по всему, Большое жюри всегда на стороне прокурора... Это какой-то кошмар, Маркус, каждый день мне кажется, что я увязаю все больше. Теряю почву под ногами. Сперва меня забирают, и я говорю себе, что это ошибка, через пару часов все выяснится, а потом я оказываюсь здесь, под арестом, вплоть до самого процесса, который когда еще будет, и мне грозит смертная казнь. Смертная казнь, Маркус! Я все время об этом думаю. Мне страшно.

Я и сам видел, что Гарри хиреет. Он сидел в тюрьме чуть больше недели, и было ясно, что ему не продержаться и месяца.

– Мы скоро вытащим вас отсюда, Гарри. Мы раскроем это убийство. Рот – прекрасный адвокат, не теряйте надежды. Может, продолжите вашу историю? Расскажите мне про Нолу, с того места, где мы остановились. Что было после?

– После чего?

– После сцены на пляже. Когда в ту субботу, после школьного концерта, Нола пришла к вам и сказала, что вы не должны чувствовать себя одиноким.

С этими словами я поставил на стол плеер и включил его. Гарри слабо улыбнулся:

– Вы хороший парень, Маркус. Ведь это и было важнее всего: Нола приходит на пляж и говорит, чтобы я не чувствовал себя одиноким, что она здесь ради меня... По сути, я всегда был человек довольно одинокий, а тут вдруг стало иначе. С Нолой я чувствовал себя как бы частью целого, того целого, какое мы составляли вместе. Когда ее не было рядом, во мне обрзовывалась пустота, я никогда прежде не испытывал такого ощущения нехватки: как будто с тех пор, как она вошла в мою жизнь, все мое мироздание без нее вращалось вкривь и вкось. Я знал, что в ней мое счастье, но понимал и то, что у нас с ней все будет невероятно сложно. Впрочем, первым моим побуждением было подавить свои чувства: мы не могли быть вместе. В ту субботу мы еще немного постояли на пляже, а потом я сказал, что уже поздно, что ей надо домой, пока родители не стали волноваться, и она послушалась. Она ушла, она шла по пляжу, а я смотрел ей вслед в надежде, что она обернется, хоть один разок, и помашет мне рукой. Н-О-Л-А. Но мне любой ценой нужно было выкинуть ее из головы... Так что всю следующую неделю я, чтобы забыть Нолу, старался сблизиться с Дженни, той самой Дженни, которая теперь хозяйка “Кларкса”.

– Погодите... Вы хотите сказать, что Дженни, о которой вы сейчас рассказываете, Дженни семьдесят пятого года, официантка в “Кларксе”, – это Дженни Доун, жена Тревиса, которая теперь владеет “Кларксом”?

– Она самая. Только на тридцать лет старше. В те времена она была очень красивая. Впрочем, она и сейчас красива. Знаете, она могла бы стать актрисой, попытать счастья в Голливуде. Она часто об этом говорила. Уехать из Авроры и зажить полной жизнью в Калифорнии. Но она так ничего и не сделала: осталась здесь, получила от матери ресторан и в итоге будет всю жизнь продавать гамбургеры. Сама виновата: мы сами выбираем себе жизнь, Маркус. Уж я-то знаю...

– Почему вы так говорите?

– Не важно... Я отвлекаюсь и теряю нить рассказа. Я говорил о Дженни. В общем, Дженни было двадцать четыре, и она была очень красивая: королева красоты в школе, чувственная блондинка, от которой любой мужчина потеряет голову. Впрочем, на Дженни тогда все заглядывались. Я целыми днями сидел в “Кларксе”, в ее обществе. Мне в “Кларксе” открыли счет, и я все туда записывал. Я совершенно не считал, сколько тратил, притом что я вбухал все свои сбережения в аренду дома и мой бюджет был весьма ограничен.

Среда, 18 июня 1975 года

С тех пор как в Аврору приехал Гарри, Дженни Куинн по утрам приводила себя в порядок на целый час дольше. Она влюбилась в него с первого дня, с той минуты, как его увидела. Никогда прежде она не испытывала подобных чувств: он был мужчиной ее жизни, она это знала. Он был тем, кого она ждала всегда. Каждый раз, увидев его, она представляла себе их совместную жизнь: пышную свадьбу, жизнь в Нью-Йорке. Гусиная бухта будет их летней виллой, здесь он сможет в тишине и покое править рукописи, а она – навещать родителей. Он увезет ее далеко-далеко от Авроры; ей больше не нужно будет отчищать заляпанные жиром столы и туалеты в этом занюханном ресторане. Она сделает карьеру на Бродвее, отправится сниматься в Калифорнию. Об их семье напишут в газетах.

Она ничего не придумывала, это не была игра воображения: между ней и Гарри явно что-то намечалось. Он любил ее, он тоже ее любил, это точно. Иначе с чего бы ему каждый день приходиться в “Кларкс”? Каждый день! А их разговоры у стойки! Ей так нравилось, когда он присаживался напротив нее, чтобы немного поболтать. Он нисколько не походил на мужчин, которых она встречала прежде, он был куда умнее, утонченнее. Ее мать, Тамара Куинн, дала строгие указания всему персоналу “Кларкса”, в частности, запретила с ним разговаривать и его отвлекать, и, случалось, бранила ее дома за неподобающее поведение. Но мать ничего не понимала, не понимала, что Гарри настолько любит ее, что пишет о ней книгу.

Про книгу она заподозрила несколько дней назад, а сегодня утром убедилась. Гарри появился в “Кларксе” на рассвете, около половины седьмого утра, сразу после открытия. Он редко приходил так рано; обычно в это время здесь бывали одни только дальнобойщики и коммивояжеры. Едва усевшись за свой обычный столик, он принялся писать, неистово, без остановки, почти лежа на бумаге, словно боялся, как бы кто-нибудь не увидел, что он пишет. Иногда останавливался и подолгу смотрел на нее; она делала вид, будто ничего не замечает, но знала, что он не сводит с нее глаз. Сперва она не сообразила, почему он так пристально на нее смотрит. А около полудня поняла: он пишет книгу о ней. Да, она, Дженни Куинн, – главная героиня нового шедевра Гарри Квеберга. Вот почему он не хотел, чтобы кто-нибудь увидел его листки. Едва осознав это, она пришла в невероятное волнение. И поскольку настало время ланча, воспользовалась случаем, чтобы принести ему меню и немного поболтать.

Все утро он писал четыре буквы ее имени: *Н-О-Л-А*. Ее образ не выходил у него из головы, ее лицо занимало все его мысли. Иногда он закрывал глаза, чтобы представить ее себе, потом, словно пытаясь излечиться, старался смотреть на Дженни, в надежде, что забудет ее. Дженни красавица, почему бы ему ее не полюбить?

Около полудня, увидев, что Дженни направляется к нему с меню и чашкой кофе, он прикрыл исписанную страницу чистым листом – как всегда, когда кто-нибудь к нему приближался.

– Пора вам что-нибудь поесть, Гарри, – велела она чересчур заботливым тоном. – Вы за целый день маковой росинки не проглотили, только добрых полтора литра кофе. У вас будет изжога на голодный желудок.

Он постарался вежливо улыбнуться и как-нибудь завязать разговор. На лбу у него выступили капли пота, и он быстро вытер его тыльной стороной руки.

– Вам жарко, Гарри. Вы слишком много работаете!

- Возможно.
- У вас вдохновение?
- Да. В последнее время дело, можно сказать, идет неплохо.
- Вы все утро не поднимали головы.
- В самом деле.

Дженни улыбнулась заговорщицкой улыбкой, давая понять, что ей все известно про книгу.

– Гарри... Я знаю, это нескромно, но... Можно мне почитать? Хотя бы несколько страниц? Мне так интересно посмотреть, что вы пишете. Это, наверно, чудесно.

- У меня еще не совсем готово...
- Наверняка это уже потрясающе.
- Попозже посмотрим.

Она снова улыбнулась:

- Позвольте принести вам лимонаду немного освежиться. Хотите что-нибудь съесть?
- Я возьму яичницу с беконом.

Дженни немедленно исчезла на кухне и заорала повару: “Яичницу с беконом для великого пис-сателя!” Мать, видевшая, что она болтает в зале, призвала ее к порядку:

- Дженни, прекрати надоедать мистеру Квеберту!
- Надоедать? Мама, ты промахнулась: я его вдохновляю!

Тамара Куинн с сомнением посмотрела на дочь. Ее Дженни – милая девушка, но уж очень наивная.

– Кто тебе вбил в голову такую чепуху?

– Гарри в меня влюблен, мама, я знаю. И по-моему, я на первых ролях в его книге. Да, мама, твоя дочь не будет всю жизнь подавать бекон и кофе. Твоя дочь выйдет в люди!

– Да что ты такое городишь?

– Между Гарри и мной скоро все будет официально, – слегка преувеличила Дженни, чтобы мать уяснила как следует.

И, торжествуя, состроила лукавую гримаску и удалилась в зал походкой королевы.

Тамара Куинн не смогла удержаться от довольной улыбки: если дочери удастся подцепить Квеберта, о “Кларксе” заговорят по всей стране. Может, и свадьбу сыграют здесь, кто знает: она найдет слова, чтобы убедить Гарри. Оцепленный квартал, большие белые шатры на улице, тщательно отобранная публика; половина нью-йоркского бомонда, десятки журналистов освещают событие, бесконечные вспышки камер... Этого человека послало само небо.

В тот день Гарри покинул “Кларкс” в четыре часа, торопливо, словно припозднился. Сел в машину, припаркованную перед закуской, и быстро уехал. Он не хотел опоздать, не хотел ее упустить. Вскоре после его ухода на том же месте остановился полицейский автомобиль. Полицейский Тревис Доун, нервно вцепившись в руль, украдкой заглянул через витрину в ресторан. Решив, что народу еще слишком много, он не решился войти внутрь. Воспользовавшись передышкой, он стал повторять заготовленную фразу. Уж одну фразу-то он мог сказать; не нужно так робеть. Одну несчастную фразу, всего с десятков слов. Глядя на себя в зеркало заднего вида, он произнес: “Живет, Пренни. Я подумал, может, нам в субкино сходить в боту...” Он чертыхнулся: совсем не та фраза! Одна какая-то фраза, всего ничего, а он никак не может запомнить. Развернув клочок бумаги, он перечитал записанные слова:

Привет, Дженни! Я подумал, если ты свободна в субботу вечером, мы можем сходить в кино в Монберри.

Ничего ведь сложного: ему надо войти в “Кларкс”, улыбнуться, сесть за стойку и спросить кофе. Пока она будет наливать ему чашку, надо произнести эту фразу. Он пригладил волосы и сделал вид, будто занят и говорит по радиосвязи – на случай, если кто-нибудь его увидит. Про-

шло десять минут; четверо клиентов вместе вышли из “Кларкса”. Путь был свободен. Сердце у него колотилось: он чувствовал, как оно отдается в груди, в руках, в голове, казалось, пульсировали даже кончики пальцев. Он вышел из машины, сжимая в кулаке бумажку. Он любил ее. Он любил ее еще в школе. Она была самой восхитительной женщиной, какую он когда-либо встречал. Из-за нее он и остался в Авроре: в полицейской академии отмечали его способности, советовали не оставаться в местной полиции, а метить выше. Говорили про полицию штата и даже федеральную. Какой-то тип приезжал из Вашингтона и сказал ему: “Парень, нечего тебе делать в глухой дыре. Идет набор в ФБР. ФБР – это все-таки не шутки”. ФБР. Ему предлагали ФБР. Может, он бы даже попросился в престижнейшую секретную службу, ведающую охраной президента и первых лиц страны. Но была на свете эта девушка, официантка в закусочной “Кларкс”, в Авроре, девушка, которую он всегда любил и которая, как он надеялся, однажды обратит на него внимание, – Дженни Куинн. Поэтому он попросил направить его в полицию Авроры. Без Дженни его жизнь не имела смысла. У дверей ресторана он остановился, набрал в легкие воздуха и шагнул внутрь.

Она думала о Гарри, машинально вытирая уже сухие чашки. В последнее время он всегда исчезал около четырех; она спрашивала себя, куда он так регулярно ходит. Может, на свидание? С кем? Какой-то посетитель, усевшись за стойку, вывел ее из задумчивости:

– Здравствуй, Дженни.

Это был Тревис, ее симпатичный школьный приятель, а теперь полицейский.

– Привет, Тревис. Налить тебе кофе?

– С удовольствием.

Он на миг прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться: надо было произнести фразу. Она поставила перед ним чашку и налила кофе. Момент настал.

– Дженни... Я хотел тебе сказать...

– Да?

Она устремила на него взгляд своих больших светлых глаз, и он растерялся вконец. Что там дальше во фразе? Кино.

– Кино, – выговорил он.

– Что – кино?

– Я... В Манчестере было ограбление в кино.

– Неужели? Ограбили кино? Какая странная история.

– В почтовом отделении Манчестера, я хотел сказать.

Какого дьявола он говорит про это ограбление? Кино!

Он должен говорить про кино!

– Так на почте или в кино? – спросила Дженни.

Кино. Кино. Кино. Кино. Говорить про кино! Его сердце готово было лопнуть. Он решился:

– Дженни... Я хотел... В общем, я подумал, что, может... В общем, если ты хочешь...

В эту минуту Тамара из кухни позвала дочь, и Дженни пришлось прервать его рацеи:

– Прости, Тревис, мне надо идти. Мама сегодня в кошмарном настроении.

И девушка скрылась за маятниковыми дверьми, не дав молодому полицейскому закончить фразу. Он вздохнул и прошептал: “Я подумал, если ты свободна в субботу вечером, мы можем сходить в кино в Монберри”. Потом оставил пять долларов за пятидесятицентовый кофе, который даже не выпил, и, печальный, разочарованный, вышел из “Кларкса”.

* * *

– Куда вы ходили каждый день в четыре часа, Гарри? – спросил я.

Он ответил не сразу. Он смотрел в окно, и мне показалось, что на лице его улыбка счастья. В конце концов он произнес:

– Мне так нужно было ее видеть...

– Нолу, да?

– Да. Знаете, Дженни была потрясающая девушка, но она была не Нола. Быть с Нолой значило жить настоящей жизнью. Иначе не скажешь. Каждая секунда, проведенная с ней, была секундой жизни во всей ее полноте. По-моему, вот это и есть любовь. Ее смех, Маркус, этот смех звучит во мне уже тридцать три года. Этот ее невероятный взгляд, ее глаза, искрящиеся жизнью, – они всегда здесь, передо мной... И все ее жесты, ее манера поправлять волосы, покусывать губы. Я всегда слышу в себе ее голос, иногда она как будто рядом со мной. Когда я иду в центр города, к пристани или в супермаркет, я снова вижу, как она говорит со мной о жизни и о книгах. Тогда, в июне 1975-го, мне казалось, что она всегда была частью моей жизни, хотя вошла она в нее меньше месяца назад. И когда ее не было со мной, мне казалось, что все утратило смысл: день, когда я не видел Нолу, был потерянным днем. Мне так нужно было ее видеть, что я не мог ждать очередной субботы. Тогда я стал поджидать ее у выхода из школы. Вот что я делал, когда уходил из “Кларкса” в четыре часа. Я садился в машину и ехал к школе. Вставал на парковку для учителей, прямо перед главным входом, и, прячась в машине, ждал, когда она выйдет. Едва она появлялась, я чувствовал себя настолько полным жизни, настолько сильным... Мне хватало счастья мельком ее увидеть: я смотрел на нее, пока она не садилась в школьный автобус, а потом еще ждал, когда автобус исчезнет вдали. Может, я был безумен, Маркус?

– Нет, Гарри, не думаю.

– Я знаю одно: Нола жила во мне. Буквально. Потом снова настала суббота, и та суббота была замечательным днем. Стояла прекрасная погода, весь народ отправился на пляж: в “Кларксе” было безлюдно, и мы вели с Нолой долгие разговоры. По ее словам, она много думала обо мне, о моей книге, и что то, что я сейчас пишу, будет, несомненно, великим шедевром. В конце ее рабочего дня, около шести, я предложил подвезти ее на машине. Я высадил ее за квартал до дома, в пустынной аллее, подальше от чужих взглядов. Она спросила, не хочу ли я немного пройтись, но я объяснил, что это сложно, если кто-нибудь увидит нас вдвоем на прогулке, в городе пойдут сплетни. Помню, она сказала:

“Гулять – это не преступление, Гарри...” – “Я знаю, Нола. Но думаю, у людей возникнут вопросы”. Она поморщилась.

“Мне так нравится быть с вами, Гарри. Вы удивительный человек. Как было бы хорошо, если бы мы могли побыть немного вместе и нам не надо было прятаться”.

Суббота, 28 июня 1975 года

Час дня. Дженни Куинн хлопотала за стойкой “Кларкса”. Каждый раз, как открывалась дверь ресторана, она подскакивала, надеясь, что это он. Но его не было. Она нервничала и очень злилась. Дверь хлопнула еще раз, и опять это был не Гарри. Это была ее мать, Тамара; вид дочери удивил ее: на ней был восхитительный кремовый костюм, который она обычно надевала только по торжественным случаям.

– Дорогая, ты почему это так одета? – спросила Тамара. – Где твой передник?

– Может, я больше не хочу носить твои уродские передники! Имею я право хоть иногда побыть красивой или нет? Думаешь, мне нравится целыми днями подавать стейки?

В глазах ее стояли слезы.

– Да что происходит, в конце концов?

– А то, что сегодня суббота и я не должна работать! Я никогда не работаю по выходным!

– Но ты же сама потребовала поставить тебя вместо Нолы, когда она попросила на сегодня отгул.

– Да. Наверно. Сама не знаю. Ой, мама, я такая несчастная!

Дженни, вертевшая в руках бутылку кетчупа, по неловкости уронила ее на пол: бутылка разбилась, и белые чистенькие тенниски покрылись красными брызгами. Она разрыдалась.

– Дорогая, ну что с тобой? – заволновалась мать.

– Я жду Гарри, мама! Он всегда приходит по субботам... Так почему его сегодня нет? Мама, я такая дура! Как я могла подумать, что он меня любит? Такой мужчина, как Гарри, никогда не захочет иметь дело с простой подавальщицей гамбургеров вроде меня! Я просто идиотка!

– Ну-ну, не надо так говорить! – Тамара обняла ее, утешая. – Ступай повеселись, бери свой выходной. Я тебя подменю. Я не хочу, чтобы ты плакала. Ты чудесная девушка, и я уверена, что Гарри в тебя влюблен.

– Тогда почему его нет?

Мамаша Куинн на секунду задумалась:

– А он знал, что ты сегодня работаешь? Ты же никогда не работаешь по субботам, с чего ему приходиться, если тебя нет? Знаешь, что я думаю, дорогая: Гарри, наверно, очень несчастен в субботу, потому что в этот день он тебя не видит.

Лицо Дженни прояснилось.

– О, мама, как я сама об этом не подумала!

– Тебе бы стоило съездить к нему домой. Я уверена, он будет счастлив тебя видеть.

Дженни вспыхнула от радости. Какую отличную мысль подала ей мать! Поехать к Гарри в Гусиную бухту, устроить ему хороший пикник: бедняга, должно быть, работает как проклятый и наверняка забыл пообедать. И она кинулась на кухню за едой.

В эти самые минуты в городке Рокленд, штат Мэн, в ста двадцати милях от Авроры, Гарри и Нола устроили пикник на берегу океана. Нола бросала куски хлеба огромным чайкам, издававшим хриплые крики.

– Обожаю чаек! – воскликнула она. – Это мои самые любимые птицы. Наверно, потому, что я люблю океан, а где чайки, там и океан. Правда: ведь даже если горизонт скрыт за деревьями, чайки в небе нам напоминают, что океан совсем рядом. Вы напишете о чайках в своей книге, Гарри?

– Если хочешь. Я вставлю в эту книгу все, что ты хочешь.

– А о чем она?

– Мне бы хотелось тебе сказать, но не могу.

– Это история любви?

– В каком-то смысле.

Он смотрел на нее с улыбкой. В руках у него была тетрадь, и он попробовал зарисовать карандашом эту сцену.

– Что вы делаете? – спросила она.

– набросок.

– Вы еще и рисуете? Нет, вы точно одарены во всем. Покажите, я хочу посмотреть!

Она подошла к нему и, увидев рисунок, пришла в восторг:

– Как красиво, Гарри! Вы такой талантливый!

В порыве нежности она прижалась к нему, но он оттолкнул ее, почти рефлекторно, и огляделся вокруг, словно желая убедиться, что их никто не видел.

– Зачем вы так? – рассердилась Нола. – Вы меня стыдитесь?

– Нола, тебе пятнадцать лет... А мне тридцать четыре. Люди не поймут.

– Люди – идиоты!

Он засмеялся и несколькими штрихами набросал ее гневную физиономию. Она снова прильнула к нему, и он сдался. Вместе они смотрели, как чайки дерутся из-за кусков хлеба.

Они решились на эту поездку несколько дней назад. Он подждал ее неподалеку от дома, после школы. Возле остановки школьного автобуса. Увидев его, она удивилась и страшно обрадовалась:

– Гарри? Что вы тут делаете?

– Честное слово, сам не знаю. Но я хотел тебя увидеть. Я... Знаешь, Нола, я тут поразмыслил над твоей идеей...

– Побывать только вдвоем, без никого?

– Да. Я подумал, что мы можем куда-нибудь съездить на этих выходных. Недалеко. В Рокленд, например. Туда, где нас никто не знает. Чтобы чувствовать себя свободнее. Если ты хочешь, конечно.

– О, Гарри, это было бы потрясающе! Только надо ехать в субботу, мне нельзя пропускать воскресную службу.

– Значит, в субботу. Ты сможешь освободиться?

– Конечно! Отпрошусь у миссис Куинн. И придумаю, что сказать родителям. Не беспокойтесь.

Она придумает, что сказать родителям. Когда она произнесла эту фразу, он спросил себя, с чего ему вздумалось втюриться в девочку-подростка. И сейчас, на пляже в Рокленде, он думал о них.

– О чем вы думаете, Гарри? – спросила Нола, по-прежнему прижимаясь к нему.

– О том, что мы с тобой делаем.

– А что плохого в том, что мы делаем?

– Ты сама прекрасно знаешь. А может, не знаешь. Что ты сказала родителям?

– Они думают, что я с подругой, Нэнси Хаттауэй, и что мы рано утром поехали целый день кататься на лодке отца Тедди Бапста, ее дружка.

– А где Нэнси?

– Катается на лодке с Тедди. Вдвоем. Она сказала, что я с ними, чтобы родители Тедди отпустили их поплавать одних.

– Значит, ее мать думает, что она с тобой, а твоя – что ты с Нэнси, и если они друг другу позвонят, все подтвердится.

– Вот именно. План беспроектный. Мне надо вернуться к восьми вечера, мы успеем потанцевать? Мне так хочется, чтобы мы вместе потанцевали.

Когда Дженни приехала в Гусиную бухту, было три часа дня. Ставя машину перед домом, она обнаружила, что черного “шевроле” на месте нет. Наверно, Гарри уехал. Она все-таки позвонила в дверь: как и следовало ожидать, никто не ответил. Она обошла дом проверить, может, он на террасе, но и там никого не было. В конце концов она решила войти. Вероятно, Гарри поехал проветриться. Он много работал в последние дни, ему надо сделать перерыв. Конечно, он будет очень счастлив, когда, вернувшись, обнаружит на столе отличную закуску: сэндвичи с говядиной, яйца, сыр, овощи кусочками с соусом на травах, ее фирменным, кусок торта и сочные фрукты.

Дженни первый раз видела дом изнутри. И нашла, что все здесь великолепно. Просторно, отделано со вкусом; выступающие балки на потолке, большие книжные шкафы вдоль стен, лакированный паркет и огромные окна во всю стену с панорамным видом на океан. Помимо своей воли она представила, как живет здесь вместе с Гарри: летом они будут завтракать на террасе, зимой запрутся в тепле, у камина в гостиной, и он станет читать ей отрывки из своего нового романа. Зачем ехать в Нью-Йорк? Они и здесь будут так счастливы вместе. Им ничего не будет нужно, кроме них самих. Она разложила еду на столе в столовой, расставила посуду, которую нашла в буфете, и, закончив, села в кресло и стала ждать. Пусть ему будет сюрприз.

Она ждала час. Куда он мог деться? Ей стало скучно, и она решила заглянуть в другие комнаты. Первая дверь вела в кабинет на первом этаже. Там было тесновато, но все удобно обустроено: шкаф, секретер эбенового дерева, книжные полки на стене и широкий деревянный пюпитр, заваленный бумагой и ручками. Так вот где Гарри работает. Она подошла к пюпитру, просто так, взглянуть одним глазком. Она не хотела тайком читать, не хотела обмануть его доверие, ей просто хотелось увидеть, что он целыми днями пишет о ней. Уверенная в своем праве, она взяла из стопки верхнюю страницу и с бьющимся сердцем прочла. Первые строчки зачеркнуты и замазаны черным фломастером, так что ничего нельзя разобрать. Но ниже написано вполне четко:

Я хожу в “Кларкс”, только чтобы видеть ее. Я хожу туда, только чтобы быть рядом с ней. Она – все, о чем я всегда мечтал. Она живет во мне. Я одержим. Я не имею права. Мне нельзя. Мне нельзя туда ходить, нельзя даже оставаться в этом злосчастном городе: я должен уехать, бежать, никогда не возвращаться. Я не имею права ее любить, это запрещено. Может, я сошел с ума?

Сияя от счастья, Дженни расцеловала листок и прижала его к груди. Потом закружилась и громко воскликнула: “Гарри, любимый, вы не сошли с ума! Я тоже люблю вас, и вы имеете на меня все права на свете! Не убегайте, мой милый! Я вас так люблю!” В восторге от своего открытия, она поскорей положила листок обратно на пюпитр, чтобы ее не застигли, и сразу вернулась в гостиную. Улеглась на тахту, подняла юбку так, чтобы были видны ляжки, и расстегнула пуговицы, обнажив грудь. Никто никогда не писал ей ничего более прекрасного. Как только он вернется, она отдастся ему. Подарит ему свою девственность.

В эту самую минуту Дэвид Келлерган зашел в “Кларкс”, уселся за стойку и заказал, как всегда, большой стакан теплого молока с гранатовым сиропом.

– Вашей дочери сегодня нет, преподобный отец, – сказала Тамара, наливая ему молоко. – Она отпросилась.

– Я знаю, миссис Куинн. Она на море, с друзьями. Уехала на рассвете. Я предлагал ее отвезти, но она отказалась, велела мне отдыхать, оставаться в постели. Такая милая девочка.

– Вы совершенно правы, преподобный. Я ею очень довольна.

Дэвид Келлерган улыбнулся; Тамара на минуту задержала взгляд на низеньком жизнерадостном человечке с добрым лицом и в круглых очках. Лет пятидесяти, худой, с виду скорее хрупкий, он, однако, излучал огромную силу. Говорил всегда спокойно и взвешенно, никогда не повышал голос. Она очень уважала его, впрочем, как и все жители города. Ей нравились его проповеди, несмотря на рубленый выговор южанина. Дочь была похожа на него: нежная, вежливая, услужливая, приветливая. Хорошие люди были Дэвид и Нола Келлерган; настоящие американцы и настоящие христиане. Их очень любили в Авроре.

– Сколько вы уже у нас живете, преподобный отец? – спросила Тамара Куинн. – У меня такое впечатление, что вы здесь были всегда.

– Скоро шесть лет, миссис Куинн. Шесть прекрасных лет.

Преподобный обвел взглядом зал и, как завсегдатай, сразу заметил, что столик номер 17 не занят.

– Смотри-ка, писателя нет? Это нечасто случается, верно?

– Сегодня нет. Знаете, он такой приятный человек.

– Мне он тоже очень симпатичен. Я его здесь и встретил. Он любезно согласился прийти в школу на концерт по случаю окончания учебного года. Мне бы хотелось, чтобы он стал членом нашего прихода. Нам нужны известные личности, чтобы расшевелить этот город.

Тут Тамара вспомнила о дочери и, не удержавшись, с легкой улыбкой поделилась великой новостью:

– Только никому не говорите, преподобный: между ним и моей Дженни что-то намечается.

Дэвид Келлерган улыбнулся и отхлебнул большой глоток молока с гранатовым сиропом.

В Рокленде шесть часов. На террасе кафе Гарри и Нола, одурев от солнца, потягивали фруктовый сок. Нола просила, чтобы Гарри рассказал ей о своей нью-йоркской жизни. Ей хотелось знать все:

– Расскажите мне обо всем, расскажите, что значит быть там звездой.

Он знал, что она представляет себе жизнь, полную коктейлей и пирожных, но что он мог ей сказать? Что он совершенно не тот, кем его вообразили в Авроре? Что в Нью-Йорке он никому не известен? Что первая его книга прошла незамеченной, а сам он до сих пор был ничем не примечательным школьным учителем? Что у него больше почти нет денег, потому что все сбережения он угрохал на аренду Гусиной бухты? Что у него не получается ничего написать? Что он самозванец? Что гордый Гарри Квеберт, известный писатель, живущий в роскошном доме на морском берегу и целыми днями пишущий в кафе, просуществует всего одно лето? По сути, он не мог сказать ей правду: это почти наверняка значило бы ее потерять. И он решил выдумывать, играть до конца роль своей жизни – роль одаренного, уважаемого художника, уставшего от красных дорожек и нью-йоркской суеты и приехавшего в маленький городок Нью-Гэмпшира, чтобы дать необходимую передышку своему гению.

– Вам так повезло, Гарри, – восхищенно воскликнула она, выслушав его рассказ. – У вас такая увлекательная жизнь! Иногда мне хочется взлететь и оказаться далеко отсюда, далеко от Авроры. Знаете, я здесь задыхаюсь. Мои родители – тяжелые люди. Отец хороший, но он церковник, у него свои заморочки. А мать, она так сурова со мной! Можно подумать, она никогда не была молодой. Да еще этот храм по воскресеньям, он мне до чертиков надоел! Не знаю, верю ли я в Бога. А вы верите в Бога, Гарри? Если да, тогда я тоже буду верить.

– Не знаю, Нола. Теперь уже не знаю.

– Мать говорит, мы обязаны верить в Бога, иначе он нас жестоко накажет. Иногда я говорю себе, что, если сомневаешься, лучше честно признаться.

– Вообще-то, – заметил Гарри, – единственный, кто знает, существует Бог или нет, – это сам Бог.

Она рассмеялась. Простодушным, невинным смехом. Потом взяла его за руку и спросила:

– А человек имеет право не любить свою мать?

– Думаю, да. Любовь – это не обязанность.

– Но это есть в десяти заповедях. Возлюби своих родителей. Четвертая или пятая, уже не помню. Между тем первая заповедь – это верить в Бога. Значит, если я не верю в Бога, я не обязана любить свою мать, правда? Она такая суровая. Иногда запирает меня в комнате, говорит, что я распутная. Я не распутная, мне просто хочется быть свободной. Хочется иметь право немножко помечтать. Боже мой, уже шесть часов! Как бы я хотела, чтобы время остановилось. Пора возвращаться, а мы даже не успели потанцевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.